

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ 8-9 август
сентябрь
1933

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3-й год издания

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

(1903 — 1933)

1. Тридцать лет тому назад, 30 июля — 23 августа 1903 г., заседал II съезд Российской социал-демократической рабочей партии. Тридцатилетие II съезда партии — тридцатилетие большевизма.

За эти тридцать лет большевистская партия, — «ум, честь и совесть нашей эпохи»¹ — прошла славный и героический путь, выросла в могучую силу, руководящую советским государством и социалистическим строительством, ударную бригаду международного пролетариата, опирающуюся на беззаветную поддержку рабочих, трудящихся крестьян, угнетенных народов всего мира, потрясающую основы мирового капитализма. **Большевик** — слово, рожденное в боях II съезда, — вошло во все языки, как синоним последовательного пролетарского революционера. Имя **Ленина**, великого вождя большевизма, воплощающего всю историю большевистской партии, стало самым известным и самым любимым именем для сотен миллионов трудящихся всех стран. Имя **Ленина** стало знаменем борьбы за победу коммунистической революции во всем мире.

2. Большевизм проделал «практическую историю, которая по богатству опыта не знает себе равной в свете» (Ленин)².

«Ни в одной стране за эти 15 лет, — писал Ленин, имея в виду дооктябрьскую историю большевистской партии, — не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта»³.

Еще более богат, разнообразен, концентрирован 15-летний послеоктябрьский опыт нашей партии. Вооруженное восстание и захват

¹ Ленин, т. XXI, стр. 95.

² Ленин, т. XXV, стр. 175.

³ Ленин, т. XXV, стр. 175.

пролетариатом власти; строительство советского пролетарского государства; мобилизация активности инициативы широчайших масс пролетариата и бедняцко-середняцкого крестьянства; беспощадное подавление свергнутых и отчаянно сопротивляющихся эксплуататоров; организация вооруженных сил революции и руководство героической борьбой Красной армии против белогвардейщины и интервентов; победоносное социалистическое строительство; превращение нашей страны из аграрной в индустриальную; социалистическая переделка крестьянства и ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации; построение экономической базы социализма; мощный подъем социалистического соревнования и ударничества; величайшая культурная революция; освобождение угнетенных народностей и расцвет культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию; разгром классового врага, применяющего самые различные формы борьбы; разгром агентуры классового врага в партии — оппортунистов всех мастей и оттенков, троцкистов, правых, примиренцев; руководящая роль в создании и борьбе Коммунистического Интернационала — таков многообразный и богатейший опыт партии, впервые в человеческой истории руководящей страной диктатуры пролетариата.

Тридцатилетие большевизма — всемирно историческое торжество революционного учения Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина. Тридцатилетний путь большевистской партии — величайшее подтверждение решающей роли и значения ПАРТИИ в борьбе пролетариата за социалистическую революцию, за диктатуру пролетариата, за коммунизм.

II съезд и его историческое значение

3. Эпоха возникновения и оформления большевизма — эпоха величайших сдвигов в мировой экономике, эпоха небывалого обострения классовых противоречий и классовой борьбы. Капитализм перерос в империализм — загнивающий, умирающий капитализм; развитие капитализма стало скачкообразным, катастрофическим. Наступил канун социалистической революции.

Перед рабочим движением со всей остротой встали новые задачи организации и революционного воспитания масс, задачи подготовки к решающим боям за диктатуру пролетариата. II Интернационал (1889 — 1914), в свою лучшую пору выполнявший полезную работу подготовки почвы для распространения массового рабочего движения, не сумел ни поставить, ни тем более разрешить эти задачи. Оппортунизм, выросший в обстановке сравнительно «мирного» развития, взращенный легальностью, опиравшийся на рабочую аристократию, фактически господствовал в довоенном II Интернационале. Типом партии II Интернационала «была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм... Этот тип пережил себя» (Ленин) ⁴.

Для разрешения величайших задач новой эпохи — эпохи империализма и пролетарской революции — рабочему классу была необходима партия нового типа. Эта партия была создана гениальным вождем и теоретиком большевизма — Лениным.

4. Россия была узловым пунктом всех противоречий империализма; очагом невиданного капиталистического, помещичьего, колониального и военного гнета; важнейшим резервом и агентурой западного империализма в борьбе против революции и в хищнической эксплуатации десятков миллионов рабочих, крестьян и колониальных

⁴ Ленин, т. XVIII, стр. 86.

рабов. Интересы царизма и западного империализма теснейшим образом переплетались между собой. Все это определило характер, своеобразие и международное значение нараставшей в России величайшей народной революции, во главе которой шел революционный пролетариат, ведя за собой поднимавшиеся против помещика многомиллионные крестьянские массы. «Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую» (Сталин)⁵. Еще до II съезда, в 1902 г., Ленин писал: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является **наиболее революционной** из всех **ближайших** задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»⁶.

Центр мирового революционного движения переместился в Россию. Россия стала родиной ленинизма, родиной боевой партии пролетарской революции.

5. Оформление большевизма на II съезде РСДРП — результат всей предшествующей десятилетней борьбы Ленина за революционную пролетарскую партию. Еще в 90-х годах Ленин выступил как непосредственный, единственный и до конца последовательный приемник и продолжатель дела Маркса и Энгельса.

«Большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе теории марксизма». «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине **выстрадала** полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» (Ленин)⁷. Таков полувековой путь революционного движения в России до 90-х годов.

Группа «Освобождение Труда» (основанная в 1883 г.) во главе с Плехановым — первая социал-демократическая организация в России — «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» (Ленин)⁸. Именно Ленин уже в своих первых выступлениях, в 1894 г., со всей силой выдвинул перед революционным пролетариатом нашей страны великую задачу, сформулированную им в замечательной работе «Что такое «друзья народа»: «Русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) прямой дорогой открытой политической борьбы к **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**»⁹.

Уже в 90-х годах Ленин развернул самую непримиримую борьбу против народничества, против ревизионистов российских (струвисты, экономисты) и западно-европейских (бернштейнцы). Уже в 90-х годах Ленин разрабатывал дальше марксизм во всех областях, неуклонно отстаивал и проводил принцип партийности теории и неразрывного единства революционной теории и революционной практики. Ленинские работы 90-х годов — начало ленинского этапа в развитии марксизма.

Уже в 90-х годах Ленин поставил задачу создания пролетарской партии нового типа. Уже тогда Ленин развернул решительную борьбу

⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 9.

⁶ Ленин, т. IV, стр. 382.

⁷ Ленин, т. XXV, стр. 175.

⁸ Ленин, т. XVII, стр. 353.

⁹ Ленин, т. I, стр. 194.

за боевую, воюющую партию коммунистической революции. «История социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения, — таков тот материал, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии... «Обработка» этого материала должна быть однако самостоятельная, ибо готовых образцов нам искать нигде» (Ленин) ¹⁰.

Созданный и руководимый Лениным петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (1895 — 1897) был зачатком большевистской партии. В «Союзе борьбы» Ленин непримиримо воевал против малейших проявлений оппортунизма, руководил первыми революционными схватками пролетариата и воспитывал рабочий класс для решающей атаки против самодержавия и буржуазии. В этой борьбе Ленин воспитал и сплотил тесную группу своих единомышленников и боевых соратников, строителей большевистской партии.

«Большевики не «казус» — они выросли из борьбы с оппортунизмом 1894 — 1914 гг.» (Ленин) ¹¹.

6. II съезд был непосредственно подготовлен борьбой за партию, борьбой против русского и международного оппортунизма, которую вела созданная и руководимая Лениным старая «Искра» (1900 — 1903).

I съезд РСДРП (март 1898 г.) провозгласил образование партии. Но движение попрежнему оставалось на стадии отдельных, разрозненных кружков, не связанных единством боевой программы и централизованной организации. С.-д. группы и кружки раз'едались ржавчиной экономизма. «Экономисты» — российская разновидность международного оппортунизма, агентура буржуазии в рабочем движении — отрицали роль революционной теории, преклонялись перед стихийностью, отрицали гегемонию пролетариата и необходимость революционной партии. «Экономисты» отрицали самостоятельную политическую роль рабочего класса, плелись в хвосте отсталых слоев рабочих, занимались крохоборством и суживали задачи рабочего класса до «борьбы за пятак», пренебрегая конечной целью рабочего движения, превращая рабочий класс в охвостье буржуазии («рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба»). Беспощадная борьба с экономизмом была вопросом жизни и смерти для партии. Ленин возглавил эту борьбу еще в петербургском «Союзе» (1895 — 1897) и в сибирской ссылке (1897 — 1899).

В борьбе с экономизмом, в обстановке идейного разброда и организационного кустарничества Ленин развернул свой исторический план строительства партии («Что делать?»). Основным звеном этого плана было создание общерусской политической газеты, которая должна была стать идейным и организационным центром боевого ядра профессиональных революционеров, дисциплинированного и централизованного, выступающего во всеоружии марксистской программы и тактики, беспощадно изгоняющего из своих рядов оппортунистические элементы, тесно связанного с рабочими массами, построенного на революционной сознательности и величайшей активности каждого участника. «Победа этого плана заложила фундамент той сплоченной и закаленной коммунистической партии, равной которой не знает мир» (Сталин) ¹².

«Искра» была началом осуществления ленинского плана. «Искра» последовательно отстаивала революционное единство рабо-

¹⁰ Ленин, т. II, стр. 497.

¹¹ Лен. сб. XIV, стр. 317.

¹² Сталин, О Ленине. Партиздат, 1932, стр. 7.

чего класса, вела непрерывные бои против международного и русского бернштейнианства, проводила решительную политику разрыва с оппортунистами. «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться» (Ленин)¹³. Разгром «Искрой» «экономистов», беспощадная ленинская критика теории стихийности — идейной базы всякого оппортунизма — имели международное значение и создали «теоретические основы действительно революционного движения русского рабочего класса» (Сталин)¹⁴. «Искра» разработала и обосновала программные, тактические и организационные принципы партии.

Внутри самой «Искры» Ленин вел борьбу против оппортунистических шатаний Плеханова и других членов редакции (вопрос о диктатуре пролетариата, о классовом характере партии, о централизме, об отношении к либеральной буржуазии, об отношении к крестьянству, о национализации земли и т. д.).

«Искра» воспитала и сплотила революционный авангард пролетариата. «Искра», ее агенты и организация в России завоевали на свою сторону большинство местных с.-д. организаций. «Большевизм провел за три года, 1900 — 1903, старую «Искру» и вышел на борьбу с меньшевизмом, как цельное направление» (Ленин)¹⁵.

7. II съезд РСДРП явился ареной ожесточенной борьбы Ленина (большевиков) за пролетарскую партию нового типа против блока оппортунистов всех оттенков. Главная задача съезда состояла в «создании действительной партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой» (Ленин)¹⁶. Среди делегатов съезда было 33 искровца (из них 24 «твердых» и 9 «мягких», колеблющихся), 10 представителей «ботота» и 8 антиискровцев.

Съезд принял партийную программу, в центре которой стояла идея диктатуры пролетариата. В борьбе за революционную программу партии большевики дали отпор попыткам «экономистов» и бундовцев оппортунистически извратить программу (вопрос о диктатуре пролетариата, о революции, о неизбежности крушения капитализма, о руководящей роли партии) и реформистским вылазкам под флагом защиты программы (Троцкий). Принятая съездом программа, последовательно продолжавшая линию Маркса и Энгельса, резко отличалась от программ всех партий II Интернационала и давала «точную, ясную, непреклонно твердую формулировку»¹⁷ задач революционного пролетариата.

Существенное место в работах съезда занял вопрос о союзниках пролетариата. В борьбе за гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции большевики обосновали и отстаивали революционную аграрную программу, поставившую перед рабочим классом задачу — внести классовую борьбу в деревню, исчерпать до дна революционную энергию крестьянства в борьбе против царизма и помещиков. Большевики обосновали и отстаивали пролетарскую программу в национальном вопросе (право наций на самоопределение, единство организаций пролетариата всех народов России), борясь на два фронта против оппортунистической позиции Бунда (мелкобуржуазный лозунг национально-культурной автономии, расщепление пролетариата по национальному признаку) и польских социал-демократов (отрицание права наций на самоопределение, фактическая поддержка великодержавного шовинизма). Оппортунистической резолю-

¹³ Ленин, т. IV, стр. 39—40.

¹⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 18.

¹⁵ Ленин, т. XIV, стр. 163.

¹⁶ Ленин, т. VI, стр. 164.

¹⁷ Ленин, Соч., т. XV, стр. 201.

ции Потресова о либералах, которая отводила буржуазии роль гегемона в революции и превращала пролетариат в придаток либеральной буржуазии, большевики противопоставили резолюцию Ленина и Плеханова, острие которой было направлено против Струве и журнала «Освобождение», против антиреволюционного, антипролетарского, предательского характера либерального движения.

8. Главным вопросом борьбы на II съезде был **организационный** вопрос. Против идеи пролетарского централизма, которой был проникнут ленинский проект устава, восстала вся оппортунистическая часть съезда, от мартовцев до бундовцев и «экономистов». На вопросе о § 1 устава партии (о членстве партии) произошел раскол, подготовленный всей предшествующей борьбой Ленина с оппортунизмом и оппортунистическими шатаниями внутри редакции «Искры». «Мягкие» искровцы (Мартов, Аксельрод, Троцкий), боровшиеся против ленинского § 1 устава, стали организующим центром **меньшевистского** крыла II съезда. «Своей формулировкой о членстве в партии большевики хотели создать организационную узду против наплыва непролетарских элементов в партию... Русские меньшевики отстаивали противоположную позицию, открывающую широко двери партии непролетарским элементам» (Сталин)¹⁸. «Наша задача, — отвечал Ленин оппортунистам, — оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше»¹⁹.

Основой бешеной борьбы на съезде по организационному вопросу были две коренным образом расходящиеся линии в революции. Большевистскому курсу — доведение до конца буржуазной революции, ее перерастание в социалистическую, диктатура пролетариата — соответствовал ленинский план создания революционной пролетарской партии; из меньшевистского курса на буржуазно-парламентскую республику вытекал организационный оппортунизм, аксельродовско-мартовский «план» создания буржуазной «рабочей» партии. Бесмертная заслуга Ленина заключается в том, что он с гениальной прозорливостью в самом начале расхождений вскрыл всю их глубину и принципиальное значение, обнажил классовую суть и идейно-политический смысл организационного оппортунизма меньшевиков.

Раскол по § 1 устава получил свое окончательное закрепление в борьбе за **состав руководящих органов партии** (Центральный комитет и редакция центрального органа). Выборы в ЦК и ЦО твердых и последовательных сторонников ленинской линии должны были обеспечить революционное руководство партией и дальнейшую беспощадную борьбу с оппортунистическими, шаткими и ненадежными элементами. Своим голосованием по вопросу о составе ЦК и ЦО съезд закрепил победу ленинских принципов.

Борьба Ленина на II съезде является образцом большевистской принципиальности, партийности, непримиримости.

9. II съезд партии является **поворотным пунктом в международном рабочем движении**. Раскол на II съезде и создание большевистской партии означали удар по международному оппортунизму во всех его разновидностях. Виднейшие вожди II Интернационала, а также видные левые с.-д. из II Интернационала (Р. Люксембург и др.) поддерживали меньшевиков, развернувших после съезда подрывную работу против революционно-пролетарской партии. В боях против оппортунистов и центристов II Интернационала, громя меньшевиков (Аксельрод, Мартов, Троцкий, Плеханов), борясь с примиренческими элементами в собственных рядах, большевики отстаивали свою партию и закрепили это завоевание на III съезде (апрель — май 1905 г.).

¹⁸ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 607.

¹⁹ Ленин, т. VI, стр. 33

К великим боям первой русской революции российский пролетариат подошел во главе со своей окончательно сложившейся партией. «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 г.» (Ленин)²⁰.

● От II съезда и октябрьской победе

10. После II съезда большевистская партия под руководством Ленина прошла славный и великий путь борьбы за диктатуру пролетариата.

На первом этапе этого пути (1903 — февраль 1917) ближайшая задача партии — свержение царизма. На этом этапе «пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии» (Ленин)²¹.

Большевики рассматривали буржуазно-демократическую и социалистическую революцию, «как два звена одной цепи, как единую и цельную картину размаха революции» (Сталин)²². «От революции демократической, — писал Ленин, — мы сейчас же начнем переходить, и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»²³.

Весь ход первой революции (1905 — 1907) блестяще подтвердил большевистские лозунги, большевистскую стратегию и тактику. В гигантских классовых боях партия сумела возглавить революционную борьбу масс, сплачивала их вокруг своих лозунгов, руководила вооруженным восстанием, создавала первые советы — органы восстания и зачатки революционной диктатуры. «Весной 1905 года наша партия была союзом подпольных кружков; осенью она стала партией миллионов пролетариата» (Ленин)²⁴.

В годы реакции (1907 — 1910), после временного поражения революции, большевики были единственной партией, которая осталась с массами и во главе их и не дрогнула перед трудностями. «Революционный класс на собственном горьком опыте учится понимать, что нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению» (Ленин)²⁵. Большевики, неугомимо продолжая дело организации, сплочения и воспитания рабочего класса, сумели отступить в полном боевом порядке, сохранить свои кадры и подготовить силы для нового решительного наступления.

В годы революционного подъема (1910 — 1914) большевики организовали экономические и политические бои рабочего класса против царизма и буржуазии, укрепили гегемонию пролетариата, вывели на поле классовых битв новые боевые кадры рабочего класса — целое большевистское поколение, воспитанное ленинской «Правдой» (1912 — 1914). «Отстаивая верность революционным заветам партии, поддерживая начавшийся подъем рабочего движения..., соединяя легальную и нелегальную организацию, печать и агитацию, «правдисты» сплотили вокруг себя подавляющее большинство сознательного рабочего класса» (Ленин)²⁶.

В годы империалистической войны (1914 — 1918) большевики были единственной партией, которая объявила войну шовинистиче-

²⁰ Ленин, т. XXV, стр. 174.

²¹ Ленин, т. VIII, стр. 96.

²² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 23.

²³ Ленин, т. VIII, стр. 186.

²⁴ Ленин, т. XII, стр. 301.

²⁵ Ленин, т. XXV, стр. 177.

²⁶ Ленин, т. XVIII, стр. 220.

скому угару, выступила против течения, высоко несла свое старое, испытанное знамя пролетарского интернационализма. Мобилизуя массы вокруг революционных лозунгов — превращение войны империалистической в войну гражданскую, поражение «своего» правительства в империалистической войне, — большевики явились единственными организаторами и руководителями нараставшей революции не только в России, но и на Западе.

II. Важнейшим условием победы большевизма была непрерывная и непримиримая борьба за **партию**, за ее идейные и организационные основы.

Меньшевизм, который уже в революцию 1905 г. играл роль оруженосца кадетской буржуазии, в годы реакции ренегатски отрекся от революционных перспектив и революционного подполья и открыто выступил как столыпинская «рабочая» партия. В годы войны меньшевики превратились в социал-шовинистов, презренных холоуев царизма и империалистической буржуазии.

Троцкизм, русский центризм, гнуснейшая разновидность меньшевизма, в 1905 г. боролся против большевиков под флагом «перманентной революции»; в годы реакции пытался разрушить пролетарскую партию, сколачивая беспринципный авантюристский блок оппортунистов всех мастей («августовский блок» 1912 г.); в годы войны Иудушка-Троцкий проповедывал каутскианский социал-пацифизм — самую вредную и самую лицемерную защиту империалистической бойни.

Отзовисты (Богданов и К^о), «ликвидаторы наизнанку», герои «левой» фразы, буржуазные фальсификаторы марксизма, отрицали необходимость революционного использования легальных возможностей, пытались оторвать партию от рабочего класса и превратить пролетарскую партию в интеллигентский сектантский кружок.

Большевики-примиренцы (Каменев, Рыков и др.), пытались помешать партии вести решительную борьбу против оппортунистов справа и «слева», играли жалкую роль пособников ликвидаторства.

В непримиримой борьбе на два фронта, против правого и «левого» оппортунизма, большевики, под руководством Ленина, высоко держали знамя партийности. VI (Пражская) конференция (январь 1912 г.) закрепила в российском рабочем движении победу большевистской линии, линии на **разрыв, на раскол с оппортунизмом**, изгнав ликвидаторов из РСДРП и восстановив общепартийные центры. «В России особым счастьем большевиков было то, что они имели 15 лет для систематической и до конца доведенной борьбы как против меньшевиков (т. е. оппортунистов и «центровиков»), так и против «левых» еще задолго до непосредственной массовой борьбы за диктатуру пролетариата» (Ленин)²⁷.

Свою линию на разрыв, на раскол с оппортунистами и центристами большевики проводили и в российском и во всем международном рабочем движении. Вот почему вожди довоенного II Интернационала упорно боролись против большевиков, стараясь под флагом «примирения враждующих фракций» ликвидировать большевистскую партию. Всей своей решительной и беспощадной борьбой с оппортунизмом и центризмом большевики оказывали величайшую поддержку левым с.-д. на Западе и, решительно критикуя их полуменьшевистские ошибки, их непоследовательность в борьбе с оппортунизмом, их боязнь раскола, спланивали их на идейной основе ленинизма. Большевистская борьба против оппортунистов и центристов являлась образцом политики для всего левого крыла международного рабочего движения.

Империалистическая война 1914 — 1918 гг. была суровой и без-

²⁷ Ленин, т. XXV, стр. 242.

дающей проверкой всех течений в рабочем движении. II Интернационал обанкротился, обессиленный и побежденный оппортунизмом. Большевики были единственной партией, которая исполнила свой долг перед международным пролетариатом до конца. В борьбе против русского и международного реформизма, социал-шовинизма и каутскианства, преодолевая непоследовательность левых с.-д. на Западе, **«большевизм создал идейные и тактические основы III Интернационала»** (Ленин)²⁸.

12. Февральская революция 1917 г. была блестящим подтверждением лозунгов и идей большевизма. Свержение царизма открывает **второй этап** в истории партии (март — октябрь 1917 г.). Партия ставит на очередь борьбу за осуществление второго стратегического плана, о котором Ленин писал еще в 1905 г.: **«Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»**²⁹. Основные лозунги партии на этом этапе — диктатура пролетариата, вся власть советам, союз пролетариата с беднейшим крестьянством против буржуазии города и деревни при нейтрализации середняка. Задачу свержения буржуазии и установления диктатуры пролетариата в нашей стране большевики рассматривали как важнейшее условие развертывания международной пролетарской революции.

Будучи после февраля в меньшинстве, большевики с первых дней революции повели изо дня в день терпеливую, систематическую пропаганду своих лозунгов, неумолимо разоблачали империалистическую политику соглашательских партий, упорно боролись против оборонческих и демократических иллюзий масс. **«Без такой осторожной, обстоятельной, осмотрительной и длительной подготовки мы не могли бы ни одержать победы в октябре 1917 года, ни удержать этой победы»** (Ленин)³⁰.

Апрельская конференция сплотила партию на почве знаменитых ленинских («апрельских») тезисов. VI съезд партии (август 1917 г.), на котором под руководством Сталина проводилась ленинская линия, был съездом боевой подготовки Октября. Партия изолировала и разгромила меньшевиков и эсеров; завоевала большинство рабочего класса; подняла на борьбу против империалистической буржуазии крестьянские массы и угнетенные национальности. На пути к Октябрю партия вышвырнула из своих рядов меньшевистскую группу ренегатов (Войтинский, Севрук); отмела «лево»-оппортунистический авантюризм (Богдатыев); дала сокрушительный отпор попыткам Троцкого «разбольшевичить» партию; разбила на-голову правых паникеров и штрейкбрехеров (Каменев, Зиновьев). Во главе с Лениным партия блестяще организовала и провела **октябрьское вооруженное восстание**.

Всей своей историей партия показала, что **«не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, если они не дадут себя запугать и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции»** (Ленин)³¹.

Партия в эпоху диктатуры пролетариата

13. Октябрьская революция установила на одной шестой части земного шара диктатуру пролетариата и тем самым воплотила в жизнь

²⁸ Ленин, т. XXIII, стр. 385.

²⁹ Ленин, т. VIII, стр. 96.

³⁰ Ленин, т. XXV, стр. 179.

³¹ Ленин, т. XXI, стр. 279.

центральную идею программы, принятой II съездом. Октябрьская победа «знаменует собой неизбежную победу ленинизма над социал-демократизмом в мировом рабочем движении. Эра господства II Интернационала и социал-демократизма в рабочем движении **кончилась**. Наступила эра господства ленинизма и III Интернационала» (Сталин)³².

Из партии, борющейся за власть, наша партия 25 октября 1917 года превратилась в правящую партию, основную руководящую силу в системе диктатуры пролетариата. Начался **третий этап** в истории нашей партии. Стратегический план Ленина: провести «максимум осуществимого в одной стране для развития поддержки, пробуждения революций **во всех странах**»³³; «упрочить диктатуру пролетариата в одной стране, используя ее как опорный пункт для свержения империализма **во всех странах**»³⁴. Под гениальным руководством **Ленина** партия твердо проводила этот великий план. Исходный пункт этого плана — учение Ленина о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране.

Партия боролась за этот план в годы **военного коммунизма** (1918 — 1920), отстояв диктатуру пролетариата в боях с внешней и внутренней контрреволюцией. Этот план партия положила в основу **новой экономической политики**, при переходе к которой Ленин провозгласил (1921), что «сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой»³⁵. Ленин поставил перед партией задачу: **построить фундамент социалистической экономики, уничтожить классы, превратить Россию из неповскую в Россию социалистическую**.

Во главе со **Сталиным**, великим продолжателем Ленина, партия победоносно разрешила эту всемирно историческую задачу.

14. В эпоху диктатуры пролетариата неизмеримо вырастает значение **борьбы за партию, за большевистскую партийность**. «Диктатура пролетариата — есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская — против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» (Ленин)³⁶.

Вся история внутрипартийной борьбы после Октября свидетельствует о том, что попытки подрыва партийного единства и дисциплины являются прямым пособничеством реставраторским поползновениям буржуазии. **Вся борьба оппортунистов против партии была и остается не чем иным, как попыткой навязать партии Ленина гнилые традиции и догмы II Интернационала, попыткой возродить меньшевизм**.

Не чем иным, как попыткой возродить меньшевизм, была позиция **правых** капитулянтов и ликвидаторов Октября (Каменев, Зиновьев, Рыков, Шляпников).

Троцкизм, упорно возобновлявший атаки против партии и в 1918, и в 1921, и в 1923 — 1927 гг., организатор антипартийных блоков, заклятый враг ленинизма и большевистской партийности, неизбежно превратился в передовой отряд буржуазной контрреволюции

³² Сталин, Об Октябрьской революции, стр. 136.

³³ Ленин, т. XXIII, стр. 385.

³⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 54.

³⁵ Ленин, т. XXVI, стр. 410.

³⁶ Ленин, т. XXV, стр. 191.

«Левые коммунисты» (Бухарин, Преображенский) в своей авантюристской, раскольнической политике докатились до фактического союза с левыми эсерами против Ленина.

Фракция «демократического централизма» (Сапронов) сползла в контрреволюционное меньшевистское болото.

«Рабочая оппозиция» (Шляпников) из анархо-синдикалистского уклона выродилась в кучку злобствующих тред-юнионистских ренегатов.

«Новая оппозиция» (Зиновьев, Каменев) позорно скатилась к троцкизму, в ряды антипартийного и антисоветского блока.

Правая оппозиция (Бухарин, Рыков, Томский) отражала сопротивление контрреволюционного кулачества, порвала с основами марксизма-ленинизма и расчищала путь для буржуазной реставрации.

Право-«левацкий» блок (Сырцов, Ломинадзе) пытался дезорганизовать партию при помощи отравленного оружия двурушничества.

Националистические группировки, начав с борьбы против ленинской национальной политики и неизменно примыкавшие к каждой вновь возникавшей антипартийной фракции, на деле оказались пособниками и орудием международного империализма.

Продуктом разложения разгромленных партией группировок были жалкие антисоветские группки Рютин — Слепкова — Углова и Эйсмонта — Толмачева — Смирнова.

Общей чертой всех антипартийных течений является меньшевистское отрицание социалистического характера нашей революции, отрицание диктатуры пролетариата, отрицание возможности победы социализма в одной стране и курса нашей партии на мировую революцию, меньшевистская капитуляция перед классовым врагом, отвлечение к классовой борьбе со всеми ее трудностями, хвостистское принижение исторической роли пролетариата, как вождя и организатора социалистического строительства, барско-анархический протест против пролетарской дисциплины нашей партии и советского государства, стремление подорвать большевистский централизм, развенчать ленинские кадры партии и ее старую гвардию, свергнуть ее руководство.

В своих нападках на ленинский ЦК все они неизменно твердят меньшевистские зады о «зажиме» и «партийном бюрократизме». «Крики о пресловутом бюрократизме,—писал Ленин еще в 1904 г.,—есть простое открытое недовольство личным составом центров, есть фиговый листок, скрашивающий нарушение слова, торжественно данного на съезде. Ты бюрократ, потому что ты назначен съездом не согласно моей воле, а вопреки ей; ты формалист, потому что ты опираешься на формальные решения съезда, а не на мое согласие; ...ты самодержец, потому что не хочешь отдать власть в руки старой, теплой компании» (Ленин)³⁷.

В течение последних десяти лет, в силу решающего характера боев, связанных с подготовкой и развертыванием социалистического наступления, внутрипартийная борьба приобрела исключительную остроту. Последовательно осуществляя ленинские заветы, партия, руководимая Сталиным, разгромила троцкизм и правую оппозицию. Партия разоблачила «левых» загибщиков, как отрывку контрреволюционного троцкизма, и показала, что они являются объективно союзниками правых уклонистов.

За эти годы рабочий класс нашей страны гигантски вырос, приобрел огромный политический опыт, еще теснее сплотился вокруг партии и ее ЦК. Во всей своей борьбе с оппортунизмом, с рецидивами контрреволюционного меньшевизма партия встречает активнейшую

³⁷ Ленин, т. VI, стр. 287.

...массовый протест против империализма и империалистической войны. В результате этого протеста в ряде стран возникли массовые движения, которые в дальнейшем привели к созданию Коммунистического Интернационала. В результате этого протеста в ряде стран возникли массовые движения, которые в дальнейшем привели к созданию Коммунистического Интернационала.

В результате этого протеста в ряде стран возникли массовые движения, которые в дальнейшем привели к созданию Коммунистического Интернационала.

В результате этого протеста в ряде стран возникли массовые движения, которые в дальнейшем привели к созданию Коммунистического Интернационала.

Третьим, основным фактором, обусловившим разрывность меньшевизма в 1917 г. был тот факт, что меньшевики под давлением «левого» крыла партии, стремившегося к разрыву с пролетариатом, стремились к созданию «левых» групп, которые в дальнейшем привели к созданию Коммунистического Интернационала.

Оппозиция (Дзедзигу и др.) «коммунистический пантеизм», героизм, «левый» фактор, фактор фактора марксизма, отрицали необходимость революционной борьбы, отрицали возможность победы, отрицали возможность победы, отрицали возможность победы.

Большевики-праммиренны (Каменев, Рыков и др.), пытались помешать партии вести революционную борьбу против оппортунистов справа и «левого», отрицали возможность победы, отрицали возможность победы.

В результате этого протеста в ряде стран возникли массовые движения, которые в дальнейшем привели к созданию Коммунистического Интернационала.

Следствием этого протеста в ряде стран возникли массовые движения, которые в дальнейшем привели к созданию Коммунистического Интернационала.

Империалистическая война 1914-1918 г. привела к созданию Коммунистического Интернационала.

И. В. СТАЛИН

Фото архива ЦК КПСС

Член большевистской партии строит и укрепляет государство пролетарской диктатуры, подымает ярость масс против косности и бюрократизма, он всегда на-чеку в борьбе против открытых и скрытых врагов советского государства, против лодыря, жулика, расхитителя священной социалистической собственности, против вредителя, шпиона. Он не щадит сил для повышения военной мощи рабоче-крестьянской страны.

Член большевистской партии непреклонно борется за пролетарский интернационализм, за тесное содружество народов СССР и народов всего мира. Член ведущей партии Коммунистического Интернационала,—он всей своей работой, всей своей борьбой служит делу мировой пролетарской революции.

Член большевистской партии — дисциплинированный боец, непримиримый ленинец, всегда готовый дать отпор открытым и скрытым врагам своей партии, всегда и везде сохраняющий беззаветную преданность своему ленинскому ЦК.

«Мы, коммунисты,—люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляют армию великого пролетарского стратега, армию великого Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является т. Ленин. Не всякому дано быть членом этой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны невероятных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии» (Сталин)⁴⁶.

17. ВКП(б) — авангард Коммунистического Интернационала.

Еще на страницах старой «Искры» Ленин предсказывал неминуемый разрыв революционной «Горы» и оппортунистической «Жиронды» в мировом рабочем движении. С тех пор II Интернационал давно превратился в главную социальную опору буржуазной диктатуры. Его продажные вожди прокладывают дорогу фашизму. Судьба германской социал-демократии, пресмыкающейся перед Гитлером, свидетельствует о всей глубине падения международного меньшевизма.

Разлагающимся партиям II Интернационала противостоят во всех странах капиталистического Запада и Востока боеспособные и самоотверженные отряды передовых пролетариев-большевиков, сплотившихся под знаменем основанного Лениным Коминтерна. Усваивая 30-летний опыт большевизма, наши братские компартии,—и в их первых рядах славная коммунистическая партия Германии,—строят свои ячейки на предприятиях, воспитывают кадры своих профессиональных революционеров, учатся сочетать легальные и нелегальные формы работы. По примеру ленинской ВКП(б) братские партии ведут непримиримую борьбу на два фронта против оппортунистов, беспощадно изгоняют из своих рядов правых ликвидаторов и «левых» сектантов.

Социалистическое строительство в нашей стране — решающий участок международного пролетарского фронта. Пролетариат СССР—революционнейший отряд интернационального рабочего класса. «Русская революция была (и остается) узловым пунктом мировой революции... коренные вопросы русской революции являлись вместе с тем (и являются теперь) коренными вопросами мировой революции» (Сталин)⁴⁷. Коминтерн опирается в своей борьбе на величайшие победы нашей партии.

⁴⁶ Сталин, Речь на II съезде советов. «Правда» № 23 от 30/1 1924 г.

⁴⁷ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 610.

Большевизм — «образец тактики для всех» (Ленин). ; Следуя этому образцу, коммунистические партии всех стран под знаменем Ленина и Сталина готовятся к решающим боям нового тура революций и войн, героически борются против фашизма и социал-демократии, за большинство рабочего класса, за СССР — отечество всех трудящихся, за победу диктатуры пролетариата во всем мире. Вооруженные марксистско-ленинским учением, коммунисты всего мира строят и укрепляют мировую большевистскую партию. Коммунистический Интернационал олицетворяет победу ленинизма, победу принципов большевистской партийности и непримиримой революционности в международном рабочем движении.

«Ленинизм есть цельная теория, возникшая в 1903 г., прошедшая испытание трех революций и шествующая теперь вперед, как боевое знамя всемирного пролетариата» (Сталин) ⁴⁸.

Тридцать лет тому назад на II съезде РСДРП Ленин указал путь борьбы рабочего класса. Тридцать лет тому назад Ленин дал пролетариату несравненное оружие, без которого было немыслимо успешное движение по этому пути,—боевую, дисциплинированную, централизованную партию, владеющую самой передовой революционной теорией. За эти тридцать лет большевистская партия неуклонно шла по пути Ленина и добилась на этом пути побед, открывших новую эпоху в истории человечества. По этому пути большевистская партия под руководством Сталина пойдет дальше, к новым победам коммунизма **«Партия непобедима, если она знает, куда вести дело, и не боится трудностей» (Сталин).**

**ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА
при ЦК ВКП (б)**

⁴⁸ Сталин, Об Октябрьской революции, стр. 71.

Этот рассказ написан только для личного
использования, и посылка его без согласия
автора (Ленина) равносильна краже чуждого имущества.

Рассказ о II съезде Рос. С-Д Р. П.

Эта книга написана для личного пользования
Ленина. Содержание книги, а также и ее форма, не
содержат ничего нового. В книге не содержится
ни 51 (33) листов и 1 листа. В книге, 9. 99.
рубли) (Содержание книги, если бы она была
10, 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 842. 843. 844. 845. 846. 847. 848. 849. 850. 851. 852. 853. 854. 855. 856. 857. 858. 859. 860. 861. 862. 863. 864. 865. 866. 867. 868. 869. 870. 871. 872. 873. 874. 875. 876. 877. 878. 879. 880. 881. 882. 883. 884. 885. 886. 887. 888. 889. 890. 891. 892. 893. 894. 895. 896. 897. 898. 899. 900. 901. 902. 903. 904. 905. 906. 907. 908. 909. 910. 911. 912. 913. 914. 915. 916. 917. 918. 919. 920. 921. 922. 923. 924. 925. 926. 927. 928. 929. 930. 931. 932. 933. 934. 935. 936. 937. 938. 939. 940. 941. 942. 943. 944. 945. 946. 947. 948. 949. 950. 951. 952. 953. 954. 955. 956. 957. 958. 959. 960. 961. 962. 963. 964. 965. 966. 967. 968. 969. 970. 971. 972. 973. 974. 975. 976. 977. 978. 979. 980. 981. 982. 983. 984. 985. 986. 987. 988. 989. 990. 991. 992. 993. 994. 995. 996. 997. 998. 999. 1000. 1001. 1002. 1003. 1004. 1005. 1006. 1007. 1008. 1009. 1010. 1011. 1012. 1013. 1014. 1015. 1016. 1017. 1018. 1019. 1020. 1021. 1022. 1023. 1024. 1025. 1026. 1027. 1028. 1029. 1030. 1031. 1032. 1033. 1034. 1035. 1036. 1037. 1038. 1039. 1040. 1041. 1042. 1043. 1044. 1045. 1046. 1047. 1048. 1049. 1050. 1051. 1052. 1053. 1054. 1055. 1056. 1057. 1058. 1059. 1060. 1061. 1062. 1063. 1064. 1065. 1066. 1067. 1068. 1069. 1070. 1071. 1072. 1073. 1074. 1075. 1076. 1077. 1078. 1079. 1080. 1081. 1082. 1083. 1084. 1085. 1086. 1087. 1088. 1089. 1090. 1091. 1092. 1093. 1094. 1095. 1096. 1097. 1098. 1099. 1100. 1101. 1102. 1103. 1104. 1105. 1106. 1107. 1108. 1109. 1110. 1111. 1112. 1113. 1114. 1115. 1116. 1117. 1118. 1119. 1120. 1121. 1122. 1123. 1124. 1125. 1126. 1127. 1128. 1129. 1130. 1131. 1132. 1133. 1134. 1135. 1136. 1137. 1138. 1139. 1140. 1141. 1142. 1143. 1144. 1145. 1146. 1147. 1148. 1149. 1150. 1151. 1152. 1153. 1154. 1155. 1156. 1157. 1158. 1159. 1160. 1161. 1162. 1163. 1164. 1165. 1166. 1167. 1168. 1169. 1170. 1171. 1172. 1173. 1174. 1175. 1176. 1177. 1178. 1179. 1180. 1181. 1182. 1183. 1184. 1185. 1186. 1187. 1188. 1189. 1190. 1191. 1192. 1193. 1194. 1195. 1196. 1197. 1198. 1199. 1200. 1201. 1202. 1203. 1204. 1205. 1206. 1207. 1208. 1209. 1210. 1211. 1212. 1213. 1214. 1215. 1216. 1217. 1218. 1219. 1220. 1221. 1222. 1223. 1224. 1225. 1226. 1227. 1228. 1229. 1230. 1231. 1232. 1233. 1234. 1235. 1236. 1237. 1238. 1239. 1240. 1241. 1242. 1243. 1244. 1245. 1246. 1247. 1248. 1249. 1250. 1251. 1252. 1253. 1254. 1255. 1256. 1257. 1258. 1259. 1260. 1261. 1262. 1263. 1264. 1265. 1266. 1267. 1268. 1269. 1270. 1271. 1272. 1273. 1274. 1275. 1276. 1277. 1278. 1279. 1280. 1281. 1282. 1283. 1284. 1285. 1286. 1287. 1288. 1289. 1290. 1291. 1292. 1293. 1294. 1295. 1296. 1297. 1298. 1299. 1300. 1301. 1302. 1303. 1304. 1305. 1306. 1307. 1308. 1309. 1310. 1311. 1312. 1313. 1314. 1315. 1316. 1317. 1318. 1319. 1320. 1321. 1322. 1323. 1324. 1325. 1326. 1327. 1328. 1329. 1330. 1331. 1332. 1333. 1334. 1335. 1336. 1337. 1338. 1339. 1340. 1341. 1342. 1343. 1344. 1345. 1346. 1347. 1348. 1349. 1350. 1351. 1352. 1353. 1354. 1355. 1356. 1357. 1358. 1359. 1360. 1361. 1362. 1363. 1364. 1365. 1366. 1367. 1368. 1369. 1370. 1371. 1372. 1373. 1374. 1375. 1376. 1377. 1378. 1379. 1380. 1381. 1382. 1383. 1384. 1385. 1386. 1387. 1388. 1389. 1390. 1391. 1392. 1393. 1394. 1395. 1396. 1397. 1398. 1399. 1400. 1401. 1402. 1403. 1404. 1405. 1406. 1407. 1408. 1409. 1410. 1411. 1412. 1413. 1414. 1415. 1416. 1417. 1418. 1419. 1420. 1421. 1422. 1423. 1424. 1425. 1426. 1427. 1428. 1429. 1430. 1431. 1432. 1433. 1434. 1435. 1436. 1437. 1438. 1439. 1440. 1441. 1442. 1443. 1444. 1445. 1446. 1447. 1448. 1449. 1450. 1451. 1452. 1453. 1454. 1455. 1456. 1457. 1458. 1459. 1460. 1461. 1462. 1463. 1464. 1465. 1466. 1467. 1468. 1469. 1470. 1471. 1472. 1473. 1474. 1475. 1476. 1477. 1478. 1479. 1480. 1481. 1482. 1483. 1484. 1485. 1486. 1487. 1488. 1489. 1490. 1491. 1492. 1493. 1494. 1495. 1496. 1497. 1498. 1499. 1500. 1501. 1502. 1503. 1504. 1505. 1506. 1507. 1508. 1509. 1510. 1511. 1512. 1513. 1514. 1515. 1516. 1517. 1518. 1519. 1520. 1521. 1522. 1523. 1524. 1525. 1526. 1527. 1528. 1529. 1530. 1531. 1532. 1533. 1534. 1535. 1536. 1537. 1538. 1539. 1540. 1541. 1542. 1543. 1544. 1545. 1546. 1547. 1548. 1549. 1550. 1551. 1552. 1553. 1554. 1555. 1556. 1557. 1558. 1559. 1560. 1561. 1562. 1563. 1564. 1565. 1566. 1567. 1568. 1569. 1570. 1571. 1572. 1573. 1574. 1575. 1576. 1577. 1578. 1579. 1580. 1581. 1582. 1583. 1584. 1585. 1586. 1587. 1588. 1589. 1590. 1591. 1592. 1593. 1594. 1595. 1596. 1597. 1598. 1599. 1600. 1601. 1602. 1603. 1604. 1605. 1606. 1607. 1608. 1609. 1610. 1611. 1612. 1613. 1614. 1615. 1616. 1617. 1618. 1619. 1620. 1621. 1622. 1623. 1624. 1625. 1626. 1627. 1628. 1629. 1630. 1631. 1632. 1633. 1634. 1635. 1636. 1637. 1638. 1639. 1640. 1641. 1642. 1643. 1644. 1645. 1646. 1647. 1648. 1649. 1650. 1651. 1652. 1653. 1654. 1655. 1656. 1657. 1658. 1659. 1660. 1661. 1662. 1663. 1664. 1665. 1666. 1667. 1668. 1669. 1670. 1671. 1672. 1673. 1674. 1675. 1676. 1677. 1678. 1679. 1680. 1681. 1682. 1683. 1684. 1685. 1686. 1687. 1688. 1689. 1690. 1691. 1692. 1693. 1694. 1695. 1696. 1697. 1698. 1699. 1700. 1701. 1702. 1703. 1704. 1705. 1706. 1707. 1708. 1709. 1710. 1711. 1712. 1713. 1714. 1715. 1716. 1717. 1718. 1719. 1720. 1721. 1722. 1723. 1724. 1725. 1726. 1727. 1728. 1729. 1730. 1731. 1732. 1733. 1734. 1735. 1736. 1737. 1738. 1739. 1740. 1741. 1742. 1743. 1744. 1745. 1746. 1747. 1748. 1749. 1750. 1751. 1752. 1753. 1754. 1755. 1756. 1757. 1758. 1759. 1760. 1761. 1762. 1763. 1764. 1765. 1766. 1767. 1768. 1769. 1770. 1771. 1772. 1773. 1774. 1775. 1776. 1777. 1778. 1779. 1780. 1781. 1782. 1783. 1784. 1785. 1786. 1787. 1788. 1789. 1790. 1791. 1792. 1793. 1794. 1795. 1796. 1797. 1798. 1799. 1800. 1801. 1802. 1803. 1804. 1805. 1806. 1807. 1808. 1809. 1810. 1811. 1812. 1813. 1814. 1815. 1816. 1817. 1818. 1819. 1820. 1821. 1822. 1823. 1824. 1825. 1826. 1827. 1828. 1829. 1830. 1831. 1832. 1833. 1834. 1835. 1836. 1837. 1838. 1839. 1840. 1841. 1842. 1843. 1844. 1845. 1846. 1847. 1848. 1849. 1850. 1851. 1852. 1853. 1854. 1855. 1856. 1857. 1858. 1859. 1860. 1861. 1862. 1863. 1864. 1865. 1866. 1867. 1868. 1869. 1870. 1871. 1872. 1873. 1874. 1875. 1876. 1877. 1878. 1879. 1880. 1881. 1882. 1883. 1884. 1885. 1886. 1887. 1888. 1889. 1890. 1891. 1892. 1893. 1894. 1895. 1896. 1897. 1898. 1899. 1900. 1901. 1902. 1903. 1904. 1905. 1906. 1907. 1908. 1909. 1910. 1911. 1912. 1913. 1914. 1915. 1916. 1917. 1918. 1919. 1920. 1921. 1922. 1923. 1924. 1925. 1926. 1927. 1928. 1929. 1930. 1931. 1932. 1933. 1934. 1935. 1936. 1937. 1938. 1939. 1940. 1941. 1942. 1943. 1944. 1945. 1946. 1947. 1948. 1949. 1950. 1951. 1952. 1953. 1954. 1955. 1956. 1957. 1958. 1959. 1960. 1961. 1962. 1963. 1964. 1965. 1966. 1967. 1968. 1969. 1970. 1971. 1972. 1973. 1974. 1975. 1976. 1977. 1978. 1979. 1980. 1981. 1982. 1983. 1984. 1985. 1986. 1987. 1988. 1989. 1990. 1991. 1992. 1993. 1994. 1995. 1996. 1997. 1998. 1999. 2000. 2001. 2002. 2003. 2004. 2005. 2006. 2007. 2008. 2009. 2010. 2011. 2012. 2013. 2014. 2015. 2016. 2017. 2018. 2019. 2020. 2021. 2022. 2023. 2024. 2025. 2026. 2027. 2028. 2029. 2030. 2031. 2032. 2033. 2034. 2035. 2036. 2037. 2038. 2039. 2040. 2041. 2042. 2043. 2044. 2045. 2046. 2047. 2048. 2049. 2050. 2051. 2052. 2053. 2054. 2055. 2056. 2057. 2058. 2059. 2060. 2061. 2062. 2063. 2064. 2065. 2066. 2067. 2068. 2069. 2070. 2071. 2072. 2073. 2074. 2075. 2076. 2077. 2078. 2079. 2080. 2081. 2082. 2083. 2084. 2085. 2086. 2087. 2088. 2089. 2090. 2091. 2092. 2093. 2094. 2095. 2096. 2097. 2098. 2099. 2100. 2101. 2102. 2103. 2104. 2105. 2106. 2107. 2108. 2109. 2110. 2111. 2112. 2113. 2114. 2115. 2116. 2117. 2118. 2119. 2120. 2121. 2122. 2123. 2124. 2125. 2126. 2127. 2128. 2129. 2130. 2131. 2132. 2133. 2134. 2135. 2136. 2137. 2138. 2139. 2140. 2141. 2142. 2143. 2144. 2145. 2146. 2147. 2148. 2149. 2150. 2151. 2152. 2153. 2154. 2155. 2156. 2157. 2158. 2159. 2160. 2161. 2162. 2163. 2164. 2165. 2166. 2167. 2168. 2169. 2170. 2171. 2172. 2173. 2174. 2175. 2176. 2177. 2178. 2179. 2180. 2181. 2182. 2183. 2184. 2185. 2186. 2187. 2188. 2189. 2190. 2191. 2192. 2193. 2194. 2195. 2196. 2197. 2198. 2199. 2200. 2201. 2202. 2203. 2204. 2205. 2206. 2207. 2208. 2209. 2210. 2211. 2212. 2213. 2214

РАССКАЗ О II СЪЕЗДЕ Р. С.-Д. Р. П. *)

Этот рассказ назначен только для личных знакомых, и потому чтение его без согласия автора (Ленина) равно чтению чужого письма.

Для понимания дальнейшего скажу прежде всего о составе съезда, хотя это и будет отчасти забеганием вперед. Решающих голосов на съезде было 51 (33 делегата с 1 голосом и 9 с двумя, 9 «двуруких»). Совещательных голосов, если я не ошибаюсь, 10, всего значит 52 человека¹. Политическая группировка этих голосов, как она выяснилась в течение всего съезда, такова: решающие голоса — 5 бундовских, 3 рабочедельских (2 от Союза Русских Социал-Демократов за границей и 1 — от Питерского Союза Борьбы)², 4 южно-рабоченца (2 от группы Южный Рабочий и 2 от Харьковского Комитета, вполне солидарного с Южным Рабочим)³, 6 нерешительных, колеблющихся («болото», как звали их — в шутку, конечно, — все искряки), затем около 33 искровцев, более или менее твердых и последовательных в своем искрянстве⁴. Эти 33 искровца, которые, будучи едины, всегда решали судьбу всякого вопроса на съезде, раскололись, в свою очередь, на 2 подгруппы, раскололись окончательно лишь в конце съезда: одна подгруппа, приблизительно в 9 голосов искровцев «мягкой», вернее «зигзаговой» линии (или женской линии, как острили, и не без основания, некоторые шутники), искровцев, стоявших (как ниже будет видно) за справед-

* «Рассказ о II съезде РСДРП» написан Лениным в первой половине сентября 1903 г. для ознакомления сторонников большинства из среды заграничного партийного актива с обстоятельствами, вызвавшими раскол на съезде. Впервые напечатан в 1927 г. в Лен. сб. VI. Перепечатка из т. VI 3-го издания.

¹ Решающих голосов на съезде было 51, в том числе с одним голосом было 35 делегатов и с двумя голосами 8 делегатов. Совещательных было 12 голосов (и человек), не считая 2 голосов польских делегатов, которые удалились со съезда задолго до окончания его работ. Р е д.

² «Рабочее Дело» — орган заграничного Союза русских социал-демократов выходил с 1899 г. по 1902 г. Вокруг «Рабочего Дела» группировались бывшие сторонники экономизма в русской социал-демократии и примиренцы, защитники этого оппортунистического течения после того, как оно в результате беспощадной критики Ленина и «Искры» уже потеряло свое прежнее значение и влияние в рядах российского с.-д. рабочего движения. «Рабочедельцы» — сторонники «Рабочего Дела», прикрытые экономисты, русские с.-д., оппортунисты эпохи «Искры». На II съезде они были представлены 2 делегатами Союза русских с.-д., Мартыновым и Акимовым (Махновцем), и делегатом петербургской организации экономистов, так называемой «Рабочей организацией», Брукэр (сестрой Акимова-Махновца). Р е д.

³ Группа «Южный Рабочий», состоявшая из работников южно-русских с.-д. организаций, объединялась вокруг редакции издававшейся в России с.-д. газеты того же имени. Группа «Ю. Р.» в ноябре 1902 г. признала «Искру» партийным органом, а затем представители группы вошли в состав О. К. по созыву II съезда партии. Но на самом деле группа «Ю. Р.» и до съезда и во время съезда не сливалась с организацией «Искры», занимая по ряду важнейших вопросов оппортунистическую позицию, и стремилась занять в партии особое положение, стараясь сохранить свой орган, как популярный, наряду с «Искрой». Р е д.

⁴ Группа «болота» на съезде состояла из 4 делегатов с 6 решающими голосами: двое по одному голосу и двое — по два. Группа искровцев состояла из 27 делегатов с 33 голосами: 21 по одному голосу и 6 — по два. Р е д.

ивость, за равнодействующую etc., и около 24 голосов искровцев твердой линии, отстаивавших последовательный искризм и в тактике и в личном составе центральных учреждений партии.

Повторяю, такая группировка окончательно сложилась и вполне выяснилась лишь *post factum*⁵, в конце съезда (имевшего до 40 заседаний!). и я забегаю вперед, очерчивая эту группировку вначале. Оговорюсь также, что группировка эта дает лишь *приблизительное* число голосов, ибо по отдельным мелким вопросам (а однажды, в вопросе о «равноправии языков», о чем ниже, и по крупному поводу) голоса нередко разбивались, часть воздерживалась, группировки смешивались и т. д.

Состав съезда определен был предварительно Организационным Комитетом, который имел право, по уставу съезда, приглашать на съезд кого найдет нужным, с совещательным голосом. На съезде были избраны, с самого начала, комиссия для проверки мандатов, в которую (комиссию) перешло все и вся, относящееся к составу съезда. (В скобках сказать, и в эту комиссию вошел бундист, который измором брал всех членов комиссий, задержав их до 3-х часов ночи и оставшись все же «при особом мнении» по каждому вопросу).

Начался съезд при мирной и дружной работе всех искряков, между которыми оттенки в мнениях были, конечно, всегда, но наружу эти оттенки, в качестве политических разногласий, не выступали. Кстати заметим наперед, что раскол искряков был одним из главных политических результатов съезда, и желающему ознакомиться с делом надо обратить поэтому особое внимание на все эпизоды, связанные, хотя бы отдаленно, с этим расколом.

Довольно важным актом в самом начале съезда был выбор *бюро* или *президиума*. Мартов стоял за выбор 9 лиц, которые бы на каждое заседание выбирали по 3 в бюро, причем в состав этих 9-ти он вводил даже бундиста. Я стоял за выбор только трех на весь съезд, и притом трех для «держания в строгости». Выбраны были: Плеханов, я и товарищ Т⁶ (о нем часто будет идти речь ниже — искровец твердой линии, член О. К.). Этот последний прошел, впрочем, небольшим большинством голосов против одного южно-рабоченца (тоже члена О. К.)⁷. Разногласие между мною и Мартовым по вопросу о бюро (разногласие, характерное с точки зрения всего дальнейшего) не повело, однако, ни к какому расколу или конфликту: дело уладилось как-то мирно, само собою, «по-семейному», как улаживались большей частью вообще дела в организации Искры и в редакции «Искры».

К началу же съезда относится (тайное и неформальное, конечно) заседание организации Искры по вопросу о ее мандатах на съезде. Заседание пришло равным образом к мирному, «полюбовному» решению вопроса. Я отмечаю это заседание лишь потому, что считаю характерным, во 1-х, дружную работу искряков в начале съезда, а во 2-х, их решение прибегать, в случаях сомнительных и спорных, к авторитету организации Искры (вернее, членов организации Искры, присутствовавших на съезде), причем, конечно, обязательного значения голосования этих собраний не имели, ибо правило: «императивные мандаты отменены», каждый может и обязан вотировать на съезде по своему личному, свободному убеждению, без всякого подчинения какой бы то ни было организации, — это правило, говорю я, всеми искряками признавалось, и в начале чуть ли не каждого заседания Искры громко провозглашалось председателем.

Далее. Первым инцидентом на Съезде, который вскрыл, что не все обстоит ладно среди искряков, и который послужил «завязкой» финальной драмы (или трагикомедии?), явился пресловутый «инцидент с О. К.». На этом инциденте надо остановиться подробно. Он имел место еще тогда.

⁵ Впоследствии.

⁶ «Товарищ Т» — это П. А. Красижев. Ред.

⁷ Речь идет о В. Н. Розанове (по протоколам II съезда «Попов»), члене редакции «Южный Рабочий». Ред.

когда съезд занят был своим собственным конституированием, когда обсуждался еще регламент съезда (поглотивший, кстати сказать, тьму времени в силу обструкции бундистов, не упускавших случая намеренно и ненамеренно затормозить где можно и чем можно). Суть инцидента с О. К. состояла в том, что О. К., с одной стороны, отклонил еще до съезда протест «Борьбы» (группы Борьбы) ⁸, требовавшей допущения на съезд, и поддержал это отклонение в комиссии по проверке мандатов, а, с другой стороны, тот же О. К. внезапно заявил на съезде, что он приглашает с совещательным голосом Рязанова. Разыгрался этот инцидент следующим образом.

Еще до начала заседаний съезда Мартов сообщил мне конфиденциально, что член организации Искры и член О. К. (назовем это лицо буквой N) ⁹ решил настаивать в О. К. на приглашении с совещательным голосом на съезд одного лица, которое сам Мартов не мог характеризовать иначе, как термином «перебежчик» ¹⁰. (Лицо это, действительно, склонялось одно время к Искре, с тем, чтобы впоследствии и притом через несколько недель, перейти на сторону Рабочего Дела, хотя и находившегося уже тогда в стадии полнейшего упадка). Мы поговорили об этом с Мартовым, оба возмущенные тем, что член организации Искры делает такой шаг, сознавая, конечно (ибо Мартов предупреждал товарища N), что этот шаг есть прямой удар в лицо Искре, и не считая тем не менее нужным посоветоваться с организацией. N действительно внес свое предложение в О. К., но это предложение было отклонено, благодаря горячему протесту товарища Т, обрисовавшего всю переменчивую политическую фигуру «перебежчика». Характерно, что Мартов не мог уже тогда, по его словам, даже говорить с N. несмотря на прежние хорошие личные отношения: настолько поражен он был этим шагом. Стремление N бросать палки под колеса Искре выразилось еще и в принятом при его поддержке выговоре редакции Искры со стороны О. К., — выговоре, который касался, правда, очень мелкого случая, но тем не менее возбудил сугубое негодование Мартова. Сообщения из России, переданные мне тоже Мартовым, указывали к тому же на тенденцию N пускать слухи о розни между искровцами заграничными и русскими. Все это настраивало искровцев самым недоверчивым образом по отношению к N, а тут еще подоспел такой факт. О. К. отклонил протест «Борьбы», члены О. К. (Т и N), приглашенные в комиссию проверки мандатов, равным образом высказались оба (и N в том числе!!!) против «Борьбы» самым решительным образом. Тем не менее О. К. устроил внезапно, во время перерыва одного утреннего заседания съезда, свое заседание у «юконка» и решил на этом заседании пригласить с совещательным голосом Рязанова! N был за приглашение. Т, конечно, безусловно против, заявляя притом о незаконности такого решения О. К. после того, как вопрос о составе съезда передан уже в особую, съездом избранную, комиссию по проверке мандатов. Конечно, южно-рабоченские члены О. К. + бундист + N провалили товарища Т, и решение О. К. состоялось.

Т известил об этом решении редакцию Искры, которая (не в полном составе, но с участием Мартова и Засулич), конечно, постановила единогласно выступить на борьбу с О. К. на съезде, ибо многие искряки уже

⁸ Заграничная с.-д. группа «Борьба» организовалась в Париже в конце 1901 г. в составе Д. Рязанова, Ю. Стеклова и Э. Гуревича. В вопросе о принципиальном расхождении в российской социал-демократии между оппортунистическим (Союз русских с.-д. за границей) и революционным крылом («Искра») группа «Борьба» заняла колеблющуюся позицию и показала свою беспринципность, пытаясь сначала примирить оба течения, а потом, после неудачи этой попытки, стремясь занять особую, по существу оппортунистическую, позицию (вне Союза и вне «Искры») Р е д.

⁹ Речь идет о Е. М. Александровой (по протоколам съезда «Штейн»), примкнувшей на съезде к меньшинству и ставшей после съезда активной, злостной меньшевичкой. Ее политическая характеристика дана Лениным дальше в «Рассказе» Р е д.

¹⁰ Ю. М. Стеков. Р е д.

высказались публично на съезде против «Борьбы», и отступить в этом вопросе было невозможно.

Когда О. К. (в послеобеденном заседании) заявил съезду о своем решении, Т. заявил в свою очередь о своем протесте. Южно-рабоченский член О. К. обрушился тогда на Т., обвиняя его в нарушении дисциплины (!), ибо О. К. постановил на съезде этого не раскрывать (*sic!*). Понятно, что мы (Плеханов, Мартов и я) обрушились тогда со всей энергией против О. К., обвиняя его в восстановлении императивных мандатов, нарушении суверенности съезда и т. д. Съезд встал на нашу сторону, О. К. был разбит, была принята резолюция, отнимающая у О. К. в качестве коллегии право влиять на состав съезда.

Таков был «инцидент с О. К.». Во-первых, он окончательно подорвал у многих искряков политическое доверие к Н. (и укрепил доверие к Т.), во-вторых, он не только доказал, но и *показал* воочию, как шатко еще искровское направление даже в таком центральном, архи-будто бы искровском учреждении, как О. К. Стало ясно, что кроме бундиста, в О. К. есть еще 1) южно-рабоченцы с их особой политикой; 2) «искровцы, стыдящиеся быть искровцами», и только *частью* (3) искровцы, сего не стыдящиеся. Когда южно-рабоченцы пожелали объясниться с редакцией Искры (приватно, конечно) по поводу этого печального инцидента — *товарищ Н., очень важно заметить это, не выразил тогда никакого желания объясниться*, — то редакция объяснялась с ними, причем я прямо сказал южно-рабоченцам, что съезд вскрыл окончательно этот крупный политический факт: наличие в партии многих искровцев, стыдящихся быть искровцами, и способных, просто в пику Искре, выкинуть такое коленце, как приглашение Рязанова. Со стороны Н. меня так возмутило это коленце, после речи Н. в комиссии *против Борьбы*, что я публично на съезде сказал: «товарищи, бывавшие на заграничных конгрессах, знают какую бурю возмущения вызывают всегда там люди, говорящие в комиссиях одно, а на съезде другое». Такие «искровцы», которые боялись бундовских «упреков», что они «ставленники Искры», и *из-за этого только* выкидывали политические коленца против «Искры», не могли, разумеется, вызывать доверия к себе.

Общее недоверие искровцев к Н. возросло в громадной степени, когда попытка Мартова объясниться с Н. привела к *заявлению Н. о выходе его, Н., из организации Искры!!* С этого момента «дело» об Н. переходит в организацию Искры, члены которой были возмущены *таким* выходом, и организация имела 4 заседания по этому вопросу. Заседания эти, особенно последнее, чрезвычайно важны, ибо в них окончательно сформировался раскол внутри искряков по вопросу, *главным образом*, о составе Ц. К.

Но прежде чем перейти к рассказу об этих (приватных и неформальных, повторю еще раз) заседаниях организации Искры, скажу о работах съезда. Работы эти велись дружно тем временем, в смысле единого выступления всех искряков, и по 1-му пункту порядка дня (место бунда в партии) и по 2-му (программа) и по 3-му (утверждение Ц. О. партии). Согласно искровцев обеспечивало крутое сплоченное большинство на съезде (компактное большинство, как выражались бундовцы с огорчением!), причем «нерешительные» (или «болото») и южно-рабоченцы и тут не раз проявляли себя в мелочах своей полной неустойчивостью. Политическая группировка не вполне искровских элементов съезда выяснялась все более и более.

Возвращаясь к заседаниям организации Искры. На первом заседании было решено попросить у Н. объяснений, предоставив этому Н. указать, в каком составе организации Искры он, Н., хочет с ней объясняться. Я решительно протестовал против такой постановки вопроса, требуя отделения политического вопроса (о недоверии искряков к Н. на данном съезде в политическом отношении) и личного вопроса (назначить комиссию для расследования причин странного поведения Н.). На 2-м заседании было доложено, что Н. хочет объясняться без Т., хотя Н. намерен, *де*, не говорить

ничего лично о Т. Я протестовал вторично, отказываясь от участия в таком объяснении, когда нечлен организации устраняет, хотя бы на секунду, члена, говоря, однако, не о нем; я видел в этом недостойную игру, и пощечину, наносимую N-ом организации: N не доверяет организации даже на столько, чтобы ей предоставить определить условия объяснения! В 3-м заседании имело место «объяснение» N, объяснение, которое не удовлетворило большинство участников объяснения. 4-е заседание произошло при полном составе всех искряков, но этому заседанию предшествовал ряд важных эпизодов с'езда.

Во-первых, стоит отметить эпизод с «равноправием языков». Дело шло о принятии программы, о формулировке требования равенства и равноправности в отношении языков. (Каждый пункт программы обсуждался и принимался отдельно, бундисты чинили тут *отчаянную* obstruction и чуть-чуть ли не $\frac{2}{3}$ с'езда, по времени, ушло на программу!). Бундистам удалось здесь поколебать ряды искряков, внушив части их мысль, что Искра не хочет «равноправия языков», — тогда как на деле редакция Искры не хотела лишь этой, неграмотной, по ее мнению, несуразной и лишней формулировки. Борьба вышла отчаянная; с'езд разделился *пополам*, на две равные половины (кое-кто воздерживался): на стороне Искры (и редакции Искры) было около 23-х голосов (может быть 23 — 25, не помню точно), и столько же против¹¹. Вопрос пришлось отложить, сдать в комиссию, которая нашла формулу, принятую всем с'ездом *единогласно*. Инцидент с равноправием языков важен тем, что он вскрыл еще и еще раз шаткость искризма, вскрыл окончательно шаткость и нерешительных (которых именно тогда, если не ошибаюсь, и именно искровцы мартовского толка *сами* прозвали *болотом!*) и южно-рабоченцев, которые все были против Искры. Страсти разгорелись отчаянно и резкие слова бросались без числа против южно-рабоченцев искряками, *особенно мартовцами*. Один «лидер» мартовцев чуть до скандала не дошел с южно-рабоченцами во время перерыва, и я поспешил тогда возобновить заседание (по настоянию Плеханова, боявшегося драки). Важно отметить, что и из этих, наиболее стойких, 23 искряков, мартовцы (т. е. позднее пошедшие за Мартовым искряки) были в *меньшинстве*.

Другой эпизод — борьба из-за § 1 «устава партии». Это был уже п. 5-й Tagesordnung'a¹², близко к концу с'езда. (Принята была, по п. 1-му, резолюция против федерализма; по п. 2-му — программа; по п. 3-му признание Искры центральным органом партии¹³, по п. 4-му заслушаны «делегатские доклады», часть их, а остальная сдана в комиссию, ибо выяснилось, что у с'езда не остается уже времени (денежные средства и личная сила были исчерпаны).

¹¹ В инциденте с «равноправием языков» был проведен целый ряд голосований: по вопросу вообще о желательности особого пункта о равноправии языков было 23 за и 23 против, по поправке к этому пункту Н. Жордания — 24 за и 23 против, при голосовании пункта в целом — 24 за и 24 против, при новой перебаллотировке пункта в целом — 24 за и 25 против, по вопросу о передаче пункта в комиссию за предложение Ленина — 25 голосов, за предложение Мартова — 26 голосов. **Ред.**

¹² Порядок дня.

¹³ Очень важно иметь в виду, что в Tagesordnung с'езда, принятом по моему докладу в О. К. и утвержденном с'ездом, стояли 2 отдельных пункта: п. 3. «Создание Ц. О. партии или утверждение такового» и п. 24. «Выборы центральных учреждений партии». Когда один рабочеделец спросил (по п. 3), кого мы утверждаем, заголовок, что ли? редакции мы не знаем даже! то Мартов взял слово и объяснил, что утверждается *направление* Искры, независимо от состава лиц, что состав редакции этим отнюдь не предрешается, ибо выборы центральных учреждений предстоят по п. 24, и всякие императивные мандаты отменены.

Эти слова Мартова (по п. 3, до раскола искряков) очень и очень важны.

Разъяснение Мартова вполне соответствовало общему нашему пониманию значения п. 3 и п. 24 Tagesordnung'a.

После 3-го пункта Мартов в речах не раз даже употреблял на с'езде выражение: бывшие члены редакции Искры.

Пункт 1-й устава определяет понятие члена партии. В моем проекте это определение было таково: «Членом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Мартов же вместо подчеркнутых слов предлагал сказать: *работой под контролем и руководством одной из партийных организаций*. За мою формулировку стал Плеханов, за мартовскую — остальные члены редакции (за них говорил на съезде Аксельрод). Мы доказывали, что необходимо сузить понятие члена партии для отделения работающих от болтающих, для устранения организационного хаоса, для устранения такого безобразия и такой нелепости, чтобы могли быть организации, состоящие из членов партии, но не являющиеся партийными организациями, и т. д. Мартов стоял за расширение партии и говорил о широком классовом движении, требующем широкой — расплывчатой организации и т. д. Курьезно, что почти все сторонники Мартова ссылались, в защиту своих взглядов, на «Что делать?»! Плеханов горячо встал против Мартова, указывая, что его жоресистская формулировка открывает двери оппортунистам, только и жаждущим этого положения в партии и вне организации. «Под контролем и руководством» — говорил я — означают на деле не больше и не меньше, как: *без всякого контроля и без всякого руководства*. Мартов одержал тут победу: принята была (большинством около 28 голосов против 23 или в этом роде, не помню точно) его формулировка¹⁴, *благодаря* Бунду, который, конечно, сразу смекнул, где есть щелочка, и всеми своими пятью голосами провел «что похуже» (делегат от Рабочего Дела именно так и мотивировал свой вотум за Мартова!). Горячие споры о § I устава и баллотировка еще раз выяснили политическую группировку на съезде и показали наглядно, что Бунд + Рабочее Дело могут решить судьбу любого решения, поддерживая меньшинство искровцев против большинства.

После споров и баллотировки § I устава имело место последнее (4-е) заседание организации Искры. Разногласие между искряками по вопросу о личном составе Ц. К. выяснилось уже вполне и вызвало раскол в их рядах: одни стояли за искровский Ц. К. (в виду распускания организации Искры и Группы Освобождение Труда и необходимости доделать искровское дело), другие — за допущение и южно-рабоченцев и за преобладание искровцев «зигзаговой линии». Одни были безусловно против кандидатуры N, другие за. Чтобы последний раз попытаться столкнуться, и собрали это *собрание* 16-ти (членов организации Искры, причем считались, повторяю, и совещательные голоса). Голосование дало такие результаты: против N — 9 голосов, за — 4, остальные воздержались. Затем большинство, не желая все же войны с меньшинством, предложило список примирения, из 5 лиц, в том числе 1 южно-рабоченец (угодный меньшинству) и один боевой член меньшинства. остальные же искровцы последовательные (из коих — это важно — один участвовал в съездовой драке лишь в конце ее, и был собственно беспристрастен, двое же не участвовали в драках вовсе и были в личном вопросе абсолютно беспристрастны)¹⁵. За этот список поднялось 10 рук (потом прибавился еще один и стало 11), против — 1 (только один Мартов!), остальные воздержались! Примирительный список, следовательно, был сорван *Мартовым*. После этого вотировались еще 2 «боевых» списка той и другой стороны, но оба собрали лишь меньшинство голосов¹⁶.

¹⁴ Формулировка § 1 устава Ленина была отклонена 28 голосами против 23, формулировка Мартова была принята 28 против 22, при одном воздержавшемся.

¹⁵ «Примирительный» список большинства был предложен в следующем составе: Розанов («южно-рабоченец, угодный меньшинству»), Троцкий («боевой член меньшинства»), затем «искровцы последовательные» — Носков (участвовавший в работах съезда и в съездовской борьбе), Ленгник и Кржижановский (не присутствовавшие на съезде). Р е д.

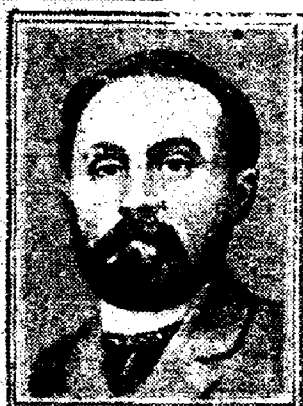
¹⁶ «Боевые» списки с той и другой стороны: со стороны большинства — Носков, Кржижановский и Розанов, со стороны меньшинства — Носков, Розанов, Троцкий. Р е д.

Итак, в последнем собрании организации Искры мартовцы по обоим вопросам остались в меньшинстве, и тем не менее они объявили войну, когда один член большинства (беспристрастный или председатель)¹⁷ пошел к ним после собрания, чтобы сделать последнюю попытку соглашения.

Расчет мартовцев был ясен и верен: бундовцы и рабочедельцы, несомненно, поддержали бы список *зигзаговой линии*, ибо за месяц заседаний с'езда все вопросы так выяснились, все личности так обрисовались, что ни единый член с'езда не затруднился бы выбрать: что лучше или какое из зол меньше. А для Бунда + Рабочее Дело, разумеется, зигзаговые искровцы были меньшим злом и всегда им будут.

После собрания 16-ти, когда искровцы окончательно разошлись и война между ними была объявлена, начинаются собрания двух партий, на которые раскололся с'езд, т. е. частные, неофициальные свидания всех единомыслящих. Искровцы последовательной линии собирались сначала в числе 9 (9 из 16), потом 15, наконец 24, считая *решающие голоса, а не лиц*. Такой быстрый рост объяснялся тем, что списки Ц. К. стали уже ходить и списки мартовцев отталкивали громадное большинство искряков сразу и бесповоротно, как списки дряблые: кандидаты, проводимые Мартовым, зарекомендовали себя на с'езде с безусловно отрицательной стороны (вилянье, невыдержанность, бестактность etc.). Это, во-первых; во-вторых, раз'яснение искрякам того, что происходило в организации Искры, привлекало их в массу случаев на сторону большинства, и неумение Мартова выдержать определенную политическую линию выяснилось для всех и каждого. По-

¹⁷ В. А. Носков. Ред.

Искровцы «твердой линии». Сверху, слева направо: Ленин, Краси́ков, Плеханов, Крупская, Носков, Бауман, Книрович, Землячка, Ульянов

этому 24 голоса сплотились легко и быстро на последовательной искровской тактике, на списке в Ц. К., на выборе тройки в редакцию (вместо утверждения старой, неработоспособной и расплывчатой шестерки).

Съезд в это время кончил обсуждение устава, причем Мартов и К^о еще раз (и даже не раз, а несколько раз) победили большинство искряков при благородном содействии Бунда + Рабочего Дела — напр., по вопросу о кооптации в центры (вопрос этот решен был съездом в духе Мартова)¹⁸.

Несмотря на эту порчу устава, весь устав в целом был принят всеми искряками и всем съездом. Но после общего устава перешли к уставу Бунда. и съезд отверг подавляющим большинством голосов предложение Бунда (признать бунд единственным представителем еврейского пролетариата в партии). Кажется, один Бунд стал здесь почти против всего съезда. Тогда бундисты ушли со съезда заявив о выходе из партии. У мартовцев убыло пять их верных союзников! Затем и рабочедельцы ушли, когда заграничная Лига русской революционной социал-демократии была признана единственной партийной организацией за границей. У мартовцев убыло еще 2 их верных союзника! Получилось всего на съезде 44 (51—7) решающих голоса, и из них большинство последовательных искряков (24); коалиция же мартовцев с южно-рабоченцами и с «болотом» вместе давала лишь 20 голосов.

Зигзаговой линии искровцев предстояло подчиниться, — как подчинялись, без единого слова, искровцы твердой линии, когда их бил и разбил Мартов коалицией с Бундом. Но мартовцы зарвались уже до того, что вместо подчинения пошли на скандал и на раскол.

Скандалом было возбуждение вопроса об утверждении старой редакции, ибо достаточно заявления хоть одного редактора, чтобы съезд обязан был рассмотреть весь целиком вопрос о составе Ц. О., не ограничиваясь простым утверждением. Шагом к расколу был отказ от выбора Ц. О. и Ц. К.

Сначала о выборе редакции. В Tagesordnung стояло, как уже было указано выше, по п. 24: выбор¹⁹ центральных учреждений партии. А в моем комментарии к Tagesordnung (комментарий этот был известен всем искрякам задолго до съезда и всем членам съезда) стояло на полях: выбор 3-х лиц в Ц. О. и 3-х в Ц. К. Следовательно не подлежит никакому сомнению, что из недр редакции вышло требование выбирать тройку и никем из редакции опротестовано оно не было. Даже Мартов и другой лидер мартовцев²⁰ защищали эти «две тройки» перед целым рядом делегатов еще до съезда.

Я лично, за несколько недель до съезда, заявил Староверу²⁰ и Мартову, что потребую на съезде выбора редакции; я согласился на выбор 2-х троек, причем имелось в виду, что редакционная тройка либо кооптирует 7 (а то и больше) лиц, либо останется одна (последняя возможность была специально оговорена мною). Старовер прямо даже сказал, что тройка значит: Плеханов + Мартов + Ленин, и я согласился с ним, — до такой степени для всех и всегда было ясно, что только такие лица в руководители и могут быть выбраны. Надо было озлиться, обидеться и потерять голову после борьбы на съезде, чтобы приняться задним числом нападать на целесообразность и дееспособность тройки. Старая шестерка²¹ до того была недееспособна, что она ни разу за три года не собралась в полном составе — это невероятно, но это факт. Ни один из 45 номеров Искры не был составлен (в редак-

¹⁸ Ленин выдвигал предложение, чтобы кооптация в Ц. К. и в редакцию Ц. О. производилась каждым центром с согласия другого центра (взаимная кооптация). Мартов стоял за независимость одного центра от другого при пополнении их состава. Предложение Мартова выкинуть пункт о взаимной кооптации было принято 26 голосами против 24. Ред.

¹⁹ Л. Д. Троцкий. Ред.

²⁰ А. П. Потресов. Ред.

²¹ Состав редакции «Искры» до II съезда: «литературная группа», организованная Лениным по возвращении его и его товарищей из ссылки, — Ленин, Мартов, Потресов, и члены группы «Освобождение Труда» — Плеханов, Аксельрод, Засулич. Ред.

ционно-техническом смысле слова) кем-либо кроме Мартова или Ленина. И ни разу не возбуждался *крупный* теоретический вопрос никем кроме Плеханова. Аксельрод не работал вовсе (0=ноль статей в Заре и 3—4 во всех 45 №№ Искры). Засулич и Старовер ограничивались сотрудничеством и советом, *никогда* не делая чисто редакторской работы. Кого следует выбрать в *политические* руководители, в *центр*,—это было ясно, как день, для всякого члена съезда, после месячных его работ.

Перенесение на съезд вопроса об утверждении старой редакции было *нелепым провоцированием на скандал*.

Нелепым, — ибо оно было бесцельно. Если бы даже утвердили шестерку, — один член редакции (я, например) потребовал бы переборки коллегии, разбора внутренних ее отношений, и съезд обязан был бы начать дело сначала.

Провоцированием на скандал, — ибо *неутверждение* должно было быть понято как *обида*, — тогда как выбор заново ровнехонько ничего обидного в себе не включал. Выбирают Ц. К., — пусть выберут и Ц. О. Нет речи об утверждении О. К., — пусть не будет речи и об утверждении старой редакции.

Но понятно, что, *потребовав* утверждения, мартовцы *вызвали* этим протест на съезде, протест был воспринят как *обида*, оскорбление, *вышибание*, отстранение...

Редакция ушла со съезда на время обсуждения вопроса о выборе или утверждении. После отчаянно-страстных дебатов съезд *решил: старая редакция не утверждается*²².

Только после этого решения *бывшие* члены редакции вошли в залу. Мартов встает тогда и отказывается от выбора за себя и за своих коллег, говоря всякие страшные и жалкие слова об «осадном положении в партии» (для невыбранных министров?), об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» (в роде лиц, от имени Искры подносящих ей Рязанова и говорящих в комиссии одно, на съезде другое?).

Я отвечал ему, указывая *невероятное смещение политических понятий*, приводящее к протесту против выбора, против переборки съездом коллегий должностных лиц партии.

Выборы дали: Плеханов, Мартов, Ленин. *Мартов опять отказался*. Кольцов (имевший 3 голоса) тоже отказался. Съезд принял тогда резолюцию, поручающую двум членам редакции Ц. О. кооптировать себе 3-го, *когда они найдут подходящее лицо*.

После этого выбраны три члена Ц. К. и только один из них назван съезду счетчиком записок, — а также выбран (тайно, записками) пятый член Совета Партии.

Мартовцы и все «болото» за ними *не подавали записок* и подали об этом письменное *заявление* в бюро.

Это был явный шаг к расколу, к сорванию съезда, к непризнанию партии. Но когда один южно-рабоченец прямо и заявил, что *сомневается* (sic!) в законности решений съезда, то Мартов устыдился и опроверг его, *заявив публично, что в законности решений не сомневается*.

К сожалению, этим хорошим и лояльным словам Мартова не соответствовали его (и мартовцев) дела и поступки...

Съезд сдал затем в «протокольную комиссию» вопрос об опубликовании протоколов и принял 11 резолюций тактических:

- 1) о демонстрациях.
- 2) » профессиональном движении.
- 3) » работе среди сектантства.
- 4) » » » учащейся молодежи.
- 5) » поведении на допросах.

²² Один мартовец держал такую речь при этом, что один делегат закричал после нее секретарю: вместо точки поставь в протоколе слезу! Защищали старую редакцию особенно горячо наиболее «болотные» люди.

- 6) » фабричных старостах
- 7) » международном конгрессе 1904 г. в Амстердаме
- 8) » либералах (Старовера).
- 9) » либералах (Плеханова).
- 10) » социалистах-революционерах.
- 11) » партийной литературе.

Затем съезд был закрыт председателем после краткой речи, напоминающей всем об обязательности решений съезда.

Рассматривая поведение мартовцев после съезда, их отказ от сотрудничества (о коем редакция Ц. О. их официально просила), их отказ от работы на Ц. К., их пропаганду бойкота,—я могу только сказать, что это безумная, недостойная членов партии попытка разорвать партию... из-за чего? Только из-за недовольства составом центров, ибо объективно только на этом мы разошлись, а субъективные оценки (в роде обиды, оскорбления, вышибания, отстранения, пятнания etc. etc.) есть плод обиженного самолюбия и больной фантазии.

Эта больная фантазия и обиженное самолюбие приводят прямо к позорнейшим сплетням, когда, не зная и не видя еще деятельности новых центров, распространяют слухи об их «недееспособности», об «ежовых рукавицах» Ивана Ивановича, о «кулаке» Ивана Никифоровича и т. д.

Доказывание «недееспособности» центров посредством бойкота их есть невиданное и неслыханное нарушение партийного долга, и никакие софизмы не могут скрыть этого: бойкот есть шаг к разрыву партии.

Русской социал-демократии приходится пережить последний трудный переход к партийности от кружковщины, к сознанию революционного долга от обывательщины, к дисциплине, от действия путем сплетен и кружковых давлений.

Кто ценит партийную работу и дело на пользу социал-демократического рабочего движения, тот не допустит таких жалких софизмов, как «правомерный» и «лояльный» бойкот центров, тот не допустит, чтобы дело страдало и работа останавливалась из-за недовольства десятка лиц на то, что в центр попали не те лица, которых имели в виду они, тот не допустит, чтобы на должностных лиц партии воздействовали приватно и тайно путем угрозы не сотрудничать, путем бойкота, путем пресечения денежных средств, путем сплетен и лживых рассказов.

О II СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

Первый съезд нашей партии состоялся в 1898 г., 50 лет спустя после выхода в свет «Коммунистического манифеста», написанного Марксом и Энгельсом, 50 лет спустя после революции 1848 года. 1898 год был годом, когда стало уже разворачиваться в России массовое рабочее движение, когда стали организовываться и вести работу отдельные социал-демократические кружки и когда назрела уже потребность объединить эти кружки. Первый съезд принял «Манифест РСДРП». Принятие этого манифеста означало признание необходимости для рабочего класса России иметь свою партию, означало принятие к руководству учения Маркса — Энгельса, означало, что русское рабочее движение примыкает к международному рабочему движению. Этим закладывался первый камень партийного здания. Но ни программы, ни устава партии на I съезде партии принято не было. Объединить разрозненные социал-демократические кружки, создать единую централизованную пролетарскую партию I съезду не удалось. Эту задачу предстояло осуществить II съезду, который фактически являлся учредительным съездом партии.

Между I и II съездами была проделана очень большая работа по подработке программы и устава партии. Уже в 1899 г., год спустя после I съезда, Ленин выработал «Проект программы нашей партии», который в свое время не увидел света и впервые был напечатан уже после смерти Владимира Ильича, в 1924 году.

В начале этой статьи Владимир Ильич подчеркивает организующее значение программы. «В настоящее время насущный вопрос нашего движения состоит уже не в развитии прежней разрозненной «кустарной» работы, а в соединении, в организации (разрядка моя.—Н. К.). Программа необходима для этого шага, программа должна формулировать наши основные воззрения, точно установить наши ближай-

Н. К. Крупская
(Фото периода II съезда)

шие политические задачи, указать те ближайшие требования, которые должны наметить круг агитационной деятельности, придать ей единство, расширить и углубить ее, возведя агитацию из частной, отрывочной агитации за мелкие, разрозненные требования в агитацию за всю совокупность социал-демократических требований. Теперь, когда с.-д. деятельность встряхнула уже довольно широкий круг и интеллигентов-социалистов и сознательных рабочих, настоятельно необходимо закрепить связь между ними программой и дать таким образом всем им прочный базис для дальнейшей, более широкой деятельности»¹ (разрядка моя.—Н. К.).

Уже в то время, в 1899 г., Владимир Ильич обдумывал, как сделать складывающуюся партию единой и сплоченной. Это было время, когда германский социал-демократ Бернштейн выступил со своей махрово-опportunистической книгой «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», ставшей знаменем всех оппортунистов. Влияние этой книги очень быстро перекинулось и к нам в Россию. В статье «Попытное направление в русской социал-демократии», написанной также в 1899 г. и появившейся в свет лишь в 1924 г.—четверть века спустя, Ильич писал,

¹ Ленин, т. II, стр. 509 — 510.

что идеи, развиваемые в «Рабочей мысли» (тогдашней нелегальной газете «экономистов»), являются простым сколком с «модной» книги Бернштейна.

Оппортунисты не очень были воодушевлены выработкой единой партийной программы. Они ссылались на то, что внутри социал-демократии развернулась полемика.

«Мне кажется наоборот,— писал Ильич в «Проекте программы нашей партии»,— это еще один довод за необходимость программы... для того, чтобы полемика не осталась бесплодной, чтобы она не выродилась в личное состязание, чтобы она не повела к путанице взглядов, к смешению врагов и товарищей, для этого безусловно необходимо, чтобы в эту полемику внесен был вопрос о программе. Полемика только в том случае принесет пользу, если она выяснит, в чем собственно состоят разногласия, насколько они глубоки, есть ли это разногласия по существу или разногласия в частных вопросах, мешают ли эти разногласия совместной работе в рядах одной партии или нет. Только внесение в полемику вопроса о программе может дать ответ на все эти настоятельно требующие ответа вопросы;— только определенное заявление обеими полемизирующими сторонами своих программных взглядов. Выработка общей программы партии, конечно, отнюдь не должна положить конец всякой полемике,— но она твердо установит все основные воззрения на характер, цели и задачи нашего движения, которые должны служить знаменем борющейся партии, остающейся сплоченной и единой, несмотря на частные разногласия в среде ее членов по частным вопросам»¹.

В статье «Проект программы нашей партии» Ленин предлагает взять за основу «Проект программы русских социал-демократов», изданный группой «Освобождение труда» еще в 1887 г., но вносит в него ряд очень важных добавлений и поправок. В план данной статьи не входит разбор этих поправок по существу. Не могу удержаться, чтобы не отметить, что Владимир Ильич предлагал в этой статье внести пункт, которого не было в программе группы «Освобождение труда»: «Установление полного равенства прав женщины с мужчиной», а также требование запрещения работы детей до 14 лет. Характерно, что Владимир Ильич говорил в проекте программы о необходимости вести пропаганду среди народных учителей. «Затем,— писал он,—

не надо забывать и деревенской интеллигенции, например народных учителей, которые находятся в таком приниженном и материально и духовно положении, которые так близко наблюдают и на себе лично чувствуют бесправие и угнетение народа, что распространение среди них сочувствия с.-д.-тизму не подтежит (при дальнейшем росте движения) никакому сомнению»².

«Попытное направление в русской социал-демократии», написанное Лениным тогда же, когда и «Проект программы нашей партии», представляет очень большой интерес в том отношении, что, разбирая оппортунистическую путаницу «Рабочей мысли», Владимир Ильич как раз выявляет самые характерные черты русского оппортунизма: сужение задач рабочего движения, непонимание сути того, в чем должна заключаться борьба с самодержавием, смешение легальной оппозиции с борьбой за ниспровержение самодержавия, непонимание роли партии вообще и ее ведущей роли в политической борьбе, переоценку русской либеральной буржуазии, воображение, что социализм может быть достигнут лишь мирным путем, а не путем острой классовой борьбы.

Все это те пункты разногласий, которые в дальнейшем, принимая различные формы, все глубже и глубже разделяли между собой правых оппортунистов и революционных социал-демократов, которые делали невозможным пребывание их в одной партии.

Характерны в этой статье еще два пункта, отмеченные Владимиром Ильичем. Он указывал на то, что не следует смешивать тактику и агитацию. Агитация должна быть индивидуализирована, но наша тактика, наша политическая деятельность должна быть единой. Эту мысль Владимир Ильич почерпнул из книги Каутского против Бернштейна. Он по-своему продумал и углубил ее. «Эти слова показывают, как неосновательны опасения тех, кто думает, что образование революционной партии, ведущей политическую борьбу, помешает агитации, отгеснит ее на второй план или стеснит свободу агитаторов. Напротив, только организованная партия может широко вести агитацию, давать необходимое руководство (и материал) для агитаторов по всем экономическим и политическим вопросам, использовать каждый местный успех агитации для назидания всех русских рабочих, направлять агитаторов в

¹ Ленин, т. II, стр. 510.

² Там же, стр. 527.

Группа старых большевиков — участников II съезда партии. Сидят слева направо: А. М. Стопани, П. А. Кра-
сиков, Н. К. Крупская, Р. С. Землячка и М. Н. Лядов. Стоят — А. В. Шотман, С. И. Степанов и Д. И. Ульянов

такую среду или такие местности, где они могут действовать с наибольшим успехом»¹.

В этой же статье Владимир Ильич пишет, что русская бернштейниада стоит бесконечно ниже, чем немецкая, что Бернштейн все же отказался предлагать изменения в программе немецкой социал-демократии и в решительный момент заявил, что принимает резолюцию Бебеля, провозгласившего, что германская социал-демократия остается при старой программе. Мы знаем, на II съезде РСДРП русские бернштейнианцы также проголосовали программу партии, чтобы... на другой день сорвать ее.

Программа партии, принятая с небольшими изменениями на II съезде, была внесена на обсуждение съезда редакцией «Искры». Программа эта начала обсуждаться в редакции в январе 1902 г. и рождалась, что называется, в муках. Спорящими сторонами были Плеханов и Ленин. Сначала составлял проект Плеханов, потом Ленин. Потом Плеханов составил новый проект. Ленин очень резко критиковал его. Ленин хотел, чтобы программа была руководством к действию борющегося пролетариата, а не просто «провозглашением принципов». Ленин счи-

тал плехановский проект неприемлемым в силу «абстрактности многих формулировок, как будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций». Возражал Ленин также против того, что программа сбивается на комментарий, содержит много ненужного, он хотел, чтобы программа формулировала как можно ярче основные положения, чтобы язык программы был языком революционной партии, а не языком «Русских ведомостей» или статистических сборников.

Ленин был недоволен тем, что в проекте «отстранен и затемнен вопрос о специально русском капитализме»; он писал, что это «особенно важный недостаток, ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против русского капитализма. Мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым объявлением войны, именно русскому капитализму»².

Затем Ленин считал неправильным пункт о революционности мелкой буржуазии. Он считал, что неправильно говорить только о революционности мелкой буржуазии, а необходимо сказать и об ее консервативности. И Владимир Ильич приводил цитату из

¹ Том II, стр. 554.

² Лен. сб. II, стр. 86.

«Коммунистического манифеста», где говорится: «мелкий промышленник, ремесленник, крестьянин... не революционны, а консервативны. Более того, они реакционны. Если они революционны («если»!), то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата». И далее Ильич указывал, что нельзя выпускать указания на диктатуру пролетариата. «Признание необходимости диктатуры пролетариата, — писал он, — самым тесным и неразрывным образом связано с положением «Коммунистического манифеста», что пролетариат один только есть действительно революционный класс»¹.

Характерно еще следующее добавление, предложенное Лениным ко второму проекту Плеханова:

«Самодержавие — злейший враг освободительных стремлений рабочего класса...», следовало бы добавить: «и культурного развития всего народа» (разрядка моя. — Н. К.) или в этом роде. Вот этим мы и выразим (а не словами о «представительстве»), что социал-демократия представляет интересы не только рабочего класса, а всего общественного развития»².

Засулич внесла предложение создать комиссию для окончательной выработки проекта программы с учетом всех высказываний; в комиссию вошли Засулич, Мартов и Дан. Комиссия выработала окончательный проект, который был потом внесен на съезд и с незначительными поправками принят на II съезде всеми присутствующими за исключением крайнего правого Акимова, который воздержался.

Голосовали все — в том числе и оппортунистическое крыло делегатов, в том числе и бундовцы и рабочедельцы, ушедшие потом со съезда. Оппортунистическое крыло голосовало на том же, очевидно, основании, на котором голосовал и Бернштейн за программу партии.

Какие махрово-оппортунистические были делегаты на съезде, показывает например обсуждение такого сравнительно мирного пункта программы, как пункт о народном образовании. Вопрос об уставе партии, национальный, аграрный были вопросами боевыми. Вопросы народного образования ка-

зались наиболее элементарными. Тем характернее точка зрения на них правых оппортунистов.

Оказался спорным такой например вопрос, как устройство яслей для детей работниц. Какой-то делегат, фамилия его не названа в протоколах II съезда, составленных меньшевиками (там просто сказано: «один из делегатов»), к тому же врач, стал утверждать, что вопрос об яслях спорный, устройство яслей вызовет приток женщин на заводы и тем облегчит фабрикантам эксплуатацию женского труда. К мнению «одного из делегатов» тотчас же присоединились представители самых правых: Либбер — представитель Бунда, и Егоров — представитель «Южного рабочего». «Да, вопрос не ясен, — заявил Егоров, — надо отложить его до следующего съезда». «Ясли при фабриках и заводах негигиеничны!» — утверждал Либбер. Правда, громадное большинство голосовало за ясли, даже правые. очень уж очевиден был вопрос.

Вызвал острый спор вопрос о том, надо ли снабжать «бедных детей пищей, одеждой, учебными пособиями». Опять правые — Либбер и Егоров — против, и опять их доводы также мало доказательны. Егоров говорит: «Не надо этого пункта, вопрос не ясен сам по себе». Либбер прибегает к доводу: «Нельзя говорить о бедных, это — обидно». Тогда редакция «Искры» держалась еще дружно. Либберу и Егорову возражали Мартов и Плеханов. «Дети рабочих не перестанут нуждаться оттого, что мы умолчим, что они бедны» — говорил Мартов. «Тогда нельзя говорить и о подходящем налоге» — поддержал Мартова Плеханов. «И ничего «само собой» не разумеется. В Швейцарии дети рабочих терпят массу унижений из-за отсутствия заботы о них государства».

И о чем бы ни заходил спор, на каждом вопросе оппортунистическое крыло обнаруживало крайне правые взгляды с необычайной яркостью. Особо ярко всплыли разногласия при спорах по организационному вопросу.

Ленин с самого начала придавал вопросам организации партии громадное значение. Он считал, что от того, как будет организована партия, кто будет входить в ее состав, будет в значительной степени зависеть, будет ли партия действительно боевой, революционной, такой, какой должна быть партия рабочего класса, или она будет расхлябанной, не спаянной идейно, не умею-

¹ Лен. сб. II, стр. 80.

² Там же, стр. 86.

щей действовать организованно, по общему плану.

Вопросы организации партии были освещены Лениным в 1902 г. в брошюре «Что делать?», и эта брошюра воодушевляла тогда искровцев, воодушевляла рабочие массы. Там говорилось в простых, но захватывающих словах о задачах нашей партии, о том, как в тогдашних труднейших условиях обеспечить единство действия. Ленин указывал на организующее значение ясно намеченной цели, единой программы и тактики, на то, что партийные организации должны быть готовы вести повседневную будничную работу, а если придется, то и выступить с оружием в руках. В «Что делать?» очень много говорилось об обязанностях члена партии, его ответственности перед организацией и ответственности организации за него.

И неслучайно, что именно вопрос об уставе партии особо остро встал на II съезде. Оппортунисты выявились тут во-всю. Начались разговоры о том, что может быть с уставом не надо спешить, что полицейские условия настолько тяжелы, что от члена партии нельзя требовать, чтобы он работал непременно в партийной организации, это обрекает на провал, что достаточно сочувствовать, помогать, быть связанным с организацией.

Мартов предлагал сказать: «Членом РСДРП считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций».

Ленин предлагал другую формулировку: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

Таким образом разногласие заключалось в вопросе об обязательности вхождения члена партии в партийную организацию. Мартов считал достаточным, чтобы партия лишь контролировала деятельность члена партии. На первый взгляд могло показаться, что разногласие не так велико, а по существу дела вопрос шел о том, будет ли партия боевой революционной организацией, какой должна быть партия пролетариата, или она будет интеллигентской, расплывчатой, соглашательской. Недаром Ленин называл формулировку Мартова «жоресистской», т. е. глубоко оппортунистической.

Все правые ухватились за формулировку Мартова, и она получила большинство, стала первым пунктом устава партии. На III чисто большевистском съезде в уставе формулировка Мартова была заменена формулировкой Ленина.

Речь Ленина в связи с обсуждением устава партии имеет особое значение: она четко поставила ряд важнейших организационных вопросов. Ленин говорил о том, что время стояло такое, когда наблюдалось много элементов разброда, шатания и оппортунизма, говорил, что были они и в рабочем классе. «Охрана твердости линии и чистоты принципов партии становится именно теперь делом тем более настоятельным, что восстановленная в своем единстве партия примет в свои ряды очень много неустойчивых элементов, число которых будет расти по мере роста партии». Партия должна быть лишь передовым отрядом, руководителем огромной массы рабочего класса, который весь (или почти весь) работает под контролем и руководством партийных организаций, но который не входит весь и не должен входить в партию, говорил Ильич.

Зато член партии должен весь отдаваться делу партии, работать, а не только болтать о работе. «Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии». «Партия ответственна за всякого члена». Наша задача, — закончил свою речь Владимир Ильич, — дать фактический контроль в руки ЦК. Наша задача — оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше, — и поэтому я против формулировки Мартова»¹.

Ленин указывал, что требование, чтобы членом партии мог называться лишь тот, кто работает в партийной организации, будет стимулом к организации.

Сейчас, когда проводится чистка партии, прения, развернувшиеся по вопросу, кто может быть членом партии, особенно интересны.

II съезд, выявив весь оппортунизм меньшевиков, помог большевикам найти правильный путь борьбы и организации и привел их к победе.

¹ Там же, стр. 31—33.

ВОСПОМИНАНИЯ

О II СЪЕЗДЕ

Перед съездом

Представитель Оргкомитета Попов (Розанов) приехал в Ростов-на-Дону как раз в тот день, когда там происходила известная мартовская демонстрация (2 марта 1903 г.).

Вечером, после демонстрации, он пришел ко мне на квартиру, где уже находились Локерман, Браиловский и еще некоторые члены Донского комитета. Собрание нам пришлось вести в крайне спешном порядке, так как ежеминутно можно было ожидать появления жандармов. Нам было известно, что жандармы успели получить сведения о составе нашей организации и наметили ее близкую ликвидацию, почему мы и поторопились использовать оставшееся время и устроили демонстрацию. Приходилось только удивляться, что они не пришли на мою квартиру тотчас же, а отложили визит до следующего дня. Это дало нам возможность заслушать доклад Попова о созыве съезда и принять предложение ОК. Заседание продолжалось часа 1½ и носило весьма праздничный, оживленный характер, так как все участники его были еще полны впечатлениями только что удачно проведенной демонстрации.

На следующий день на моей квартире был арестован Локерман, прятавшийся там от жандармов. Обыска произведено не было, и обо мне жандармы не спрашивали. Некоторые товарищи решили на этом основании, что я жандармами не «расшифрован», но для меня было ясно, что это — вопрос нескольких дней, если не часов. Поэтому я предпочел спрятаться у одного знакомого, стоявшего вне всяких подозрений. Через три дня я, переодетый реалистом, добрался до Новочеркасска и, пробыв там около недели, пока мне добыли средств, отправился за границу.

С. И. Гусев (1874—1933)

После ряда мытарств и злоключений я благополучно перебрался через границу у Волючиска, но из-за недостатка денег застрял во Львове, откуда послал в «Искру» описание ростовской демонстрации.

Чуть ли не на следующий день по приезде в Женеву меня познакомили с Плехановым и Потресовым. По настоянию Плеханова решено было, чтобы я сделал публичный доклад о ростовских событиях (ноябрь 1902 года—март 1903 г.). Докладом преследовались две цели: во-первых, дать бой эсерам, которые пытались приписать часть «заслуг» в ростовской забастовке себе, во-вторых, собрать деньги для «Искры». Обе цели удались. Народу собралось очень много, а разоблачение мною позорной попытки члена Донского комитета Брагина (в 1920 г. расстрелян в Ростове за службу в деникинском Осваге) и пропагандиста Владимира Азефа (брата известного провокатора) выступить во время забастовки от имени несуществующей группы эсеров произвело столь сильное действие, что нашелся только один эсер, который решился выступить, но не с опровержением моих утверждений, а с возражениями против сделанной мною квалификации действий Брагина и Азефа. Действительно, сгоряча я обзввал их преда-

телями, а следовало назвать их изменениями.

В переделанном виде мой доклад был напечатан в № 41 «Искры» (статья «Благородства своего не соблюла»).

На празднование 1 мая я был отправлен в Цюрих, где сделал два доклада: о ростовских событиях и о 1 мая. Как обнаружилось в 1920 г. из разговора с т. Дзержинским, он присутствовал на этих докладах.

Вскоре после 1 мая я уехал в Кларан на берегу Женевского озера, где в это время находился Плеханов. Здесь я имел возможность наблюдать Плеханова во время ежедневных встреч в его частной жизни, и эти наблюдения несколько расхолодили те чувства глубокого уважения и преклонения перед ним, которыми я был преисполнен, пока не узнал его ближе. Больше всего в этом отношении подействовали на меня не его «генеральские» замашки по отношению к молодым товарищам, а тот факт, что частная его жизнь была совершенно «пустопорожней» и ничем не была связана с его общественной работой. Было как бы два Плеханова: один — крупнейший теоретик и популяризатор марксизма, блестящий полемист и превосходный оратор, хотя и злоупотреблявший правом «потешать» публику анекдотами, другой — русский барин, любивший окружать себя веселым обществом молодежи, среди которой он брал на себя роль инициатора всевозможных «потешных» развлечений. Этот второй Плеханов не допускал в своем присутствии никаких политических разговоров. Несколько раз я пытался затеять разговор об эсерах, о рабочедельцах, о съезде, но второй Плеханов ловко уклонялся от них посредством какой-нибудь шуточки или анекдота.

Однажды во время обеда (мы обедали вместе большой компанией) Плеханов серьезно и внушительно сказал мне и Мочалову (один из членов Донского комитета, бежавший за границу после ноябрьской забастовки 1902 г.): «После обеда мне нужно поговорить с вами по делу».

«Наконец-то,—обрадовался я.—Наконец-то предстоит какое-то важное дело».

Каково же было, увы, мое разочарование, когда обнаружилось, что разговор имел своим предметом устройство вечера спиритизма и черной магии, когда Плеханов стал излагать нам, как устроить так, чтобы стол, никем не поддерживаемый, висел в воздухе.

Это было забавно, но никак не вязалось с тем Плехановым, которого мы знали по

его глубоким и блестящим произведениям.

В конце мая мы вернулись в Женеву, где к этому времени начали съезжаться делегаты съезда. Для делегатов было устроено несколько предварительных совещаний, из которых я запомнил два: одно — по вопросам о даче показаний, а другое — по вопросу о популярной газете.

На первом докладчиком был Дейч, доказывавший, что самая лучшая тактика — не давать жандармам никаких показаний. После окончания доклада несколько минут никто не брал слова, несмотря на неоднократные приглашения председателя. Мне стало неловко за товарищей, ибо получалось так, будто бы приезжие боятся выступать перед вождями, и я решился попросить слово себе. Я не возражал против основного положения доклада, а только поставил два вопроса: 1) не могут ли быть такие случаи, когда организация найдет нужную дачу показаний, например при обвинении социал-демократа в террористическом акте и принадлежности к партии эсеров. 2) Применима ли тактика полного отказа от показаний в тех случаях, когда организация найдет нужным использовать судебный процесс для политических целей путем речей подсудимых, для чего может оказаться нужной дача некоторых показаний.

Отвечал мне какой-то неизвестный мне чернявый молодой человек в пенсне и с длинной шевелюрой. Ответ был очень резок по форме. Это впрочем было тогда в духе времени и меня не удивило. Но что неприятно поразило, это нотка высокомерия, которая звучала в ответе.

Таково было мое первое знакомство с Троцким. Оно не вызвало у меня к нему никаких симпатий.

Второе собрание было не столь многолюдно, как первое. Были там Плеханов, Засулич и, кажется, Потресов, а также несколько делегатов. Тогда я еще не знал, что вопрос о популярной газете был у Ленина «лакмусовой бумажкой» по отношению к делегатам, которые не принадлежали к организации «Искры» и которых в Женеве еще не знали как следует. Считалось, что сторонники популярной газеты — не твердые искровцы. Я же приехал с мыслью о необходимости издания такой газеты за границей, так как опыт «Южного рабочего», издававшегося в России, меня убедил, что гораздо труднее наладить регулярный выпуск и распространение газеты в России, чем организовать ее транспорт из-за границы. Да и газета за границей будет ве-

стись несомненно лучше и живее. В течение получаса я приводил различные соображения, доказывая необходимость популярной газеты. Плеханов, стоявший за издание популярной газеты наряду с «Искрой» и искавший себе в этом вопросе союзников, по окончании моей речи скороговоркой сквозь свои пышные усы произнес: «Браво! Браво!». Несмотря на лестность для меня этой реплики, я не мог отделаться от сопоставления Плеханова с одним из тургеневских помещиков, который любил похаживать с трубкой в руках по комнате, слушая разговоры своих приятелей, и время от времени произносил: «Браво, браво!», причем у него получалось «брау—брау!».

Вопрос о популярной газете обсуждался еще раз на частном совещании делегатов в начале с'езда в Брюсселе. Тут я вновь «сцепился» с Троцким, который в этом вопросе шел против Плеханова. (По иронии истории именно Троцкий первый стал издавать популярную газету — венскую «Правду»).

На самом с'езде вопрос о популярной газете выплыл в конкретной форме при обсуждении вопроса о «Южном рабочем». Я впервые увидел тогда, что политические соображения могут коренным образом изменить постановку и решение технического вопроса. По техническим соображениям популярную газету, доступную широким слоям рабочих, издавать было необходимо. Но по политическим соображениям можно было в тот момент допустить издание только одного центрального органа. Политическая необходимость вытесняет техническую — таков был для меня один из первых политических уроков с'езда, который я твердо запечатлел в своей памяти.

Время приближалось уже к с'езду, а я все еще не видал Ленина, которого в Женеве не было. Дней за десять до с'езда произошла и эта встреча.

Однажды группа делегатов с'езда (в том числе и я) шла по улице Каруж и на повороте столкнулась с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной.

Больше всего меня поразило в Ленине при первом знакомстве умение его одновременно вести разговор с несколькими собеседниками. Он засыпал всех быстрыми вопросами, как-то успевал понять ответ, не дослушав его до конца, как бы заранее зная, каков будет ответ, и тотчас же ставил новые вопросы и притом так, что самим вопросом ответ как бы предreshался. Получалось такое впечатление, как будто бы он одновременно быстро играл несколько пар-

тий в шахматы и ставил своих противников в такое положение, что у них не оставалось никаких других ходов, кроме вынужденных. При этом глаза его так быстро перебегали с одного собеседника на другого, что казалось, будто у него не одна пара глаз, а не менее двух.

Как только он услышал мою фамилию (я жил тогда под фамилией Лебедев), он тотчас же поставил мне вопрос: «Вы стояли за издание популярной газеты?».

И пока я ему ответил: «Да, я считаю издание популярной газеты за границей при «Искре» крайне нужным делом», он уже успел задать кому-то другой вопрос, а затем его глаза перепрыгнули на меня и засмеялись. «Будем посмотреть, насколько это нужно» — быстро проговорил он. И опять не успел я еще сообразить, что ответить ему, как он уже разговаривал с другим товарищем.

Только позже я понял, что вопрос о популярной газете был задан неслучайно, недаром и неспроста.

Вскоре затем мы поехали на с'езд. Мне, как знающему языки, поручено было довести до Брюсселя тех рабочих, которые приехали в Женеву. Их было четверо, и, если не ошибаюсь, все они ехали под моим руководством, что дало повод товарищам шутить надо мною, называя меня «вождем пролетариата». Ехали мы до Кельна по Рейну. Превосходная погода, живописнейшая местность, радостные настроения в связи с предстоящим с'ездом, которого так долго ждали, давало ли все это какой-либо намек на то, что произошло потом на с'езде?

На с'езде

Общеизвестно и не раз уже было описано, как мое шумное пение оказало плохую услугу с'езду. В гостинице, где за огромным столом собирались обедать чуть ли не все члены с'езда, меня заставляли распевать «Эпиталаму» из рубинштейновского «Нерона», «Свадьбу» Даргомыжского и другие песни. Обеденный зал гостиницы находился во втором этаже и выходил на шумную, но узкую улицу, так что нетрудно было покрыть уличный шум пением. Перед окнами гостиницы собирался народ. Это бросилось в глаза полиции. Я первый заметил за собой слежку. Для проверки я сговорился с одесским делегатом Костищем. По окончании вечернего заседания я начал бродить по улицам Брюсселя, а Ко-

стич шел на некотором расстоянии от меня по другой стороне. Затем мы сошлись в условленном кафе, и Костич сигналом сообщил мне, что шпики за мной есть. Потом он вышел из кафе, я последовал за ним и обнаружил, что и его преследуют два шпики. На следующий день мы сообщили свои наблюдения на с'езде, и в тот же день было решено с'езд перенести в Лондон. Решено было также, чтобы все делегаты в случае, если им придется иметь дело с бельгийской полицией, выдавали себя за каких угодно иностранцев, но ни в коем случае не говорили, что они русские.

На следующий день меня вызвали в полицию, где я любезно сообщил, что я—румынский студент Романеско, а в Брюсселе нахожусь по своим интимным (сердечным) делам. Мне выдали проходное свидетельство с предложением покинуть в двадцать четыре часа пределы Бельгии. На следующий день я вместе с Землячкой уехал в Лондон. Здесь полиция нас не тревожила, и на мое пение никто не обращал внимания.

Но зато стало неспокойно на самом с'езде.

Надо заметить, что не все делегаты, стоявшие на искровской точке зрения, принадлежали к организации «Искра». Хотя Донской комитет еще осенью 1902 г. присоединился к «Искре», но это еще не значило, что его члены тем самым стали членами организации «Искра». Даже после приезда к нам в Ростов члена ОК по созыву с'езда Попова (Розанова) и после его благоприятного отзыва о Комитете мы еще не считались членами организации «Искра». Эта часть делегатов-искровцев, не состоявших в организации «Искра», находилась в первую половину с'езда на положении «диких», так как они не принадлежали ни к одной из представленных на с'езде крупных организаций («Искра», «Союз русских социал-демократов», «Бунд», «Южный рабочий»). Во время с'езда происходили закрытые совещания делегатов, состоявших членами организации «Искра», но в тайны этих совещаний «дикие» посвящаемы не были. Только позже, когда организация «Искры» во время с'езда раскололась и из нее образовались две фракции, «дикие» распределились между этими фракциями.

Первым громом, грянувшим на с'езде, были прения по вопросу о параграфе первом устава партии. Они произвели на меня сильнейшее впечатление, ибо впервые на с'езде обнаружилось, что среди самих искровцев, вместе с которыми мы, «дикие», шли

единой стеной и против рабочедельцев, и против бундовцев, и против южно-рабоченцев, имеются крупные разногласия по некоторым вопросам. Большое значение этой трещины в рядах искровцев я почувствовал особенно в связи с ничтожным инцидентом, происшедшим в перерыве тотчас после решающего голосования параграфа первого устава. Я подошел к Попову (Розанову) и в дружеском, товарищеском тоне сказал ему: «Как же это вы, товарищ, оказались за формулировку Мартова?». Попов ответил мне таким грубым ругательством, какое ни в коей мере не вызывалось ни тоном, ни содержанием моего вопроса. Почему этот южно-рабоченец, только что одержавший победу вместе с искровцами Мартовым и Аксельродом над Плехановым и Лениным, находился в таком нервном настроении, я так и не понял. Но крайне болезненная реакция на мой вопрос дала мне почувствовать, что за разногласиями по параграфу первому устава кроется что-то большее.

Вопрос же мой я считал вполне законным потому, что как практик, работавший на местах и имевший очень много всяких дел со всякими «сочувствующими» и «содействующими», начиная от мелких приказчиков, которым «лестно» было давать свои квартиры для конспиративных свиданий, и кончая крупнейшими купцами и банкирами, которые довольно охотно давали деньги на то, чтобы другие устраивали революцию, я ни на секунду не сомневался, какую формулу надо было выбрать,—ленинскую или мартовскую. И мне казалось, что и Попов должен был как практик быть за ленинскую формулу.

Отойдя от Попова, я столкнулся с Лениным и, полный еще впечатлениями только что разыгравшейся жаркой битвы, заговорил с ним о его проекте устава. «Понятие члена партии у вас ясно, но понятие партийной организации расплывчато»—сказал я ему. Ленин буквально уцепился за эти слова и, схватив кого-то из проходивших мимо делегатов за рукав, притянул его к себе со словами: «Послушайте, послушайте, что говорит т. Лебедев», и Ленин повторил ему мои слова, а затем, обернувшись ко мне, раз'яснил: «Совершенно верно. Но понятие партийной организации у меня определяет ЦК. Если ЦК утвердил организацию, то она тем самым и стала партийной».

Это был первый разговор мой с Лениным после встречи в Женеве на улице. Уже в течение первых двадцати заседаний для меня стало ясно, что Ленин играет в руко-

водстве съездом не менее важную роль, чем Плеханов, а в отдельные моменты, наиболее горячие, берет на себя руководство целиком. Сила, выразительность, своеобразие и простота речи Ленина, отсутствие всяких «украшений», без которых Плеханов не мог произнести ни одной речи, великолепное спокойствие и постоянная улыбка Ленина, его поразительная простота в отношениях к товарищам, притом какая-то особая ленинская простота, сильно отличающаяся от интеллигентской простоты Мартова и Засулич, наконец то, что наиболее резко отличало Ленина от всех других, какое-то высшее наслаждение и упоение, с каким он отдавался работе, не уступая ни единой крупинки времени на какую-то «частную» жизнь и не считаясь ни с какими личными связями и симпатиями,—все это уже выделяло Ленина среди той шестерки, которую мы знали как возглавляющую «Искру». Но пока шестерка шла дружно вместе, роль и значение Ленина в ней оставались еще неполно раскрытыми. Казалось, что все искровцы в борьбе против Бунда, против рабочедельцев и т. д. выступают одинаково сильно и произносят одинаково прекрасные речи.

Однако как только искровцы разбились на две части по первому параграфу устава, так тотчас же стало ясно, какое большое различие существует между Лениным и Мартовым и насколько Ленин выше Мартова. И чем дальше шел съезд, чем сильнее разгоралась борьба между искровцами, тем все выше вырастала в наших глазах фигура Ленина. И к концу съезда она стояла, по крайней мере в моих глазах, выше фигуры Плеханова.

Характерно было уже то, как высказался Плеханов насчет первого параграфа устава. Он начал свою речь следующими словами: «Я не имел предвзятого взгляда на обсуждаемый пункт устава. Еще сегодня утром, слушая сторонников противоположных мнений, я находил, что «то сей, то оный на бок гнется». Но чем больше говорилось об этом предмете и чем внимательнее вдумывался я в речи ораторов, тем прочнее складывалось во мне убеждение в том, что правда на стороне Ленина».

Эти слова крайне удивили меня. Как можно по такому основному организационному вопросу не иметь «предвзятого взгляда»? Или, быть может, это дипломатический выверт по отношению к Аксельроду, который на утреннем заседании дважды выступал за формулу Мартова? Плеханову неприятно

подносить пилюлю Аксельроду, и он подзадоривает ее. Или, может быть, это неизбежные плехановские предисловия и вступления к речи, совершенно ненужные, так как вместо всего этого предисловия можно было просто сказать: «Я нахожу, что правда на стороне Ленина».

Неприятное впечатление от начала речи Плеханова, правда, было сглажено ее продолжением.

Вопрос о первом параграфе устава обсуждался на 22-м и 23-м заседаниях съезда. На дальнейших заседаниях, вплоть до 30-го, за исключением 25-го, формально царит мир между обеими частями искровцев. Они еще продолжают совместно проводить ту линию против рабочедельцев и бундовцев, которая наметилась с самого начала съезда. На 25-м заседании выплывает вопрос о Совете Партии, и в зале заседаний создается еще более напряженная атмосфера, чем это было при обсуждении параграфа первого. За сравнительно спокойными дебатами о Совете чувствуется глухая борьба, происходящая за кулисами съезда. Это заседание запомнилось почему-то особенно ярко во всех деталях. Низкая зала, скупой желто-серый лондонский свет, какая-то суровая тень на всех лицах. Даже неумывающий и бросающий направо и налево шутки и остроты Плеханов приумолк. Еще недавно он издевательски шутил над бундовцем Либером, который на вопрос Плеханова, относится ли его, Либеры, требование свободы или равноправия языки во всех государственных учреждениях также и к управлению государственного коннозаводства, смело бросил «да», на что Плеханов скороговоркой ответил: «К сожалению, лошади не говорят, а вот ослы иногда разговаривают». Но сейчас Плеханов молчалив и только усиленно подергивает свои усы. Ленин в каком-то повышенном настроении и при голосовании подымает руку как-то особенно высоко, как бы командуя своим сторонникам: голосуйте!

Затем проходят еще четыре заседания, посвященные детальному обсуждению отдельных параграфов устава и главным образом «избиению младенцев», т. е. ликвидации ряда партийных организаций. Несмотря на крайне обострившиеся к этому времени отношения между отдельными частями искровцев, они вынуждены совместно подводить итоги всей той борьбе, которую они совместно вели против рабочедельцев, против Бунда, против «Борьбы» и т. д., но на каждом шагу чувствуется, что произошел в организации «Искры» какой-то внутрен-

ний неизлечимый надлом. Выступления против рабочедельцев и бундовцев ведутся как бы по обязанности. Нет того веселого задора, какой был в начале съезда. Только Плеханов еще пытается подшучивать и бросает вдогонку уходящим со съезда Мартынову и Акимову: «Ушел Мартын с балалайкой».

Даже руководство заседанием ослабевает, и прения приобретают какой-то хаотический характер. Особенно характерно в этом отношении 29-е заседание.

Наконец наступает историческое решающее 30-е заседание. Оно начинается весьма странно. После принятия двух мелких резолюций председатель заявляет: «На очереди стоит вопрос о группе «Южный рабочий»¹.

Наступает долгое молчание, длящееся несколько минут. Никто не хочет брать слова. Вопрос полностью ясен и неоднократно был предreshен в предшествующих заседаниях. Все знают, что «Южный рабочий», как и «Искра», уже заявившая об этом, будет распущен и что никакое иное решение вопроса уже невозможно. Но никому не хочется брать на себя роль инициатора в этом деле, однако, как видно будет дальше, по разным мотивам.

Молчание становится все более тягостным. Наконец я беру слово и предлагаю товарищам из «Южного рабочего» высказаться. Смысл этого предложения состоит в том, чтобы облегчить съезду роспуск этой группы, вызвав со стороны представителей «Ю. Р.» заявление о том, что они не возражают против роспуска. Но один из представителей «Ю. Р.», Попов, притворяется, что они будто бы не понимают, чего от них хотят. «Когда шла речь о других организациях,—говорит он,—их никто не заставлял высказываться... о группе «Ю. Р.» съезд... достаточно осведомлен,—мы своевременно представили доклад. Все зависит теперь от съезда. Я не понимаю, чего от нас хотят».

Вновь наступает длительное молчание, и мне приходится вновь взять слово, чтобы «нанести смертельный удар» приговоренному к смерти «Ю. Р.». Стараюсь сделать это в возможно мягкой форме. «Ю. Р.»,—говорю я,—выполнял две функции: литературную и техническую». И дальше идет предложение—по части технической убить «Ю. Р.» теперь же. Впрочем я великодушен и могу согласиться на то, чтобы это бого-

¹ Цитата из протоколов съезда, сделанных по изданию «Прибой», 1924 г.

Запрос департамента полиции о месте, где заседал II съезд

противное дело сделал будущий ЦК. Что же касается литературной функции «Ю. Р.», то по этой линии будем убивать его позже, когда будет обсуждаться пункт о партийной прессе.

Это было уже шагом вперед, но представителей «Ю. Р.» не так-то легко сдвинуть с места, и выступающий вслед за мной его второй представитель, Егоров (Левин), предлагает, чтобы высказались не они, а съезд. Начинается долгое хождение вокруг да около вопроса. Южно-рабоченцы кланяются съезду и говорят любезности, съезд кланяется южно-рабоченцам и говорит комплименты, и оба предлагают друг другу высказаться. И самое замечательное это то, что наиболее ответственные представители обеих групп искровцев молчат. Только Плеханов приглашает представителей «Ю. Р.» «высказать свои виды на будущее, чтобы уладить дело к обоюдному удовольствию». Попов и Егоров вновь берут слово, и на этот раз Попов более тонко, Егоров поглубже намекают на то, что они не прочь бы остаться в качестве второго партийного центра. «Если подобная организация не вредна партии,—говорит Егоров,—то ее не к чему распускать. «Искра» сочла необходимым себя распустить, «Южный рабочий» этого не находит нужным».

Егоров не объясняет, почему же «Ю. Р.» «не находит этого нужным». Дело не двигается с места, и бедному Гусеву приходится в третий раз брать слово, чтобы разъяснить представителям «Ю. Р.», что съезд именно и ожидает от них объявления их организации распущенной и растворившейся в партии. «Все уже достаточно говорили,— поясняет Гусев,— что «Ю. Р.» был очень полезен. «Искра» была еще более полезна, однако она сочла нужным объявить себя распущенной, раствориться в партии».

Наконец ввязывается в прения Русов (Кнунянц), предлагающий «Ю. Р.» распустить. Но насколько все висит на волоске, видно по тому, что в связи с упоминанием о «Рабочей мысли» Егоров устраивает Русову истерический скандалчик. «Это ложь! — кричит он. — Нельзя ставить на одну доску «Южный рабочий» с «Рабочей мыслью». Председатель обрывает Егорова. В зале заседания всеобщее волнение и крики: «К порядку! Возьмите свои слова обратно!».

Скандалчик ликвидирован. Прения разветвляются. С обоснованными предложениями распустить «Ю. Р.» выступает Ланге (Стопани), его поддерживает Дейч, затем выступают Глебов, Попов, Лядов, но все же никакого движения вперед от этих выступлений не происходит. Председатель Плеханов упорно замалчивает давно уже внесенную представителем екатеринославского комитета Орловым резолюцию, предлагающую распустить «Ю. Р.».

И вдруг завеса начинает приоткрываться, становится ясным, что хотя спорят о «Ю. Р.», но спор-то идет на деле о другом. Слово берет Ленин.

«Л е н и н: После целого ряда разъяснений, я нахожу наиболее целесообразным принятие резолюции Костица о популярном органе. Говорили, что «Южный рабочий» хотел быть популярным органом и занимал соответствующее место в партии. В интересах дела, ввиду щекотливого положения, в какое мы попали, следует признать этот «casus» заслуживающим особенного внимания и разрешить себе отступление от принятого вчера регламента. Следует приступить к обсуждению вопроса о популярном органе, хотя это и неправильно. Следует допустить это, и я высказываюсь за это единичное исключение» (стр. 292).

Ленин таким образом отклоняет многочисленные предложения о роспуске «Ю. Р.» и предлагает заняться обсуждением вопроса о популярной газете (предложение Костица), переведя таким образом спор в прин-

ципиальную плоскость. Но предложение Костица не собрало необходимых по регламенту 10 голосов. Этим пользуются Троцкий и Мартов, резко выступающие против предложения Ленина.

Яркий свет во все эти запутанные маневры вносит Мартов, предлагающий оставить вопрос о «Ю. Р.» открытым впредь до обсуждения вопроса о партийной прессе и «перейти немедленно к выборам».

Так вот в чем дело! Мартов и Троцкий ставят решение вопроса о «Ю. Р.» в зависимость от выборов. Избирательный маневр!

Наступает решающий момент заседания и всего съезда. Ввиду серьезности момента Ленин берет председательствование на себя, так как Плеханов чересчур горяч и ввязывается в бои по мелочам, а потому, как председатель, в наиболее жарких битвах не годится.

Наступает момент открытого разрыва Ленина с Мартовым. В протоколах (стр. 293) этот момент изображен так:

«Председатель Ленин (прочитав резолюцию Мартова). Резолюция Мартова поставит нас в совершенно невозможное положение.

(Сильное волнение, крики, протесты).

Мартов берет резолюцию обратно, энергично протестует против заявления Ленина.

(Шум в зале усиливается).

«Энергично протестует» — сказано слабо и неверно, ибо Мартов закатил чудовищную истерику. Так или иначе, но открытый разрыв между двумя частями искровцев налицо.

В конце концов после некоторых дополнительных маневров и контрманевров принята резолюция Орлова подавляющим большинством 31 голоса, 5 голосов против, 5 воздержавшихся.

Избирательный маневр Мартова не удался, но не удалось также и Ленину добиться принципиального решения по вопросу о популярной газете. Вопрос решили «дикие», которые в свою очередь размежевались и примкнули к обеим частям расколовшихся искровцев. Окончательное закрепление этого деления на две фракции (организационно оформившиеся на следующий день) происходит на бое по вопросу о составе редакции «Искры», по отношению к которому бой по вопросу о «Ю. Р.» был только авангард-

ной стычкой. Во вторую половину 30-го заседания и первую половину 31-го создаются фракции большинства и меньшинства съезда.

Мартов воспользовался одной из первых речей, чтобы попытаться сорвать выборы редакции. «Раз заговорили о внутренних отношениях, бывших в редакции «Искры», — заявил он, — мы, четыре из шести редакторов ее, удаляемся с заседания съезда, чтобы съезд в наше отсутствие свободнее обсудил эти вопросы».

Это заявление вызвало величайшее волнение среди делегатов, и не только среди сторонников удаляющейся четверки, которые были буквально потрясены заявлением Мартова, но и среди сторонников остальных двух членов редакции, у которых заявление Мартова вызвало величайшее возмущение. Именно эта обывательская выходка Мартова сразу провела резкую разграничительную черту между большинством и меньшинством съезда.

Маневр Мартова был немедленно отпарирован Плехановым, который заявил, что и он с Лениным уходит. Таким образом расчет Мартова, что съезд поползет к ушедшей четверке на коленях, умоляя ее вернуться на условии утверждения всей старой редакции целиком, не выгорел. Но благодаря этому маневру съезд неожиданно для себя оказался без вождей.

Для подавляющего большинства оставшихся в зале заседания делегатов этот съезд был первым в их жизни, на котором они присутствовали. И можно было ожидать, что они растеряются. Но этого не случилось. Делегаты съезда уже успели закалиться в предыдущих трехнедельных боях с бундовцами и рабочедельцами и, несмотря на истерические выходы и скандалчики Троцкого и Попова, а также угрозы Дейча (Дейч перед решающим голосованием встал и сказал: «Посмотрим, кто решится голосовать»), ничто не могло уже поколебать сложившегося большинства.

После речи Царева я вышел в соседнюю комнату, куда удалилась редакция. Ленин подошел ко мне с вопросом: «Почему ничего не говорите?». Я ему ответил, что записался и скоро буду говорить. Вопрос Ленина я понял как поручение, и с этого момента я почувствовал себя кооптированным в ленинскую фракцию.

В это время Плеханов подошел к Засулич и что-то начал говорить ей. Бедная Засулич, тяжело страдавшая горлом и по-тому потерявшая голос, бешено захрипела

ХАРЬКОВСКОГО ОХРАННОГО

Секретно

2

Итак, в этот день в Харьковской охранке произошло следующее: в 10 часов утра в Харьковской охранке был проведен съезд редакционной комиссии «Искры».

В этот день в Харьковской охранке было проведено заседание редакционной комиссии «Искры».

В этот день в Харьковской охранке было проведено заседание редакционной комиссии «Искры».

В этот день в Харьковской охранке было проведено заседание редакционной комиссии «Искры».

Донесение начальника харьковской охранки о II съезде

и зашипела на Плеханова. Плеханов впрочем не смутился и, верный своей манере шутить и в самые тяжелые моменты, подошел к нам и заявил: «Я думаю, что Вера Ивановна меня приняла за Трепова» (Засулич стреляла в Трепова).

Я вернулся в зал заседания к началу речи Русова (стр. 300-я протоколов, эта речь ошибочно приписана мне).

На вопрос о редакции ушло не только 30-е (вечернее) заседание, но и значительная часть 31-го (утреннего).

Заседания эти были не только самыми решающими, но вместе с тем и самыми мучительными для делегатов. Нелегко было рвать с четверкой, нелегко было «расплевываться» (это выражение тогда было в большом ходу) с товарищами, по отношению к которым мы питали долгие годы самое глубокое уважение, тяжело было разочаровываться в них.

А еще труднее это было Ленину.

Утром еще до начала 31-го заседания, на котором вопрос о редакции был решен окончательно, я с несколькими товарищами из большинства стоял у наружного входа в помещение, где заседал съезд. Подошли Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Лицо у Ленина было желтое, вид совершен-

но больной. Он иногда страдал какой-то кишечной болезнью, но не только, или вернее не столько, болезнь так подействовала на него. Он провел мучительную бессонную ночь и к утру пришел к выводу, что ему нужно отказаться от участия в редакции. Надежда Константиновна поддерживала это решение. Владимир Ильич сообщил нам свое намерение отказаться от участия в редакции, но мы решительно воспротивились этому и стали уговаривать его ни в коем случае этого не делать. Владимир Ильич как будто ждал и искал у нас поддержки и, найдя ее, тотчас же отказался от своего намерения.

Начались последние, самые неприятные заседания съезда. Основные вопросы были решены. Оставалось только принять ряд резолюций и протоколов. При создавшихся отношениях между большевиками и меньшевиками (эти названия появились позже) эта работа сопровождалась огромным количеством скандалчиков.

На следующий день по окончании съезда фракция большевиков отправилась на могилу Маркса. Я сорвал себе на память миртовый листок с могилы и долго хранил его. В 1906 г. во время ареста жандармы почему-то забрали его. Что они заподозрили в невинном миртовом листке, не могу до сих пор себе представить.

В тот же день я вместе с Д. И. Ульяновым уехал в Россию.

После съезда

В Киеве я заехал к Г. М. Кржижановскому, одному из тройки, выбранной в ЦК, и, сделав ему доклад о съезде, направился в Одессу, Николаев, Екатеринослав и Харьков. В первых трех городах доклад о съезде сошел благополучно и в них заложено было крепкое большевистское ядро, в Одессе — во главе с Левицким, в Екатеринославе — во главе с Ногинным. В Харькове же получилось нечто нелепое. Харьковский комитет уже заслушал доклад и своих представителей и южно-рабоченца Егорова и был настолько крепко огорожен меньшевистскими рогатками, что здесь собственно нечего уже было делать. Пытался я было разыскать кое-кого из ростовцев среди студентов, чтобы через них связаться с рабочими, входившими в организацию, но из этого ничего не вышло. Да и засиживаться в Харькове долго мне не следовало, так как меня усиленно разыскивали в связи с Таганрогским процессом.

На докладе в Комитете все было именно так, как я предвидел. Перед мною была глухая, непроницаемая, враждебная, молчаливая стена. Когда я кончил, никто, хотя бы из партийного «приличия», не потрудился возражать мне. Вместо возражения посыпался ряд преядовитейших вопросов «устрашающего» характера, например такого рода: «Известно ли докладчику, сколько лет работает в революционном движении Вера Ивановна (Засулич)?», «Известно ли докладчику, что Павел Борисович (Аксельрод) — первый русский социал-демократ?», «Правда ли, что Ленин показывал кулак съезду?».

Сначала я пытался давать спокойные разъяснительные ответы, но увидав, что моих ответов даже и слушать не хотят, оборвал эту комедию резким заявлением, что нам разговаривать больше не о чем.

На обратном пути я еще раз заехал в Киев к Кржижановскому, который направил меня за границу. После ряда приключений я благополучно добрался до Женевы. Это было незадолго до съезда Лиги. Плеханов я застал еще в редакции «Искры» вместе с Лениным. Меня посадили за техническую работу в редакции, но мне пришлось принять участие всего только в двух номерах «Искры».

А затем ленинская «Искра» перешла в руки меньшевиков.

Скверные, унылые, тяжелые дни пришлось пережить большевистской группе в Женеве, пока не появилась ленинская работа «Шаг вперед — два шага назад». Эта блестящая работа Владимира Ильича показала его в новом свете. Мировая литература не знает такого изумительного комментария к протоколам партийного съезда, кроме разве ленинского же отчета об Объединительном съезде. Эта работа есть поразительный образец тончайшего научного анализа. Ленин произвел научный анализ борьбы, происходившей на съезде и частично после съезда, группировок, которые на съезде складывались, и дал научное определение их политических тенденций. Ему пришла в голову мысль изобразить голосование на съезде в виде схемы. Это было нечто совершенно новое и невиданное. И меньшевики по-настоящему, а не для видимости только, хватились за животики по поводу этой схемы. До такой степени научный подход не укладывался в их обывательских мозгах. А обвинения в оппортунизме в организационных вопросах и в барском анархизме, выдвинутые Лениным против меньшевиков, показались им чем-то чудовищно нелепым. «Про-

сто грубая ругань» — говорили они. Ленин смеялся над всеми этими меньшевистскими вывертами и разъяснял, что самое резкое, самое грубое слово не есть еще ругань, раз оно выражает п а у ч н о е определение данного явления. Ругань — это резкое слово, которое научно не соответствует данному явлению.

Мартов после выхода работы «Шаг вперед — два шага назад» поторопился политически похоронить Ленина. И это всерьез, ибо из всех меньшевиков Мартов умел быть самым искренним. В статье «Борьба с осадным положением» Мартов впервые пустил слово «ленинизм» в такой связи: «восстание против ленинизма». Ленин был прямо в восторге от этих слов. «Как, — говорил он по этому поводу, — мне всего тридцать три года, и против меня самые заслуженные, самые маститые объявляют восстание, значит, я — сила». В этих словах Мартова он искал и находил проверку своей собственной роли. Эти слова ободряли его для дальнейшей борьбы.

Однажды в темный дождливый осенний вечер я заглянул в известный ресторан Ландольта и столкнулся там лицом к лицу с Плехановым. Ретироваться было некуда и пришлось усесться с ним за один столик и начать беседовать. Беседа сначала не клеилась, потом кое-как разговорились, и я сказал Плеханову, что напрасно он порвал с Лениным, что это ему невыгодно, так как Ленин — крупнейшая сила. Плеханов задергал свои усы и начал сыпать свои любимые словечки: «Ще молода дитина, у Саксонии не была», «Я уже был революционером, когда Ленин еще пешком под столом ходил» и т. п. А в заключение Плеханов весьма воинственно заявил: «И не таких еще бивали, справимся и с этим».

Ленин ужасно хохотал, когда я ему рассказывал эту сценку.

Началась длительная, упорная и бесплодная борьба за созыв III съезда. Меньшевики всячески мошенничали при подсчете числа организаций, высказавшихся за съезд. В конце концов стало ясно, что легальными, партийными путями съезда не добиться. В таком положении нас застало лето 1904 года. В наших рядах наблюдалось некоторое уныние и разочарование, несмотря на то, что силы большевиков росли и внутри страны и в эмиграции.

В один из унылых дней я с Красиковым забрел к одному «мягкому» меньшевику. На столе у него лежал листок под названием «План земской кампании» с надписью:

«Только для членов партии». Мы очень заинтересовались листком и попросили меньшевика дать его нам. Меньшевик не отказал. Обнаружилось при этом, что листок вышел недели за две до того, как мы его увидели, и что меньшевики приняли все меры, чтобы скрыть его от большевиков.

Тотчас же мы отправились с листком к Ленину. Ленин схватил листок и стал его перечитывать, язвительно усмехаясь, прочитывая некоторые места вслух и подчеркивая в них «курсивом» отдельные слова и фразы (только Ленин умел говорить «курсивом») и временами заразительно смеясь.

— Хорошо, я напишу ответ, — заявил Ленин.

И по тону этого заявления мы почувствовали, что Ленин сейчас же сядет за эту работу и что нам надо немедленно уходить. Через три дня ответ был готов и что-то очень скоро, дня через два, вышел из печати под названием «Земская кампания и план «Искры»». В сборнике статей Ленина «За 12 лет»¹ сказано, что эта работа писана в ноябре или декабре 1904 г. Это, по моему, неверно. Ноябрь во всяком случае совершенно исключается, так как я уехал из Женевы во второй половине октября. Помнится, что эта брошюра вышла не меньше, чем недели за две до моего отъезда. Поэтому наиболее вероятной датой я считаю вторую половину или конец сентября.

Брошюра «Земская кампания и план «Искры» сыграла крупнейшую роль в развитии большевизма. Она была боевым сигналом к борьбе с меньшевиками на новой принципиальной почве. До ее появления от меньшевиков нас отделяли в области принципиальной только организационные разногласия. Резолюция Старовера об отношении к либералам оставалась мертвой буквой. Поэтому, несмотря на жестокую фракционную драку, возможность сговориться с меньшевиками еще не была исключена, но после листка меньшевистской «Искры» о земской кампании и ответа Ленина наши дороги начали быстро расходиться. Надвигающиеся революционные события отбросили в сторону, как ненужный хлам, и все фракционные дразги и споры по организационным вопросам и повелительно поставили перед обеими частями партии тактические вопросы. И в этой области с огромной быст-

¹ Издание Петроградского совета Р. и К. Д., 1919 г.

рогой выросла между большевиками и меньшевиками глубокая пропасть.

В брошюре «Земская кампания и план «Искры» содержится уже в зачаточной форме то основное разногласие по вопросу об отношении к буржуазии, которое по существу навсегда отделило большевиков от меньшевиков. И в этом смысле эта брошюра была первой большевистской платформой, вокруг которой объединились большевики для новой борьбы за третий съезд, борьбы, вышедшей за легальные партийные рамки. Начался новый, второй, период в развитии большевизма. Первый период

был периодом второго съезда, периодом разбившимся на три этапа: предсъездовская борьба, борьба на съезде, борьба после съезда. Новый, второй, период был периодом третьего съезда.

Большевистская фракция, образовавшаяся на втором съезде, окрепла в послесъездовской борьбе, расширила свое влияние, завоевала ряд местных организаций, организационно оформилась и идейно сплотилась вокруг первой своей платформы — работы Ленина «Земская кампания и план «Искры».

Да и пора было. Революция громко стучала в двери.

„У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть кроме организации. Раз'единяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой и капитал, отбрасываемый постоянно „на дно“ полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала“

ЛЕНИН

ПЕРВЫЕ ШАГИ

ЛЕНИНА

ПО СОЗДАНИЮ ПАРТИИ*

(Петербургский „Союз борьбы“)

„Большевики не „казус“, — они выросли из борьбы с оппортунизмом 1894—1914 гг.“
Ленин

„Друзья народа“

«... Налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократической теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим» — такими словами характеризует Ленин состояние революционного движения пролетариата в России к половине 90-х годов¹. Слияние этих двух элементов (революционного социализма и стихийного рабочего движения) привело к возникновению революционной социал-демократии.

Петербургские революционные марксисты шли навстречу грядущему пробуждению и подъему рабочего класса, имея на руках гениальную работу молодого вождя пролетариата — «Друзья народа». Помимо изложения основ марксистского мировоззрения и критики народнической идеологии Ленин дал в «Друзьях народа» превосходный анализ русской экономики, определил положение в ней, удельный вес и роль различных классов и их классовые интересы, сформулировал конечные и ближайшие задачи пролетариата и набросал план борьбы ра-

бочьего класса за коммунизм, за победу пролетарской революции.

Капитал—вот «главный враг трудящихся», писал Ленин. Для свержения капитализма, для победы коммунистической революции пролетариату необходимо предварительно расчистить себе дорогу, свергнуть самодержавие, завоевать политическую свободу. Эту задачу пролетариат выполнит, «поднявшись во главе всех демократических элементов», т. е. прежде всего крестьянства. В знаменитых часто цитирующихся заключительных строках «Друзей народа», которые так живо передают стремительность перехода пролетариата от буржуазно-демократической революции к социалистической, содержится уже, пока еще в самой общей форме, идея перерастания одной революции в другую, идея непрерывной революции: «свалив абсолютизм», рабочий класс не ограничится этим, а пойдет «прямой дорогой, открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

По плану Ленина борьбу за коммунизм русский рабочий класс ведет в тесном единстве с международным пролетариатом, частью которого он является. Больше того, в заключительных строках «Друзей народа» содержится мысль, что свержение самодержавия русским пролетариатом делает его застрельщиком и передовым отрядом международной пролетарской борьбы за коммунизм, а в авангардом мировой коммунистической революции.

Из анализа русской экономической действительности, данной Лениным, из того положения, которое занимал в хозяйстве страны промышленный пролетариат, вытекала руководящая роль (гегемония) его в революционной борьбе за свободу, за уничтожение эксплуатации, за социализм. Только пролетариат может освободить самого себя и всех трудящихся от эксплуатации, так как только пролетариат является классом, не имеющим никакой собственности, классом, ничем не связанным с буржуазно-дворянским обществом, классом, противоположность которого эксплуататорам, капиталистам достигает наивысшей законченности и остроты. Ленин многократно подчеркивает в «Друзьях народа» тот факт, что пролетариат является «авангардом», «передовым представителем всего эксплуатируемого населения», «единственным и естественным представителем» всего трудящегося народа. В борьбе за свободу, против самодержавия, против остатков крепостничества и феода-

* Очерки из биографии Ленина, см. «Борьбу классов» №№ 5 и 7.

¹ Соч., т. IV, стр. 385

лизма пролетариат находит себе союзника в лице «радикальной демократии» — широких масс крестьянства, заинтересованных в уничтожении помещиков и помещичьего землевладения. На новом этапе борьбы, который последует за падением абсолютизма, пролетариат должен обеспечить себе поддержку со стороны «сельского пролетариата», под которым Ленин в данном случае понимает не только сельскохозяйственных рабочих, но и беднейшую часть крестьянства вообще. Свержение самодержавия, устранение помещичьего и царского гнета над деревней создает возможность свободной организации пролетарских и полупролетарских элементов деревни, которые в силу этого могут стать способными «на разумный и стойкий протест и борьбу» против капиталистической эксплуатации под руководством пролетариата.

Классом, заинтересованным в приобретении политической свободы, является и буржуазия, но ее «демократизм» половинчатый, ненадежный. Ленин ясно видел предательскую, контрреволюционную роль русской буржуазии, говоря, что капитал «у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения». Никаких надежд на революционность буржуазии в борьбе с самодержавием Ленин, в отличие от Плеханова, не возлагал и движущей силой революции ее не считал, отлично понимая, что революционное движение рабочего класса внушает буржуазии больше страха, чем стесняющий ее царизм, и что при дальнейшем развитии революционной борьбы настроенная «оппозиционно» буржуазия поспешит стать на путь контрреволюции. А пока буржуазия проявляет недовольство царизмом, пролетариат должен использовать ее оппозиционность и подгаживать и поощрять те или иные буржуазные элементы, поскольку они способны, хотя на время, вести какую-либо борьбу против самодержавия, так или иначе выступать против него. При этом однако рабочие должны постоянно помнить, что «интересы рабочих и капиталистов не могут быть примирены» и что «имущие классы могут лишь временно быть их союзниками» (из объяснения с.-д. программы). Такова была расстановка классовых сил в плане борьбы за демократию и социализм, намеченном Лениным в петербургском «Союзе борьбы», и такова линия пролетариата по отношению к различным классам в ходе этой борьбы.

Определив исторические задачи, стоящие перед русским пролетариатом, и наметив пути их осуществления, Ленин выдвинул в то же время в «Друзьях народа» перед рабочим классом задачу «организации социалистической рабочей партии»¹. Рабочий класс не выполнит своей исторической миссии и не осуществит стоящих перед ним демократических и социалистических задач, не создав своей собственной партии, которая руководила бы всеми формами классовой борьбы пролетариата.

Выдвигая идею создания партии, Ленин считал недопустимым полагаться в этом деле на естественный, стихийный ход вещей, на самотек, который, дескать, рано ли, поздно ли приведет к созданию такой партии, и энергично возражал против фаталистической, по существу меньшевистской теории, будто по учению марксизма «организация и обобществление рабочих происходят сами собой»².

Этому безвольному преклонению перед стихийным развитием рабочего движения Ленин противопоставлял обязанность марксистов, социал-демократов активно, с напряжением всех сил работать над «организацией и пропагандой среди рабочих», над «придаванием сознательности и организованности рабочему движению»³. Люди, обладающие сознанием законов развития современного общества и предписываемых им задач рабочего класса, т. е. марксисты, не должны ждать, пока рабочее движение стихийно разовьется до уровня их сознания, а должны сами идти навстречу этому движению и поднимать его до уровня передовых социалистических идей.

Поставив перед марксистами и рабочими задачу создания социалистической партии, Ленин, учитывая условия самодержавного режима, делавшие невозможным легальное существование революционной партии, указывал, что «форма организации» должна быть «наиболее подходящей для наших условий»⁴. По мысли Ленина партийная организация должна быть построена с таким расчетом, чтобы, будучи максимально неуловимой для полиции и жандармов, т. е. конспиративной, тайной организацией, она в то же время обеспечивала максимально

¹ Том I, стр. 189.

² Там же, стр. 212. Здесь «обобществление» в смысле объединения и сплочения рабочих.

³ Там же.

⁴ Там же.

возможную связь партийной организации с рабочими массами фабрик и заводов. «Наиболее подходящий» тип организации Ленин практически осуществил в форме петербургского «Союза борьбы», который он начал создавать с конца 1894 года.

Партия рабочего класса не может быть придатком или составной частью какой-либо другой партии. Поэтому Ленин отмечал необходимость работы над созданием именно «самостоятельной организации рабочих», требовал сплочения пролетариев в «особую рабочую партию»¹, которая должна быть идейно-политически и организационно вполне самостоятельной, вполне независимой от других партий. Эта полная самостоятельность пролетарской партии не исключала конечно возможности и обязанности временных тактических соглашений и «совместных действий» ее с другими партиями и направлениями². Примером таких временных соглашений революционных марксистов с другими политическими течениями является блок с легальными марксистами (издание известного марксистского сборника), блок с народолюбцами (попытка издания «Рабочего дела»). Вся деятельность Ленина в 1894 — 1895 гг. направлена к одной цели: созданию партии рабочего класса. С конца 1894 г. группа «стариков» начинает руководить стачечной борьбой. Успех этой борьбы зимой и весной 1894 — 1895 гг. и растущее движение рабочего класса побудили петербургских революционных марксистов преобразовать группу «стариков» в стройную партийную организацию, которая, опираясь на сеть рабочих кружков, сумела бы организационно охватить и оформить рвущееся наружу рабочее движение и действительно возглавить его. Такая организация в виде «Союза борьбы» была создана Лениным осенью 1895 года.

Поездка за границу

Начало массового рабочего движения в России вообще и особенно в Петербурге и переход социал-демократов от пропаганды к агитации поставили перед «стариками» вопрос об установлении постоянной связи с заграничной Группой «Освобождение труда» (Плеханов, Аксельрод, Засулич, проживавшие в Швейцарии) с целью привлечь Группу к содействию начинающемуся движению. От Группы требовалось главным об-

разом издание популярной литературы применительно к задачам движения. Все социал-демократические организации этого периода испытывали большую нужду в нелегальной марксистской литературе: потребность в ней возрастала с каждым днем. Поставить как следует издание такой литературы можно было только за границей, вне пределов досягаемости царской охраны. Поэтому нужно было съездить за границу, прежде всего для того, чтобы договориться с Группой об издании литературы и предоставить для этой цели в ее распоряжение денежные средства, ибо Группа, располагая прекрасными литературными силами (в первую очередь конечно Плеханов), совсем не имела денег. Затем надо было организовать тайный провоз литературы через границу в Россию, в Петербург и распространение ее здесь. Наконец поездка нужна была для того, чтобы вообще посоветоваться с Группой о задачах начинающегося движения, способах и формах борьбы.

Авторитет Группы, основавшей³ в 1883 г. русскую социал-демократию как идейно-литературное течение, в 80-х и 90-х годах весьма высоко стоял в глазах русских марксистов. Издававшаяся Группой литература, хотя и проникала в Россию в ничтожном количестве, сыграла однако громадную роль в деле пропаганды марксизма, в деле ознакомления с ним и приобщения к марксистскому мировоззрению нового поколения революционеров, пришедшего на смену народолюбчеству и представлявшего интересы новой силы — пролетариата.

Каждый русский марксист, если только у него была для этого возможность, стремился попасть в Швейцарию, чтобы посетить Группу, ознакомиться ее с состоянием марксистской пропаганды в России, запастись новой литературой, посоветоваться с Плехановым по тому или иному теоретическому или политическому вопросу. Тем не менее Группа была порядочно оторвана от России и связи ее с Россией были слабы, редки и непрочны. Группа «Освобождение труда» стояла на почве революционного марксизма. Правда, в идеологии Группы с самого начала ее существования имелись и оппортунистические тенденции, но в описываемый период они еще не играли определяющей роли в ее деятельности, не выпирали на передний план. Плеханов был в 90-х годах признанным главой русских марксистов, а не тем ренегатом марксизма, каким он стал

¹ Том I, стр. 188. Разрядка наша.

² Там же, стр. 221.

³ Том II, стр. 477, 489, 511, 535, 556.

впоследствии. «Панна» Аксельрод еще не был патриархом меньшевиков и злым противником большевизма и Советской республики. Марксизм в идеологии Группы еще имел значительный перевес над элементами оппортунизма. Поэтому Ленин в эти годы относился к Группе с большим уважением, особенно к ее лидеру Плеханову, произведение которого он хорошо знал и ценил.

Предпринимая поездку за границу, Ленин намеревался также ознакомиться с состоянием западноевропейского социализма и рабочего движения с тем, чтобы использовать опыт борьбы западноевропейского пролетариата.

✓ Решенную еще в феврале поездку Ленину пришлось однако отложить из-за болезни: в марте он заболел, и притом в тяжелой форме, воспалением легких. Отъезд состоялся поэтому только 25 апреля. Путешествовал Ленин вполне легально, имея на руках заграничный паспорт на свое, Ульянова, имя. Из Петербурга Вл. Ильич проехал в Москву, где повидался с родными, а отсюда направился через Варшаву — Вену — Зальцбург в Швейцарию, сначала в Женеву, куда прибыл 4 мая, затем в Цюрих. Пробыв в Швейцарии около трех недель, Ленин переехал в Париж. Здесь он прожил конец мая и июнь. В конце июня или начале июля Вл. Ильич снова возвратился в Швейцарию. Вторичное пребывание в Швейцарии длилось тоже около трех недель. Во второй половине июля, числа 20-го, Ленин приехал в Берлин и находился здесь примерно до 6 сентября; из полицейских источников известно, что на обратном пути в Россию (Берлин — Вильна) он пересек границу в Вержболове 7 сентября. Всего за границей Ленин пробыл несколько более четырех месяцев.

Сведения наши о заграничной поездке Ленина крайне скудны. Он изучал в Париже и Берлине рабочее и социалистическое движение, посещал партийные собрания, работал в государственных библиотеках обеих столиц, познакомился с Лафаргом, видным французским социалистом, и В. Либкнехтом, ветераном германской социал-демократии, слушал в парламенте или на собраниях речи другого видного французского социалиста — Геда и вождя германской социал-демократии — Августа Бебеля. К германской социал-демократии, которая тогда считалась образцом для других стран, Ленин проявлял большой интерес еще в бытность свою в Самаре. Находясь теперь в Берлине, он особенно интересовался ходом дискус-

сии германской социал-демократии по аграрному вопросу.

Наибольшее практическое значение для русского рабочего движения имело конечно пребывание Ленина в Швейцарии, где он виделся с Плехановым — в Женеве (собственно в Монтре, около Женевы) и Аксельродом — в Цюрихе. Встреча Ленина с Аксельродом освещена в литературе несколько подробнее, чем встреча с Плехановым. Почти одновременно с Лениным в Швейцарию приехали для свидания с деятелями Группы «Освобождение труда» Спonti — от московской с.-д. организации и Потресов — от легальных марксистов.

Русская полиция имела всюду в Европе своих агентов. Особенно много их было в Швейцарии — центре революционной эмиграции. Поэтому, чтобы не стать предметом наблюдения сыщиков, Ленин и Аксельрод переехали в деревню Афольтерн (час езды от Цюриха) и провели здесь около недели. Свидание Ленина с Аксельродом осталось повидимому неизвестным агентам русской тайной полиции, но посещение им Плеханова они проследили, и когда Вл. Ильич сидел уже в тюрьме, ему это обстоятельство пред'являлось в качестве одного из пунктов обвинения.

Ленин, познакомивший деятелей Группы с положением дел в петербургской организации и передавший им новинки социал-демократической литературы, вышедшие в России: марксистский сборник со статьей Тулина, брошюру «Об агитации» и др., имел с Плехановым и Аксельродом ряд бесед и деловых совещаний. Привезенная Лениным литература отражала идейно-политическое состояние русской социал-демократии и достигнутый ею уровень развития. Поэтому часть бесед касалась вопросов, поднятых этой литературой; другая часть бесед, особенно с Аксельродом, вращалась вокруг организационных и практических вопросов.

✓ Важнейшим организационным мероприятием, которое провел Ленин при свидании с Плехановым и Аксельродом, было решение об издании Группой популярного периодического сборника-журнала «Работник» для партийного и рабочего актива, причем Ленин поставил непременно условием поддержки «Работника» русскими с.-д. организациями личное редактирование журнала Аксельродом. Плеханову, занятому писательской деятельностью, нельзя было поручать собственно редакционную работу, требовавшую много времени для переписки и переговоров с различными типами и органи-

материалами для обработки полученных материалов и т. д. Плеханов для этого не подходил. Стремясь обеспечить идейную выдержанность издания и опасаясь, чтобы фактическое редактирование сборника не попало в руки каких-либо случайных элементов из числа членов Заграничного союза русских социал-демократов, Ленин настаивал на кандидатуре Аксельрода. Предложение было принято. Аксельрод вообще значительно больше, чем Плеханов, интересовался организационно-практическими вопросами, и по возвращении в Россию Ленин именно с ним поддерживал связь и переписывался по партийным делам.

✓ Прошел однако почти год, прежде чем Группа «Освобождение труда», ставшая заграничным литературным представителем русских с.-д. организаций, справилась с порученным ей делом и выпустила наконец первую книжку сборника. На себя и на русские организации Вл. Ильич взял обязательство финансировать «Работник» и снабжать его статьями и материалами по рабочему движению. Находясь за границей, Ленин сохранял связи с Россией. Сношения с Петербургом, а может быть и с другими городами, были поставлены им настолько удачно, что первые материалы для «Работника» Вл. Ильич смог послать в Швейцарию уже из Берлина, еще до возвращения в Россию. Вернувшись в Петербург, он организовал систематическую посылку материалов в Швейцарию. Лично Ленин написал для «Работника» статью о Фридрихе Энгельсе, который умер 24 июля (5 августа по новому стилю) 1895 г., как раз в то время, когда Вл. Ильич находился за границей. Встречи и беседы деятелей Группы «Освобождение труда» с Вл. Ильичем носили вполне дружеский характер. Несмотря на разницу лет (Аксельроду было 45 лет, Плеханову около 40, Ленину только 25), члены Группы не могли не видеть в лице Вл. Ильича вполне зрелого, выдержанного революционера-марксиста с самостоятельным взглядом на вещи, и притом не марксиста-одиночку, а несомненного вождя петербургской революционной организации, сильного своей связью с рабочим классом и сознанием его исторических задач.

Группу «Освобождение труда» за истекшее десятилетие посетило немало русских марксистов, но никто из них не произвел на Плеханова и Аксельрода такого большого впечатления, как Ленин. «Я должен сказать,—рассказывал почти 30 лет спустя Аксельрод,—что беседы с Ульяновым были

для меня истинным праздником. Я и теперь вспоминаю о них, как об одном из самых радостных, самых светлых моментов в жизни Группы «Освобождение труда»¹. Свои впечатления от встречи с Лениным Плеханов передал в письме к Струве, который бывал у него раньше в Женеве. Письмо, кажется, не сохранилось. Известно однако, что Плеханов давал в нем очень высокую оценку Ленину. По словам товарищей, знавших об этом письме или читавших его, Плеханов предрекал Ленину «крупную роль» в революционном движении и отмечал «удивительную эрудицию Вл. Ильича, целостность его революционного мировоззрения и быющую ключом энергию»². Этот отзыв делает честь Плеханову 90-х годов. К сожалению, сам Плеханов не удержался на революционных позициях и стал позже врагом большевизма и пролетарской революции³.

✓ В Берлине Ленин работал над организацией постоянного транспорта нелегальной литературы для Петербурга. Закончив все дела по постановке транспорта и захватив с собой первую партию нелегальной литературы в особо устроенном чемодане (этот крамольный желтый чемодан доставил немало хлопот петербургским жандармам и фигурировал в деле «Союза борьбы»), Ленин выехал через Вержболово в Вильну, центр бундовской социал-демократии, с целью обеспечить ее поддержку «Работнику». Виленские бундовцы хотя и обещали посылать материалы в Швейцарию для сборника и выражали «сочувствие» новому предприятию, но в общем отнеслись к нему сдержанно. Большое значение имело и то обстоятельство, что издание «Работника» было задумано без всякого участия Бунда. Привыкнув играть руководящую роль в делах русских с.-д. кружков, на которые виленские социал-демократы имели большое влияние как старейшая с.-д. организация, Бунд теперь с неудовольствием смотрел на самостоятельность петербургской организации, договаривавшейся с Группой «Освобождение труда» помимо Бунда и ведущей свою собственную линию. Какой-нибудь Кремер, светило виленских бундовцев, вообра-

¹ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 271.

² Г. Кржижановский и Г. Кржижановская-Невзорова.

³ При свидании Ленина с Плехановым и Аксельродом между Вл. Ильичем и Группой «Освобождение труда» обнаружились разногласия по ряду важных вопросов, но об этих разногласиях надо говорить в другой связи.

жавший себя вождем пролетариата, не мог скрыть своего раздражения при виде такого «сепаратизма», означавшего оттеснение Бунда на второй план. Впрочем бундовцы все же обещали переправлять по назначению поступающую к ним из-за границы литературу для Петербурга.

Из Вильны, где, кстати сказать, жандармы «потеряли» Ленина, за которым они следили с Вержболова, он выехал в Москву, но там недавно были большие аресты и поэтому связи с оставшимися социал-демократами не удалось установить; связи были возобновлены позднее, после возвращения Ленина в Петербург. Из Москвы Вл. Ильич проехал в Орехово-Зуево, завязал здесь связи с несколькими местными социал-демократами, которым обещал пересылать литературу, а потом снова через Москву возвратился в Петербург, прибыв сюда около 20 сентября¹. Посещение Вильны, Москвы, Орехово-Зуева имело значение помимо содействия «Работнику» и освещения на его страницах рабочего движения также предварительной разведки для той концентрации сил, для того объединения с.-д. организаций, которое начинал готовить Ленин, имея в виду в перспективе созыв партийного съезда и создание единой партии.

Группа Мартова и группа „молодых“

Подъем рабочего движения осенью и зимой 1895 г. вызвал значительное оживление в деятельности с.-д. Союза. Число кружков росло. Активность их усиливалась. В рабочих кварталах на конспиративных квартирах все время происходят собрания кружков и совещания активистов — «сходки» по терминологии агентов охранки, со своей стороны усилившей сыск и наблюдение за развивавшейся деятельностью подполья.

Ленин в этот период бывает в рабочих кварталах почти ежедневно, провоза собрания кружков и активных работников, видаясь с отдельными рабочими, изучая настроение на фабриках и заводах, подготовляя выступления рабочей массы, давая организационные указания, собирая материалы для листовок и т. д. Шпионы по пятам следуют за членами Союза. Хотя относительно Ленина, которому неоднократно удавалось уходить от преследовавших его шпииков, сведения охранки оказываются довольно скудными, все же кое-что попало в круго-

зор агентов так называемого «наружного наблюдения». Так, шпики в двух случаях регистрируют факт посещения Лениным домов, населенных рабочими, и отмечают частые встречи и свидания Ленина с другими членами Союза между прочим в Публичной библиотеке. Из данных полиции, собранных во время дознания по делу арестованных членов Союза, мы узнаем, что осенью и зимой 1895 г. Ленин вел агитационную и пропагандистскую работу в четырех рабочих кружках, которые посещались рабочими с Путиловского, Семянниковского и Александровского сталелитейного заводов, фабрики Торнтон, Максвелля и др. Личный состав кружков неизвестен, вероятно он не был постоянным. Организация в целом осенью 1895 г. осуществила «крутой поворот» от пропаганды к агитации. Составлявшие Союз кружки не были заброшены, как того опасались некоторые «старые» рабочие, но они несколько изменили свой характер в том отношении, что центр тяжести их работы был перенесен с пропаганды на агитацию. В кружках по определенной программе, составленной Союзом, обсуждались вопросы о быте и положении рабочих на фабриках и заводах, вскрывались вопиющие факты эксплуатации, читались агитационные брошюры. В одном из кружков Ленин читал например «Ткачей» Гауптмана, которые в то время широко использовались партийными работниками в агитационных целях. Руководивший работой того или иного кружка пропагандист-агитатор Союза выступал при этом перед собравшимися на занятия кружковыми рабочими с призывом к непосредственной борьбе против эксплуататоров. Важнейшей стороной деятельности Союза являлось руководство стачечной борьбой (фабрики Торнтон, Лаферш и др.).

В октябре 1895 г. организация «стариков» пополнилась новыми силами благодаря тому, что в ее состав вошла группа Мартова. Мартов был студентом Петербургского университета; оттуда его исключили и через некоторое время выслали в Вильну (в 1893 г.). В Петербурге у Мартова остались довольно значительные связи и знакомства среди интеллигенции и студенчества. Работая в Вильне, цитадели бундизма, Мартов не порывал связей со своими петербургскими друзьями, рассчитывавшими создать в Петербурге самостоятельную с.-д. организацию. Однако из этих попыток ничего не вышло. Группа не сумела найти дороги к рабочим и до возвращения Мартова продолжала оставаться малооформленным и бес-

¹ Записки Насетинста Ленина. — Т. стр. 129

почвенным, чисто интеллигентским кружком. В связи с оживлением в рабочих массах и ростом в них боевых настроений эта группа, располагавшая, кстати сказать, значительной по тому времени «техникой» (мимеографы, гектографы, пишущие машинки), поставила вопрос об объединении с наиболее влиятельной и авторитетной с.-д. организацией в Петербурге — с группой «стариков». Приехавший из Вильны в начале октября 1895 г. Мартов поддержал это решение группы и вместе с Ляховским взял на себя ведение переговоров со «стариками». В результате состоялось упоминавшееся уже совещание (в октябре)¹, на котором «старики» согласились ввести в свой состав группу Мартова². Переговорами со стороны «стариков» руководил Владимир Ильич. Кроме него от «стариков» присутствовали Кржижановский и Старков. Об октябрьском совещании, на котором помимо объединения обеих групп обсуждался вопрос о дальнейшем направлении работ петербургской с.-д. организации, мы знаем только со слов Мартова, далеко не беспристрастного свидетеля. Сквозь призму мартовского изложения все же видно, что в то время, как Ленин, исходивший из широких революционных перспектив, взял определенный и твердый курс на создание политической партии, Мартов, отражавший узость и бедность виленских провинциальных горизонтов, пытался, — и, разумеется, безрезультатно, — привести ходкие среди виленцев доводы в пользу ведения чисто экономической агитации, из которой позднее «сама собой» возникнет агитация политическая. В беседе с Лениным Мартов убедился в невозможности привить петербургским марксистам точку зрения виленцев и перестал настаивать на своих взглядах. Дело кончилось тем, что он констатировал «согласие во всем основном» с группой «стариков», т. е., проще говоря, присоединился к платформе петербургского «Союза борьбы». Рассказывая об октябрьском совещании, Мартов непомерно преувеличивает свою роль на нем, давая читателю понять, что, собственно, он-то, Мартов, и побудил «стариков» порвать со старыми методами кружковой работы и стать на путь возглавления недовольства масс путем выпуска соответствующих агитационных листовок с требованием «того или иного экономического либо правового улучшения» (о политической борьбе

ни слова!)³. Сказать прямо, что я, дескать, произвел «переворот» или «перелом» в тактике организации, Мартов не решается: такое заявление слишком уж явно бы вразрез с общеизвестными фактами. Поэтому Мартов влиет. Ляховский, приехавший в Петербург еще весной, ему, правда, рассказывал, что «необходимость и своевременность перехода к агитации в массах «стариками» признаны», сами «старики», правда, тоже указывали Мартову на то, что «в организации новая точка зрения на методы работы более или менее усвоена». «Тем не менее, — повествует Мартов, — мне показалось (!), что «старики» хотя головой и осудили старую систему, но в силу какой-то инерции не решаются немедленно же порвать с ней радикально». Дальнейшие разговоры и словопрений «стариков» значит не пошли, и «на деле пока что работа продолжает по инерции и с черпываться пропагандой в кружках»⁴.

Таково было, по Мартову, далеко не утешительное положение в петербургской организации «стариков», которое он будто бы застал по приезду в Петербург. На этом фоне Мартов в своих «Записках» рисует весьма благоприятную для себя, хотя и не соответствующую нисколько действительности картину, в которой расстановка фигур примерно такова: слева — новатор Мартов, подвергающий строгой и обстоятельной «критике» всю систему работы «стариков», раскрывающий их глаза на устарелость и несвоевременность прежнего замыкания в узко пропагандистские кружки и яркими красками набрасывающий увлекательную программу с.-д. работы на новых началах; справа — косные и консервативные «старики» во главе с Ульяновым, «выражающие сочувствие нашим мыслям». На самом деле Мартов просто-напросто прихвастнул и прилгнул насчет своей действительной роли на этом совещании. Насколько неудачно позирование Мартова, видно хотя бы из его ссылок на волнения на Семянниковском заводе и в Новом адмиралтействе: критикуя «стариков», Мартов будто бы упрекал их в том, что они не использовали этих волнений в агитационных целях и не выпустили соответствующих листовок. Писать так можно, лишь не зная истории петербургской организации или в расчете на неосведомленность читателя. Если бы Мартов в самом деле выступал в таком духе на октябрьском

¹ «Борьба классов» № 5, 1933 г.

² Среди членов этой группы находился и Дан — впоследствии лидер меньшевизма.

³ Записки Мартова, стр. 263.

⁴ Там же, стр. 256. Разрядка наша.

Справка.

исл. дела № 74 — 1900 года

Московский Генерал-Губернатор, предложивший от 18 января 1900 года за № 137 и во. № 1138 — 19 января, постановив взыскать с Московского Общ. Политический Комитета, что Министр Внутренних Дел признал необходимым, поручив рассмотреть введ. в действие, образовательные соглашения 34-го. Положений о государственном порядке, воспринимать составленную за государственное присутствие под названием надзора полиции в Сибирской губернии Комиссии. При этом же Комиссии Владимир Николаевич, по свободному по 29 января его года от организации надзора, отсылать в некоторые из этих дел и в том числе в столицах без срока, а в Московской губернии в течение 3-го годов срока по 29 января 1903 года.

В. 2. № 166 — 1889 г.

совещании, а не импровизировал на эту тему двадцать пять лет спустя, то он был бы тотчас же уличен в невежестве, ибо, как мы знаем, и в том и в другом случаях «старика» немедленно откликнулись на стачки и волнения выпуском соответствующих листовок. Да и сам Мартов, не увязывая концов с концами, мимоходом замечает, что еще до его свидания со «стариками» ими «уже намечались кое-какие листки, имевшие целью затронуть близкие массам вопросы о поштучной работе, штрафах и т. п.» (несомненно, речь идет о подготовке стачки на фабрике Торнтон) ¹. Тем самым отпадает и сочиненная Мартовым легенда о какой-то его роли в деле перехода петербургской с.-д. организации к агитации. «Старика» не нуждались в поучениях и откровениях Мартова, ибо они уже давно — по крайней мере за десять месяцев до визита Мартова — самостоятельно по инициа-

тиве Ленина начали практиковать выпуск агитационных листовок, хотя еще в небольшом для начала размере, и теперь вопрос стоял лишь о расширении масштаба этой работы и поднятии ее на новую высоту. Самое большее, что мог Мартов сделать на октябрьском свидании, — это поделиться со «стариками» своим опытом, опытом виленской организации, — и только. Появление Мартова в Петербурге не могло внести и не внесло чего-нибудь нового в определение задач с.-д. организации и в характер ее работ. Политика организации определялась Лениным. Включение Мартова и его друзей в группу «стариков» только потому и стало возможным, что Мартов «согласился» с платформой группы. Нарисованная Мартовым картина понадобилась ему для того, чтобы отвлечь внимание читателя от основного, не совсем приятного для Мартова факта: не «старика» ведь пришли к группе Мартова, а группа Мартова, убедившись в своей слабости и неспособности играть самостоятельную роль, пришла к «старикам», самой крепкой и влиятельной с.-д. организации в Петербурге, концентрировавшей вокруг себя лучшие силы социал-демократии.

Ко времени вступления Мартова в Союз мы в деятельности Мартова находим такие моменты, которые свидетельствуют о значительной идейно-политической неустойчивости его и проливают свет на позднейший меньшевизм Мартова. Моменты эти следующие: 1) увлечение ревизионистской книгой Струве; 2) колебания в сторону «экономизма» в брошюре «Об агитации», колебания в вопросе о необходимости создания политической партии; 3) защита национализма в докладе «Поворотный пункт еврейского рабочего движения» (Мартов — один из идейных родоначальников бундизма). Идеология Мартова отнюдь не была выдержанной марксистской идеологией пролетарского революционера. К оппортунистическим шатациям и колебаниям Мартова необходимо присоединить еще то немаловажное обстоятельство, что практическую работу социал-демократа до своего вступления в Союз он вел не среди промышленных рабочих, а в среде мелкобуржуазных, полупролетарских ремесленников — этой социальной базы Бунда. Для истории политического развития Мартова характерны его постоянные отмеченные Лениным «зигзаги» то в одну, то в другую сторону. Начиная свою политическую деятельность, Мартов обнаруживает заметные колебания вправо (период работы в Вильно), перебравшись в Петербург, он под

¹ Записки Мартова, стр. 266.

влиянием растущего рабочего движения и благодаря личному воздействию Ленина делает «зигзаг» влево: переходит на точку зрения петербургских революционных марксистов, вступает в Союз и, не претендуя в нем на какую-либо самостоятельную линию (по крайней мере нам ничего неизвестно о каких-либо попытках Мартова в этом направлении), поддерживает политику Ленина. Этот период сотрудничества с Лениным продолжается в общем до II съезда партии, когда Мартов снова совершает крутой «зигзаг» вправо.

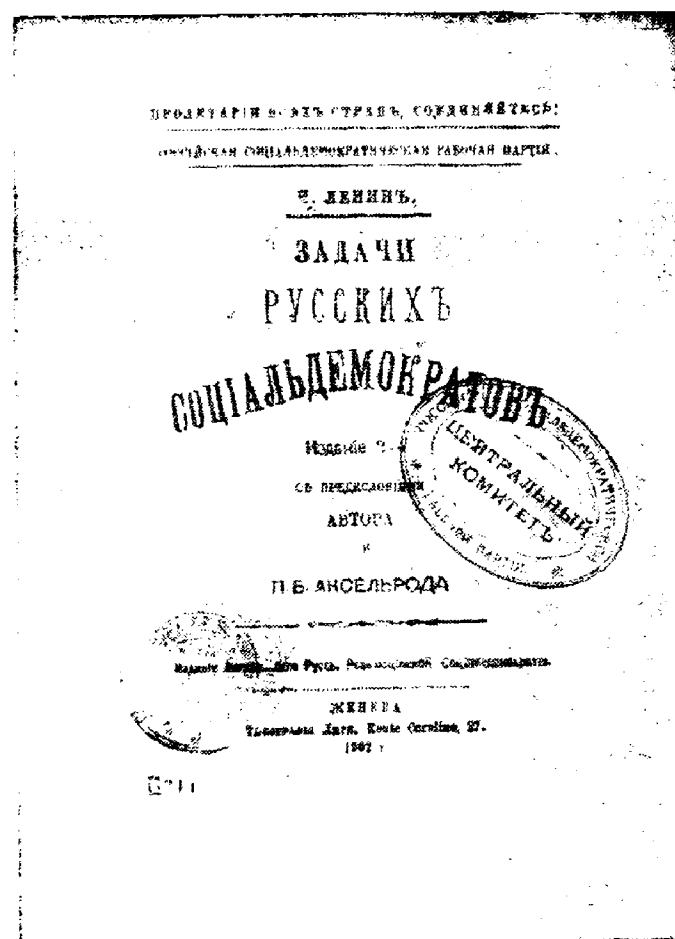
Давая согласие на прием группы Мартова, Ленин считал нежелательным или, по крайней мере, преждевременным введение в союз группы так называемых «молодых», лидерами которой были студент-технолог И. В. Чернышев и зубной врач Н. Н. Михайлов, оказавшийся впоследствии провокатором. Группа возникла в начале лета 1895 г. и состояла, по крайней мере отчасти, из лиц, которые раньше добивались от Союза, чтобы он предоставил им работу в кружках¹, но Союз отклонил эти просьбы, так как «молодые» не обнаруживали достаточной с.-д. выдержанности и организационной конспиративности. Обиженные «молодые» составили тогда свою собственную группу, начавшую «конкурировать» с группой «стариков» и пытавшуюся «отбивать» у нее кружковых рабочих.

Влияние «молодых» было значительно слабее влияния «стариков», стоявших во главе движения. В деятельности «молодых» заметно пробивались оппортунистические и тред-юнионистские тенденции.

✓ Стачное движение успело сделать еще только первые шаги, как уже «молодые» начали призывать рабочих к умеренности и благоразумию. «Мы должны выставить на первый раз такие требования, добиться которых мы сумеем», — писали «молодые» в одном проекте листка, относящемся к лету 1895 г. Боевое настроение рабочих шпалерной фабрики, заговоривших о необходимости стачки, «молодые» расхолаживали заявлением: «Стачка не принесет нам золотых гор»². Нетрудно увидеть в оппортунистической группе «молодых» предшественников «экономизма» 900-х годов, который советовал рабочим бороться только за мероприятия, «сулящие известные осязательные

¹ В. Акимов (Махновец), Очерк развития с.-д. в России, стр. 46.

² В. Акимов, стр. 47.

результаты»³, и ликвидаторства, боровшегося в 1912—1914 гг. против «стачечного азарта».

«Молодые», в отличие от «стариков», стремились организовать рабочих по чисто профессиональному признаку, ставя следовательно своей целью создание таких рабочих организаций, которые пригодны только для чисто экономической, тред-юнионистской борьбы, т. е. оппортунистически сужали задачи, стоящие перед социал-демократией и рабочим классом. «Замечательный факт, далеко еще не достаточно оцененный по своему, — писал Ленин в 1914 г.: — как только возникло массовое рабочее движение в России (1895 — 1896 гг.), так немедленно появляется разделение на марксистское и оппортунистическое направление, — разделение, которое меняет форму, обличье и т. д., но остается в сущности тем же самым с 1894 по 1914 год»⁴. Союз осуждал ✓ правый уклон «молодых» и пользовался всяким случаем, чтобы указать им их ошибки. Понятно поэтому, почему Ленин на свидании с Мартовым отрицательно отнесся к высказанной кем-то мысли об объединении с «молодыми».

³ А. Мартынов в «Рабочем деле». Цитировано Лениным в Соч., т. IV, стр. 409—410.

⁴ Ленин, т. XVII, стр. 344.

Петербургский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“, работавший в 1896—97 гг. под руководством Ленина. Центральное ядро. Слева направо стоят: А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванев. Сидят: В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. И. Ульянов-Ленин, Ю. О. Мартов-Цедербаум.

Одним из препятствий к объединению служила также подозрительная личность Михайлова, человека с политически замаранной репутацией. Ленин относился к Михайлову с недоверием, подозревая его в связи с охранкой. Пока этот субъект оставался одним из лидеров «молодых», до тех пор об объединении не могло быть и речи. Подозрения вскоре оправдались: Михайлов действительно оказался провокатором и выдал Союз и группу «молодых»¹.

Организационное строение Союза

Обратимся теперь к организационному строению Союза. Оно пожалуй менее всего освещено в известных нам документах и

¹ Рабочие обеих групп находились между собой в постоянном общении. Пользуясь этим, Михайлов выведывал у неопытных рабочих нужные ему сведения и передавал их в охранку. Таким путем он собрал сведения о «стариках».

воспоминаниях. Неясности здесь особенно велики.

Собственно Союзом (в узком смысле слова) называлась центральная группа, группа «стариков», стоявшая во главе петербургской с.-д. организации. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — это первый петербургский комитет нашей партии. В широком смысле слова «Союз» — это вся петербургская с.-д. организация в целом. Предложение назвать руководящую группу Союзом было внесено, как об этом можно полагать по некоторым данным, на собрании 4 декабря², официально это наименование впервые было употреблено Союзом в прокламации, выпущенной им 15 декабря³, в то время когда основатель, организатор и вдохновитель Союза сидел уже в тюрьме.

² Доклад, стр. 573—574.

³ Тахтарев. Изд. 1924 г., стр. 52.

Союз состоял из 15—17 человек: Ленин, Г. Кржижановский (член ЦК большевиков, известен своей деятельностью в области электрификации), В. Старков (б. торгпред СССР в Германии), С. Радченко (искровец, после 1905 г. отошел от политической деятельности, умер в 1911 г.), А. Малченко (в последние годы запятнал свою прежнюю революционную деятельность вредительством), А. Ванеев (умер в ссылке), М. Сильвин (искровец, работает в советских учреждениях), П. Запорожец (заболел психически в тюрьме и вскоре умер), Н. Крупская (член ЦК большевиков), Л. Радченко (видная впоследствии меньшевичка), А. Якубова (после 1905 г. отошла от политической деятельности), Невзорова-Кржижановская (член партии большевиков), Л. Мартов, Я. Ляховский и др. Самым старшим по возрасту в Союзе был Радченко—27 лет, за ним шел Ленин—25 лет, остальные были еще моложе (Мартову например было всего 22 года). Члены Союза были разбиты на три районные группы (районные комитеты), по 4-5 человек в группе. Общее руководство работой районных групп осуществлялось центральным ядром из 5 товарищей («бюро» по теперешней терминологии): Ленин, Кржижановский, Мартов, Старков, Ванеев. Члены бюро кроме Ленина одновременно входили в районные группы для связи¹. На Владимире Ильиче, больше чем на ком бы то ни было из других членов бюро, лежала работа по руководству деятельностью петербургской с.-д. организации в целом. Он был кроме того уполномо-

номочен Союзом редактировать все издания Союза.

Периферия организации состояла из сети рабочих кружков. Среди работников организации Ленин постоянно пропагандировал мысль о необходимости Союзу «завести связи с возможно большим количеством заводов»², поэтому Союз дал директиву своим членам создавать как можно больше кружков на фабриках и заводах с тем однако, чтобы эти кружки были невелики по своему объему (в среднем 5 человек в кружке) и потому менее уловимы охранкой³. Мартов в своих «Записках» приводит названия 15 крупных заводов и фабрик, с которыми был связан Союз, не считая ряда мелких предприятий.

Продолжая заниматься пропагандистской, теоретической работой, кружки в то же время начинают перестраиваться применительно к агитационным задачам, делая первые шаги по пути превращения их в боевые организации партии. Десять лет спустя, анализируя размах работы, достигнутый партией в 1905 г., и сравнивая ее с деятельностью с.-д. организации в 1895 г., Ленин следующими чертами характеризовал состояние партийных организаций в изучаемый нами период: «Тогда только кружки. Едва-едва первое начало массовой агитации. Весьма тяжеловесная преподавательская пропаганда. Социал-демократы проби- вают себе дорогу среди народолюбцев, народоуправцев и т. д... 10—15 человек (Комитет), 20—30 рабочих кружков, 100—150

¹ Радченки ведали финансами Союза, связями и техникой и поэтому не входили ни в бюро, ни в районные группы.

² Шелгунов, сборник «Об Ильиче», стр. 109, изд. 2-е.

³ Доклад, стр. 571.

Группа „стариков“ Петербургского „Союза Борьбы“. Слева направо: М. А. Сильвин, С. И. Радченко, Н. Л. Радченко, Н. К. Крупская, Я. М. Ляховский, А. А. Якубова

максимум связей. «Чтения» Самообразова-
ние — произведение»¹.

Из маленьких с.-д. кружков, едва ли в общей сумме насчитывавших 200 — 250 чел. и казавшихся царскому правительству менее опасными, чем народо-вольцы, возникла величайшая революционная сила современной нам эпохи — созданная Лениным партия большевиков. Члены районных групп Петербурга связывались с периферией при посредстве рабочих организаторов: В. Шелгунов (большевик, расстрелян в 1906 г.), Б. Зиновьев (умер в конце 90-х годов), П. И. Карамышев (по выходе из тюрьмы отошел от движения, морально разложился и даже был обвинен в провокаторстве), Н. Меркулов, И. И. Яковлев, В. А. Князев (работал до последнего времени в Ленинграде). Эти лучшие активисты организации были тоже очень молоды по возрасту: Бабушкину например было 23 года, Зиновьеву 21, Карамышеву 18, самому «старшему» в группе Шелгунову было 28 лет. Рабочая группа, судя по всему, не представляла собой вполне самостоятельной организации и состояла при Союзе. На каждом заводе выделялся кроме того один рабочий, ответственный за прием и распространение нелегальной литературы². Такова общая схема построения Союза. Вся партийная организация строилась Лениным по принципу централизма. Требования строгой дисциплины и выполнения нижестоящими инстанциями директив и распоряжений Союза вызывали кое у кого «оппозицию», о которой Ленин вспоминал в 1920 г., когда ему и внутри нашей партии и внутри Коминтерна пришлось вновь вести борьбу с мелкобуржуазными оппозиционными группами, бунтовавшими против централизма. «Нападки на «диктатуру вождей» в нашей партии были всегда, — писал Ленин в «Детской болезни»: — первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 г., когда формально еще не было партии, но центральная группа в Питере начала складываться и должна была брать на себя руководство районными группами»³.

В связи с этим замечанием Ленина необходимо коснуться вопроса о взаимоотношении в организации интеллигентов и рабочих, вопроса, который позднее приобрел в партии известную остроту и временами давал пищу для демагогии. Союз состоял из

группы революционных марксистов, поставивших своей задачей борьбу за пробуждение сознания рабочего класса, за организацию и сплочение его передовых элементов в политическую партию. Вполне понятно, что в этот период еще только зарождающегося рабочего движения революционными марксистами, вполне владеющими социалистической теорией и способными обеспечить движению строго марксистский характер, могли быть и были только интеллигенты. Чтобы поставить и разрешить вопрос об «орабочении» руководства, надо было сначала упорной, длительной, постоянной работой революционных марксистов над лучшими организаторскими элементами из рабочей среды подготовить и создать кадры рабочих вождей, которые стояли бы на уровне требований, предъявляемых революционно-марксистскому руководству. Союз работал над этой задачей, но к зиме 1895 г. она еще не была полностью разрешена. Союз сумел «отобрать» из рабочей массы таких выдающихся людей, как Бабушкин, но в данный момент даже Бабушкин не был еще вполне подготовлен к тому, чтобы войти в состав руководящей группы.

Ленин неоднократно говорил, что от упрочения того или иного оттенка зависит все будущее рабочего класса, зависит вся судьба движения. В 1895 г., когда движение делало только первые шаги, когда еще не было никаких прочно сложившихся революционных традиций и над рабочим движением все время висела опасность сбиться на путь тред-юнионизма и «экономизма», вполне понятна та особая требовательность, которая предъявлялась к идейному руководству Лениным и «стариками». С другой стороны, надо иметь в виду, что членам Союза в их работе приходилось соблюдать большую конспиративность, между тем как рабочая молодежь, которую пришлось бы ознакомить со всеми самыми секретными делами организации, в вопросах конспирации была еще совершенно неопытна: молодые рабочие могли против своей воли, нечаянно, именно из-за неопытности проявить опасную неосторожность, которая позволила бы агентам охраны напасть на след тщательно оберегаемого «стариками» с.-д. центра. Наконец, рабочие, которые вошли бы в Союз, должны были бы часто встречаться с «интеллигентами» (по тогдашним условиям частые встречи рабочих с интеллигентами были неконспиративны, так как давали возможность полиции легко проследить и тех и других).

¹ Лен. сб. V, стр. 442.

² Бабушкин, стр. 75.

³ Соч. т. XXV, стр. 191. В оппозиции к центру стоял повидимому Б. Зиновьев.

Выдающиеся рабочие—члены „Союза борьбы“. Слева направо: Б. Зиновьев, В. Шелгунов, А. Шаповалов, И. Бабушкин

Это обстоятельство тоже играло немаловажную роль при конституировании Союза. Вот те причины, которые помешали «старикам» ввести в Союз помимо названных выше 15—17 членов также рабочих. Но Союз не оставлял мысли о необходимости пополнения его лучшими представителями рабочей группы. Ленин, как известно, всегда требовал введения в комитеты рабочих. Осуществить однако это намерение не удалось, так как менее чем через месяц после своего возникновения Союз первого состава был разбит охранкой.

В годы реакции ликвидаторы, ведя борьбу против партии, пытались подорвать ее значение в глазах рабочих тем, что якобы партия всегда, в том числе и в изучаемый период, была интеллигентской организацией. Вот что писала например В. Засулич: «Российская с.-д. рабочая партия — это подпольная, основанная на II съезде и тотчас разделившаяся организация интеллигентов для пропаганды и агитации среди рабочих». Ленин так отвечал на этот ликвидаторский выпад: «На деле партия была основана в 1898 году и опиралась на пробуждение массового рабочего движения в 1895 — 1896 годах. Десятки и сотни рабочих (подобных покойному Бабушкину в Петербурге) не только слушали лекции в кружках, но и сами вели агитацию уже

в 1894—1895 годах, а затем переносили организации рабочих в другие города (основание екатеринославских организаций высланным из Питера Бабушкиным и т. п.)».

Кроме Бабушкина перед читателем прошел уже целый ряд выдающихся петербургских рабочих, которые, так же как Ленин и другие члены Союза, являлись строителями нашей партии, людьми, которые работали над ее созданием и фактически составляли руководящий кадр петербургской с.-д. организации. Нельзя забывать кроме того, что основой петербургской с.-д. организации являлась сеть рабочих кружков. Тем самым отпадает клевета ликвидаторов о нерабочем характере первых организаций нашей партии в годы ее возникновения, ибо сказанное о Петербурге относится к Москве и другим городам, где начинали свою деятельность социал-демократы. «Сравнительное преобладание интеллигентов в начале движения» было совершенно неизбежным и закономерным явлением: «оно наблюдалось везде, а не только в России»¹.

Руководимый Лениным Союз заложил фундамент для деятельности революционных марксистов в Петербурге. Несмотря на частые разгромы охранкой тех с.-д. органи-

¹ Ленин, т. XVI, стр. 624

заций, которые продолжали с.д. работу в Петербурге после провала 9 декабря, никакие полицейские репрессии уже не могли остановить с.-д. движения.

Создание Союза означало крупный шаг вперед по сравнению с состоянием с.-д. работы в Петербурге в 1891—1892 гг. Размах работы Союза однако не удовлетворял Владимира Ильича. Начавшееся рабочее движение открывало широкие перспективы, но это движение надо было организационно охватить, надо было всю скрытую энергию рабочих масс направить по революционно-марксистскому руслу, а сил для этого было еще страшно мало, организация была еще страшно слаба, неопытна, примитивна.

«Я работал в кружке,—вспоминал Ленин об этом периоде в 1902 г.,—который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи — и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию». У Ленина было совершенно ясное, до конца продуманное сознание задач, стоящих перед рабочим классом («Друзья народа»), и путей, ведущих к их разрешению. «Узким местом» в работе революционных марксистов этого периода была их организационная слабость. Против рабочего класса стояла вся чудовищная машина самодержавия с армией солдат, жандармов, полицейских, казаков, шпииков, чиновников и провокаторов. Эксплуататорские классы располагали великолепными, хорошо вышколенными, сильными, широко разветвленными организациями для борьбы с революционным движением. А что могли противопоставить этому колоссу революционеры-марксисты, представители класса, который должен преобразовать Россию? Всего несколько маленьких кружков. Ленин был глубоко проникнут сознанием ответственности перед рабочим классом, и поэтому он испытывал, говоря его собственными словами, «жгучее чувство стыда» при виде организационной слабости и организационной неподготовленности марксистов перед стоящими великими историческими задачами. Как никто. Ленин видел, что рычагом, который «перевернет Россию», может быть только партия, только «организация революционеров». Широкие планы носились перед умственным взором Владимира Ильича. Он мечтал о создании мощной партии, которая сумеет

руководить борьбой рабочего класса и поведет его к свержению самодержавия и к коммунистической революции. Он начал работать над созданием такой партии, и в ноябре 1895 г. заложил в Петербурге основы марксистской организации — Союза, стремясь сделать его центром, который силотил бы вокруг себя все остальные организации России и подготовил их объединение в партию.

Но самодержавие зорко следило за каждым движением своего врага, и в тот момент когда деятельность Союза начала принимать особенно интенсивный характер, царское правительство решило ликвидировать опасную организацию. Последовали аресты в ночь на 9 декабря, нанесшие тяжелый удар Союзу. Заключив Ленина в тюрьму, а потом отправив его в ссылку, самодержавие затормозило на несколько лет процесс создания пролетарской партии и тем самым отсрочило час своего падения.

Петербургский период должен рассматриваться как первая попытка Ленина построить партию. Попытка эта была сорвана царизмом. Осуществление плана построения партии пришлось на время отложить. На какой срок? Ленин был взят в плен царизмом в ночь на 9 декабря 1895 г.; № 1 ленинской «Искры», начавший работу над организацией партии, вышел 24 декабря 1900 г. Прошло следовательно целых пять лет, прежде чем Владимир Ильич вновь получил возможность вплотную приступить к непосредственной организационно-практической работе по созданию партии.

Аресты „декабристов“ и рабочее движение 1896—1897 гг.

В ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. царское правительство нанесло сильнейший удар Союзу, арестовав почти все его руководящее ядро, лучших рабочих-активистов и несколько десятков рядовых рабочих социал-демократов. В результате жандармского набега из рядов Союза оказались вырванными его лучшие силы: Ленин, Кржижановский, Старков, Ванеев, Малченко, Запороженец, Шелгунов, Меркулов, Зиновьев, Карамышев, Яковлев и др.¹ Однако жандармы, рассчитывавшие сразу покончить с социал-демократами и с.-д. рабочим движением в Петербурге, жестоко ошиблись: Ленин строил «Союз борьбы» крепко и основательно, и

¹ Одновременно были произведены аресты среди народовольцев и среди «молодых». Всего в декабре и январе «политических» разных направлений было арестовано около 90 человек.

Расчет ткачей. С картины художника Верхотурова

поэтому вырвать одним взмахом «зло» с корнем, как это рассчитывала сделать охранка, ей не удалось. Не таков был строитель «Союза борьбы», чтобы созданная им организация, опиравшаяся на все растущий подъем рабочего движения, пала под ударами царских слуг.

Несмотря на тяжелые потери, Союз был только ослаблен, но не уничтожен и энергично продолжал выпускать листки и вести агитационную и организационную работу среди рабочих. Стачки и волнения на заводах и фабриках не прекращались. Ошеломленная развитием рабочего движения и ростом популярности Союза охранка в ночь с 4 на 5 января 1896 г. нанесла Союзу второй, «дополнительный» удар, арестовав Мартова, Бабушкина, Ляховского и других, но основанный Лениным Союз уничтожить уже было нельзя. Союз пустил глубокие и прочные корни среди петербургского пролетариата. Несмотря на аресты и другие репрессии, «разбиваемый» охранкой Союз всякий раз пополнялся новыми силами и продолжал свою деятельность по руководству рабочим движением Петербурга.

Важным этапом в деятельности Союза явилась знаменитая стачка 30 тыс. текстильщиков, разразившаяся в мае — июне 1896 г. (главное требование стачечников — сокращение рабочего дня). Стачка последовала вскоре после выпуска Союзом удачной первомайской прокламации, пользовавшейся большим успехом среди рабочих. Своей мощностью и организованностью эта стачка произвела огромное впечатление как в России, так и за границей. Она была крупнейшим политическим событием того времени и наглядно свидетельствовала о появлении на сцене новой могучей силы — рабочего класса. В значительной мере стачка явилась плодом всей предшествующей деятельности «Союза борьбы», проводившего в своей работе те установки, которые были даны еще Лениным. Правительство жестоко подавило стачку, арестовав более 1.000 чел., и свирепо расправилось с революционными организациями¹. Однако в то же время оно оказалось вынужденным пообещать рабочим, хотя

¹ В конце июня полицией была взята между прочим известная народолюбческая типогра-

в духой и неопределенной форме, сократить рабочий день. Выполнять это обещание правительство впрочем не торопилось. Тогда в январе 1897 г. снова повторились в Петербурге большие стачки. Правительство испугалось и пошло на уступки, издав 2 июня 1897 г. закон о сокращении рабочего дня. Этот закон завоеван рабочими и является прямым результатом руководимой Союзом стачечной борьбы 1895 — 1897 гг.

Новый этап борьбы с „экономизмом“

В течение ряда лет, со времени возникновения Союза в конце 1894 г., правый оппортунизм — в виде «экономизма» — являлся главной опасностью для зарождавшейся партии рабочего класса. «Экономизм» носился в воздухе, — пишет об этом периоде Крупская: — успех, который имела агитация среди рабочих на экономические темы, кружил голову. Противостоять «экономизму» могли лишь те, у кого была более или менее серьезная революционная подготовка, кто отчетливо представлял себе задачи развития рабочего движения»¹. Пока Ленин стоял во главе Союза, оппортунисты ничем не проявили внутри союза своих экономистских настроений. Они просто не смели выскочить. После того как Ленин был вырван охранкой из рабочей среды и лишен возможности вести партийную работу, экономистские тенденции стали пробиваться со стороны некоторых членов Союза. Об этом свидетельствует следующий интересный эпизод. Через несколько дней после ареста «декабристов» (так называли иногда арестованных в декабре 1895 г. «стариков») Бабушкин, ученик Ленина, написал для рабочих листок ярко революционного характера, в котором разъяснялось, «что такое социалист и политический преступник» (отсюда видно, в каком направлении воспитывал Ленин рабочих, членов с.-д. организации). При обсуждении листка в Союзе Ляховский (приятель Мартова) возражал против издания этого листка именно потому, что он был написан не на экономическую тему, а на политическую². Основное ядро Союза высказалось однако за напечатание листка, и листок был издан.

Летние стачки 1896 г. заставили полевую группу Тахтарева и остатки группы «молодых» (группа Чернышева) и вызвали в их среде, а также внутри Союза, которым в это время руководил Радченко, движение в

пользу совместной работы, сближения и объединения в одну общую с.-д. организацию. В Союз вошли обе названные выше группы и отдельные социал-демократы, самостоятельно ведущие до этого пропагандистскую работу. По сравнению с тем периодом, когда Союзом руководил Ленин, вновь составившаяся группа (т. е. союз) «идейно была гораздо менее сплочена, в ней имелись различные оттенки, но пока что разногласия были в скрытом состоянии»³.

Следующим этапом в борьбе Ленина и революционных марксистов против зарождающегося «экономизма» является известная встреча «стариков» с представителем «молодых» в феврале 1897 г., когда «старик» были выпущены из тюрьмы на четыре дня (26 февраля—1 марта) для устройства своих домашних дел перед отправкой в Сибирь.

Программа Союза в тот период, когда во главе его стоял Ленин, носила ярко революционный и социалистический характер. Это направление господствовало в Союзе приблизительно до половины 1898 г.⁴. Но в то же время внутри Союза все больше возрастало влияние тех социал-демократов, которые, преклоняясь перед развитием стихийного рабочего движения, полагали, что задача социал-демократии сводится к обслуживанию этого движения. «Экономизм» или тред-юнионизм, с которым Ленин начал борьбу в 1895 г., продолжал развиваться и находить себе сторонников не только на периферии Союза, но и в его руководящем ядре. В конце 1896 г. экономистские тенденции в Союзе были представлены известным нам Тахтаревым, который к этому времени вошел в Союз, А. А. Якубовой (раньше член группы «стариков», теперь переметнулась к «молодым» оппортунистам, стала сторонницей «Рабочей мысли»), В. Н. Катин-Ярцевым. Эта оппортунистическая группировка в Союзе, поддерживаемая некоторыми тред-юнионистски настроенными рабочими, вела борьбу за перемену направления Союза и соответствующую организационную перестройку его. Позднее, во второй половине 1897 г., «экономисты» окончательно оформились в самостоятельную группу и начали издавать газету «Рабочая мысль».

Получив «отпуск» из тюрьмы, «старик» (Ленин, Мартов, Крижановский, Ванеен, Малченко, Старков, Запорожен, Ляховский.

¹ Статья Крупской в «Творчестве», 1920 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. т. IV, стр. 395.

один или два рабочих) устроили свидание с находившимися на воле работниками петербургского «Союза борьбы» (Якубовой и Горевым-Гольдманом), чтобы перед отъездом в ссылку выяснить положение дел в организации и договориться о дальнейшем направлении работ Союза¹.

На этом собрании «сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика»² между «стариками», главным образом Лениным, и Якубовой, защищавшей взгляды правого крыла или «молодых». Борьба шла вокруг вопроса о рабочей кассе и связанного с ним вопроса о взаимоотношении интеллигентов и рабочих в организации. С планом организации «рабочей кассы» «экономисты» носились уже давно, разрабатывая эту идею в разных вариантах, отличных друг от друга лишь несущественными деталями³.

«Экономисты» основной задачей социал-демократов считали создание не политической партии, а профессионального союза, «рабочей кассы», образующейся из взносов рабочих для целей самообразования и для помощи забастовавшим рабочим во время стачек. «Экономистам» нужно было такое «объединение» рабочих, которое пригодно для обслуживания их узкопрофессиональных нужд, но неспособно руководить всеми формами классовой борьбы пролетариата, неспособно свалить самодержавие, бороться за социализм. По мысли «экономистов» с.-д. союз должен был либо превратиться в «рабочую кассу», стать профсоюзной организацией, раствориться в ней, либо он должен был превратиться в исполнительный орган «рабочей кассы», обслуживающий ее нужды и заказы. План организации «рабочей кассы» начисто уничтожал руководящую роль социал-демократии и вел к отказу от борьбы за социализм. Ленин подверг резкой критике оппортунистический проект Якубовой и компании. Он несколько не возражал против создания среди рабочих профсоюзных групп и объединений, но считал эти организации подсобными, второстепенными. Ленин и «старики» доказывали Якубовой, что рабочему классу нужно «прежде всего» вовсе не профессиональное обье-

динение петербургских рабочих, а «упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. п.»⁴. Этой «организации революционеров», твердо стоящей на почве марксизма, не допускающей ни малейшего отклонения от него и тесно связанной с рабочими массами, с рабочим движением, Ленин придавал исключительно важное значение, рассматривая ее как «зародыш будущей партии»⁵.

Пропагандируя идею «рабочей кассы», «молодые» стремились в то же время передать руководящую роль в организации независимому от с.-д. Союза «рабочему комитету», который взял бы в свои руки все организационные связи с заводами и всю организационную работу в массах. По плану «молодых» Союз превращается в придаток «рабочего комитета», контролирующего с.-д. Союз путем посылки своих представителей в его центральное ядро, а Союз выполняет задания «рабочего комитета» по обслуживанию нужд экономического движения, пишет например листовки.

Ленин, поддержанный всеми «декабристами», решительно восстал против какого бы то ни было умаления роли социал-демократического Союза, против подчинения его «рабочему комитету» — почти что беспартийной организации. План оппортунистов в том именно и состоял, чтобы отрезать социал-демократию от растущего массового рабочего движения, вырвать его из-под влияния революционных марксистов и направить по руслу буржуазного тред-юнионизма. Рабочий комитет может существовать, говорили «декабристы», но не как «самостоятельная», «независимая» организация, а как рабочий актив, руководимый партией — с.-д. Союзом, который посылает для этой цели в «комитет» своих представителей; никакого контроля с.-д. Союза со стороны бесформенных «рабочих организаций» быть не может.

Якубова пыталась, как можно судить по некоторым данным⁶, развивать демагогию насчет того, что Ленин-де не хочет вводить «рабочих» в Союз. Конечно это вздор, граничащий с клеветой. Ленин возражал, во-первых, принципиально против ввода в Союз представителей «рабочего комитета» как самостоятельной организации, «контроли-

¹ На собрании присутствовала также А. Елизарова.

² Ленин, т. IV, стр. 387.

³ См. «Устав центральной союзной рабочей кассы», март 1897 г. («История РКП(б) в документах», т. I, 1926 г.), стр. 63—71. «Листок работника» № 9—10, ноябрь 1898 г., стр. 46—47. «Устав рабочей кассы», выработанный в СПб рабочими.

⁴ Ленин, т. IV, стр. 387.

⁵ Б. Горев, Из партийного прошлого, стр. 37.

⁶ Тахтарев, изд. 1902 г., стр. 70—71.

рующей» с.-д. Союз; во-вторых, он отводил расхваленные Якубовой кандидатуры некоторых «рабочих», потому что это были выученики Тахтарева и других оппортунистов, тред-юнионисты, будущие сторонники ультраоппортунистической «Рабочей мысли», иначе говоря меньшевики. В этом-то все дело. Под флагом «рабочелюбия» Якубова хотела протащить в Союз своих единомышленников, чтобы изменить характер Союза в желательном оппортунистам направлении. Ленин был энергичным сторонником ввода рабочих в Союз¹, но он требовал, чтобы это были рабочие революнеры (а не тред-юнионисты), выдержанные борцы за социализм и политическую свободу. Есть у нас уже такие рабочие — их надо ввести в Союз, конечно не для «контроля», а на равных правах с остальными членами Союза. Нет еще (напомним, что мы присутствуем в начале рабочего движения)—подождем, пока в результате нашей социалистической работы у нас создадутся рабочие вожди, которые смогут принимать участие в руководстве движением. Такова была точка зрения Ленина.

Полемика с Якубовой, за спиной которой стояли Тахтарев и другие, носила довольно острый характер. Некоторым, например Елизаровой, казалось, что Ленин «преувеличивает опасность уклона «молодых»², но дальнейшее развитие борьбы показало правоту Ленина. За два с лишним года, которые прошли со времени первых споров Ленина с будущими «экономистами», «экономизм» усилился и развился, проникнув даже в руководящее ядро Союза. Заслуга Ленина в том, что он первым из русских социал-демократов, раньше чем кто-либо, уловил наличие оппортунистических тенденций у некоторых работников русской социал-демократии. Ленин дал отпор «экономизму» в самый момент его зарождения и вел затем непримиримую борьбу с правым крылом социал-демократии на всех стадиях развития последнего. Когда шел спор с Якубовой, нельзя было заранее знать, имеем ли мы дело с частным, эпизодическим разногласием или с новым направлением, которое вырастает из мелких, на первый взгляд, расхождений. Ленин всегда боролся даже с малейшим отклонением от революционного марксизма, вскрывая фальшь и оппортунизм того или иного

«оттенка», отличного от линии революционного марксизма, приучая партию ценить чистоту и неизбежность, неприкосновенность марксизма, закаляя партию в боях против всяких уклонов и искажений марксизма, ибо, как неоднократно говорил Ленин, от упрочения того или иного оттенка зависит будущее русской революции.

Подготовка партийного съезда

Петербург — столица царской империи и крупнейший промышленный центр в стране. Удельный вес петербургского пролетариата был поэтому чрезвычайно велик и выступления петербургских рабочих на всех этапах русской революции играли решающую роль: петербургские стачки 1895—1896 гг. открыли собой начало массового рабочего движения в России; шествие питерских рабочих к Зимнему дворцу 9 января возвестило начало революции 1905 г.; в феврале — марте 1917 г. петербургский пролетариат свалил самодержавие, в октябре — империалистскую буржуазию. Ввиду важности Петербурга для судеб рабочего движения в России создание Лениным в 1894—1895 гг. с.-д. организации в Петербурге имело огромное значение в деле борьбы с самодержавием и капиталом.

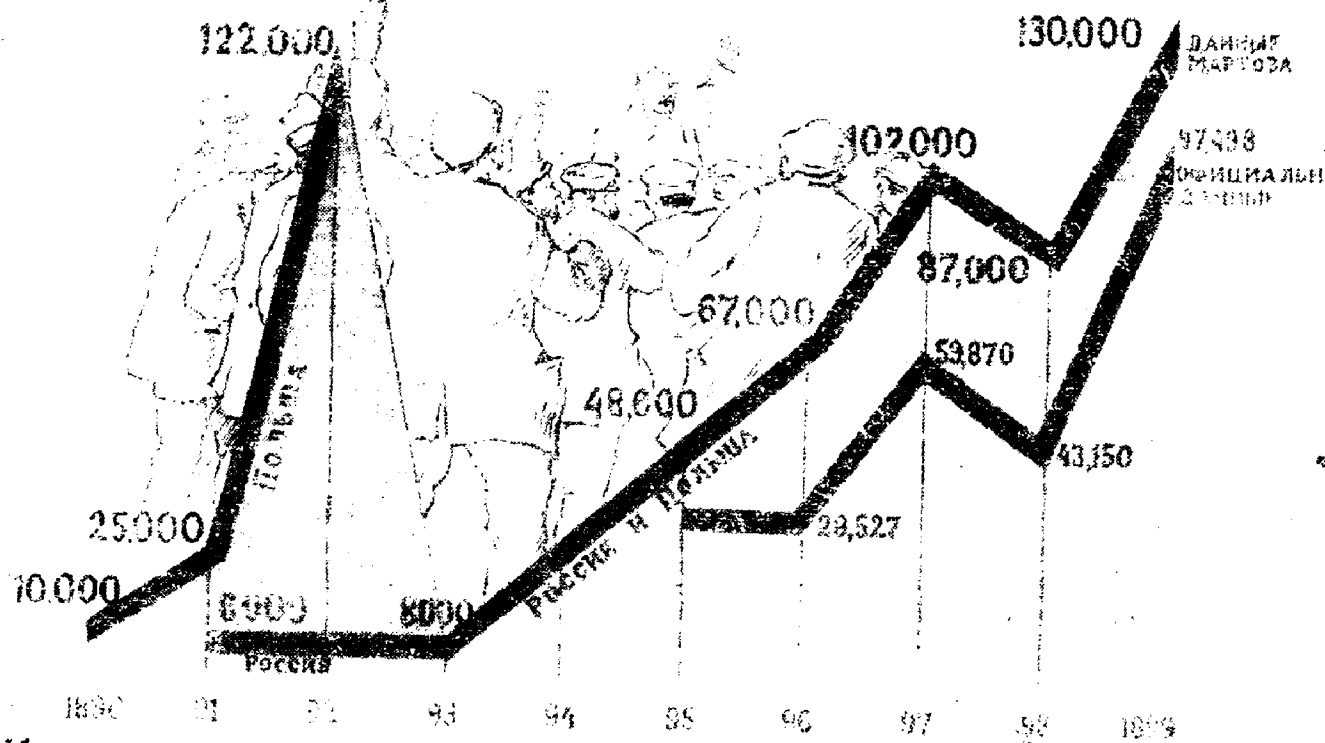
✓ Петербургский «Союз борьбы» представлял собой «зачаток революционной партии»³, партии нового типа, большевистской партии пролетариата. Ряд заявлений в «Друзьях народа», программном документе «Союза борьбы», общий характер передовой статьи в «Рабочем деле», органе союза, а также общий характер деятельности петербургского «Союза борьбы» показывают, что ближайшей задачей русских социал-демократов вообще и петербургских социал-демократов в особенности Ленин считал создание единой всероссийской с.-д. партии путем предварительного установления связей с с.-д. организациями других городов, а затем созыва их на общий партийный съезд. В деле подготовки съезда и создания партии руководящая роль, естественно, должна была принадлежать петербургскому «Союзу борьбы». По мысли Ленина Союз должен был составить идейно-политическую и организационную базу в деле подготовки съезда, а «Рабочее дело» должно было стать органом будущей единой партии.

¹ Б. Горев, Из партийного прошлого, стр. 37.

² А. Елизарова, «Пролетарская революция» № 3/26, 1924 г., стр. 120.

³ Ленин, т. II, стр. 182.

КРИВАЯ СТАЧЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА 1890-99 гг

Мы не знаем в точности сеть связей петербургского «Союза борьбы» с с.-д. организациями и группами других городов. Известно во всяком случае, что у Союза были связи со следующими городами: Москва, Вильно, Киев, Н.-Новгород, Самара, Саратов, Орехово-Зуево, Ярославль, Орел, Тверь, Владимир, Иваново-Вознесенск, Минск. После ареста «декабристов» и провала «Рабочего дела» Союз продолжал вести взятую Лениным линию на подготовку и созыв партийного съезда и предпринял в этом направлении соответствующие организационные шаги. Известна например поездка с этой целью в июне 1896 г. на юг в качестве уполномоченного Союза Крупской, которая имела в Полтаве совещание с представителями киевской с.-д. организации по вопросу о созыве съезда партии и издании партийного нелегального органа (газеты). На совещании было достигнуто соглашение. По той же линии шло и решение Союза, несомненно подсказанное Лениным, о необходимости выработать программу будущей партии. Никто кроме Ленина, авторитетнейшего теоретика в среде русских с.-д. организаций, этой работы выполнить не

смог бы. Поэтому Ленин по поручению Союза взял на себя работу по составлению партийной программы. Он написал в тюрьме проект программы русской социал-демократической партии и обстоятельный комментарий к ней (к сожалению, конец комментария до нас не дошел).

Ссылка в Сибирь наиболее крупных петербургских социал-демократов («стариков» во главе с Лениным), ряд последующих разгромов петербургского «Союза борьбы», усиление оппортунистического крыла в среде петербургских социал-демократов и борьба их против революционных марксистов — все эти обстоятельства не позволили Петербургу провести дело подготовки и созыва I съезда партии. Инициативу взял на себя Киев. Киевской организации удалось созвать I съезд в Минске (март 1898 г.). От петербургского «Союза борьбы» на съезде присутствовал С. Радченко — последний из «стариков», представителей ленинского направления, избранный на съезде членом ЦК. Уже очень скоро после съезда оппортунисты в Петербурге настолько усилились, что к половине 1898 г. оппортунистическое (эконо-

мистское) направление стало господствующим среди петербургских социал-демократов.

В то время как происходил I съезд партии, Ленин находился уже больше года в Сибири. Провозгласивший основание российской с.-д. партии съезд не создал однако партии как единого, организованного и реального целого. Центральные учреждения партии были тотчас же после съезда разгромлены полицией, а участники съезда арестованы.

Незначительные организационные результаты I съезда и недостаточная марксистская выдержанность работ съезда объясняются именно тем, что виднейший из русских революционных социал-демократов, вождь зарождающейся революционной партии пролетариата и лучшие марксисты и социал-демократы того периода находились в ссылке и были лишены возможности непосредственно влиять на подготовку съезда, на его ход и исход.

Тем не менее I съезд сыграл известную положительную роль выпуском манифеста и провозглашением в принципе единой партии. Несмотря на некоторые оппортунистические ошибки, он в основном стоял на революционных позициях и поэтому с неудовольствием был встречен оппортунистами. Ленин постоянно подчеркивал положительную роль I съезда как известного шага вперед. Но РСДРП как единая партия рабочего класса оставалась пока существовать только как символ, как идея, которую надо было еще воплотить в жизнь. Эту задачу выполнил Ленин после своего возвращения из ссылки сначала основанием «Искры» (декабрь 1900 г.), а потом созывом II съезда (август 1903 г.), действительно создавшего партию большевиков.

✓ ^{34.} Петербургский период имеет крупное значение в биографии Ленина: это первый полет орла. Петербургский период имеет крупное значение и в истории партии, ибо именно в Петербурге Ленин начал строить ту самую партию нового типа, которая затем оформилась в 1903 г. на II съезде как партия большевиков. Построение партии на основе признания революционного марксизма, этой «граничной теоретической базы», на которую опирается большевизм; борьба против всяких извращений и искажений марксистской теории; борьба против оппортунистических элементов, против уклонистов; партия как авангард, как передовой отряд и вождь рабочего класса; теснейшая связь с рабочими массами; строжайший централизм и дисциплина внутри организации; гибкость тактики; приспособленность к ведению именно революционной, а не мирной парламентской борьбы—эти характерные черты партии нового типа имеются и в петербургском «Союзе борьбы»

Тов. Сталин указал, что для свержения империализма и завоевания диктатуры пролетариата возникла необходимость создания в отличие от партий типа II интернационала «новой партии, партии боевой, партии революционной, достаточно смелой для того, чтобы повести пролетариев на борьбу за власть, достаточно опытной для того, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обстановки, и достаточно гибкой для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели» («Об основах ленинизма»). «Зачатком» такой партии был созданный Лениным в 1894 — 1895 гг. петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Л Е Н И Н

И

ПЛЕХАНОВ

В СТАРОЙ „ИСКРЕ“

1

Всемирно историческое значение старой «Искры» достаточно известно. Ведь именно в годы старой «Искры» и именно в «Что делать?», т. е. в книге, содержащей в себе наиболее яркое изложение линии старой «Искры», впервые было высказано Лениным известное положение, что «история поставила перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны»¹.

В начале новой эпохи, эпохи империализма и пролетарской революции, накануне первой революции новой эпохи большевизм приближался к своему оформлению. Ленинская «Искра» непосредственно связана с оформлением большевизма. «Большевизм, — говорит Ленин, — провел за три года, 1900 — 1903, старую «Искру» и вышел на борьбу с меньшевизмом как цельное направление»².

Старая «Искра» была общерусской политической газетой. Но газетой совершенно особого типа. Эта газета по замыслу Ленина должна была стать идейным и организационным центром партии. «Все искусство политика, — писал Ленин, — в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звеньишко, которое всего мень-

ше может быть выбито из рук, которое всего вернее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звеньишка обладание всей цепью»³. Старая «Искра» и была тем звеньишком, которое в руках Ленина действительно обеспечило обладание «всей цепью» задач построения партии нового типа. Газета «Искра» вскоре и стала идейным и организационным центром партии.

Самая идея постановки этой газеты со всеми присущими этому «звену» особенностями в общей цепи задач, стоявших тогда перед партией, — эта идея принадлежит Ленину. Он долго продумывал ее во всех возможных подробностях, вынашивал ее в тяжчайших условиях вынужденного пребывания в далекой минусинской ссылке, там же он и предпринял первые подготовительные шаги к ее осуществлению.

Едва вырвавшись из ссылки, Ленин с исключительным напряжением и упорством, ломающим всякие преграды, взялся за осуществление этой идеи, этого плана. Под неустанным руководством Ленина «Искра» была создана, развернула многообразную деятельность, повела непримиримую борьбу со всеми врагами пролетарской революции и социализма, со всеми видами ревизионизма, оппортунизма, центризма в русском и международном рабочем движении и полностью осуществила задачи ликвидации «третьего периода», этого «периода разброда, распада, шатания» (Ленин). Старая «Искра» была делом Ленина.

Однако известно, что редакцию старой «Искры» составляла шестерка, в составе которой Ленин был окружен тремя «стариками» (Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич) и двумя «молодыми» (Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов).

Последние были по сути дела только активными сотрудниками редакции, а при обсуждении ряда принципиальных вопросов они свой голос отдавали либо одной, либо другой из двух споривших сторон. В ряде случаев и Потресов и Мартов в спорах редакции становились, стало быть, и на сторону Ленина. Но это были отдельные эпизоды. В основном они исходили из позиций, отстаиваемых другой стороной. Об этом отношении Потресова к старой «Искре» напомнил позднее Ленин. «Потресов был ее редактором, — пи-

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 382.

² Ленин, Соч., т. XIV, стр. 163.

³ Ленин, Соч., т. IV, стр. 487.

... Ленин в 1909 г. про старую «Искру», — что не он вел старую «Искру», а старая «Искра» вела его. Как только он захотел изменить линию, от него отвернулись староискровцы¹. Но то же в равной мере относится и к Ю. О. Мартову. Что же касается первых трех, необходимо отметить, что тут собственно мы имеем дело с Плехановым, которого двое остальных поддерживали во всех спорных вопросах беспрекословно или почти беспрекословно. Линия Плеханова разделялась и Аксельродом и Засулич при всяком противопоставлении ей линии Ленина.

Совершенно естественно поэтому, что в составе шестерки, официально числившейся редакционной коллегией, имелись две различных линии. Ленинской революционно-пролетарской линии противопоставлялась плехановская, оппортунистическая линия.

«Сам» Г. В. Плеханов считал возможным в апреле 1902 г., т. е. после 1½ лет совместной работы, не только признать это наличие принципиальных расхождений, но и охарактеризовать их как различие «очень важное в оттенках мировоззрения», которое заставляет его ожидать, что «эти различные оттенки разовьются в сторону еще большего обострения»². Из того же письма мы узнаем, что Плеханов квалифицировал это различие «оттенков» у Ленина и Плеханова как «различие между Бельтовым, с одной стороны, и Тулиным — с другой»³.

Чрезвычайно интересно сообщение Мартова о дальнейшем суждении Плеханова в связи с этим заявлением. Когда Мартов напомнил Плеханову, что упомянутое различие (в вопросе об отношении к либералам) касается вопросов тактики, Плеханов ответил следующими словами: «Но, ведь, и Кричевский утверждает, что мы с ним расходимся только по вопросам тактики»⁴. Этот ответ Плеханова представляет большой интерес. Тут Плеханов совершенно прав: разногласия внутри редакции старой «Искры» по вопросам тактики не были расхождением по частным вопросам тактики. Здесь мы имеем столкновение и борьбу революционного марксизма в лице Ленина против оппортунизма в лице Плеханова.

¹ Ленин, Соч., т. XIV, стр. 163. Подчеркнуто мною.

² Лен. сб. III. Письма Мартова Ленину, стр. 408.

³ Там же.

⁴ Там же.

В полном противоречии с историческими фактами находится утверждение, имеющее некоторое хождение даже в советской исторической литературе, будто Плеханов периода старой «Искры» был большевиком. Цитированное выше заявление самого Плеханова, высказанное им задолго до раскола, полностью опровергает эту легенду.

В самом деле, что представлял собой Г. В. Плеханов, придя к старой «Искре»? Конечно — авторитет основателя группы «Освобождение труда» и ее идейного вождя, авторитет видного теоретика II интернационала, имя борца за «ортодоксальный» марксизм. Но уже тогда за плечами этого «раннего» Плеханова имелся и известный груз оппортунизма. Отметим прежде всего крупное извращение марксизма, допущенное Плехановым в брошюре «Анархизм и социализм», вышедшей в 1894 г. «В этой брошюре Плеханов ухитрился, — говорит Ленин, — трактовать эту тему, совершенно обходя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вопрос о госу-

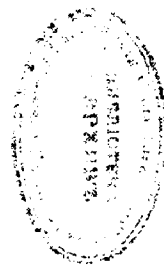
Что делать?

Наболевшие вопросы нашего движения

Н. ЛЕНИНА.

Вопросы тактики и стратегии
нашего движения
в свете теории и практики
революционной борьбы

1902 г.

11-71-1487

Удостоверение в том, что книга
получена в библиотеку

дарстве вообще!»¹. Одна часть этой брошюры содержит ценный исторический материал, другая же часть, это — «филистерская», — говорит Ленин, — с аляповатым рассуждением на тему о том, что анархиста не отличишь от бандита»². Это уже являлось скатыванием к оппортунизму в одном из коренных вопросов марксизма. В выступлениях Плеханова на Международном социалистическом конгрессе 1889 г. и спустя год в статье своей «Еще раз о принципах и тактике русских социалистов» Плеханов кроме буржуазии и пролетариата упорно не признавал «других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации»³. Вспомним к тому же неленинский подход его в вопросе о народничестве, вспомним, что Плеханов выступил против легального марксизма с очень большим опозданием и то под непосредственным давлением Ленина, а выступив, увлекся восхвалением Струве и в конце концов смазал действительную сущность легального марксизма как проявления буржуазного влияния на пролетариат. Все эти факты говорят об отрицании Плехановым уже тогда революционных возможностей, таящихся в крестьянстве как союзнике пролетариата в революции, они же говорят об игнорировании Плехановым по сути дела идеи гегемонии пролетариата.

Привлеченный к работе в старой «Искре», Г. В. Плеханов вскоре показал, что он вовсе не склонен выправить допущенные им ранее ошибки.

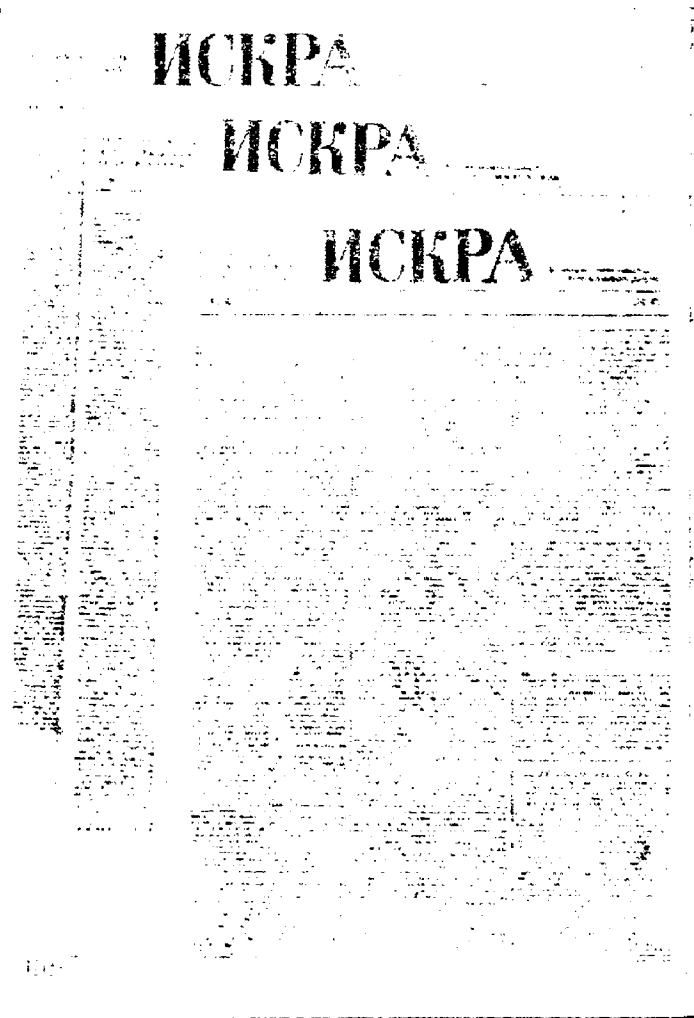
Это выразилось прежде всего в вопросе об отношении к либералам. Известно, что Ленин еще весной 1900 г. стоял за привлечение к задуманной и организуемой тогда «Искре» Струве, Туган-Барановского и других видных в то время деятелей либерального оппозиционного движения. Но Ленин это привлечение обуславливал обязательным требованием сохранения руководства полностью за революционными марксистами, иначе говоря, Ленин имел в виду использование либералов, их связей, средств и пр. Речь шла об издании группой «Искра» совместно со Струве как представителем «группы демократической оппозиции» общеполитического приложения к журналу «Заря» под именем «Современного обозрения».

Кстати несколько слов о «Заре».

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 442.

² Там же.

³ Плеханов, Соч., т. III, стр. 119.

Одновременно с газетой «Искра» этой же редакцией издавался и журнал «Заря», который по замыслу Ленина должен был служить прямым и естественным дополнением к боевой политической газете. Говоря о распределении тем и вопросов между газетой и журналом, Ленин еще в проекте заявления редакции «Искры» и «Зари» предостерегал против превратного толкования различия в характере обоих изданий. «Но и в журнале и в газете, — указывал Ленин, — необходимо отражение всех сторон движения, и мы особенно хотели бы подчеркнуть наше отрицательное отношение к такому плану, чтобы рабочая газета помещала на своих страницах исключительно то, что непосредственно и ближайшим образом затрагивает стихийное рабочее движение, отдавая все относящееся к области теории социализма, к области науки, политики, вопросов партийной организации и прочее — в орган для интеллигентов. Напротив, — подчеркивал Ленин, — необходимо именно соединение всех конкретных фактов и проявлений рабочего движения с указанными вопросами, необходимо освещение теорией каждого частного факта, необходима пропаганда вопросов политики и партийной организации среди самых широких масс ра-

бочего класса, необходимо внесение этих вопросов в агитацию»¹.

Г. В. Плеханов, лишенный возможности безраздельного господства, к чему он упорно стремился в старой «Искре»², пытался добиться этой неограниченной «свободы» в «научном» журнале «Заря»³. Так вот по поводу привлечения к общеполитическому приложению к журналу «Заря» группы Струве возникло новое расхождение между Лениным и Плехановым.

Как только выяснилось, что эти «господа» (Струве и др.) претендуют на равноправие в руководстве движением или даже на нечто большее, Ленин немедленно пошел на самый крутой разрыв с ними. Струве между тем уже с большой ловкостью успел «обработать» большинство ре-

дакции. И Ленин заявил решительный протест, он обратился с письмом к Плеханову, в котором призывал его «тоже поднять знамя восстания»⁴. Что же ответил Плеханов на этот призыв? Не обязательно согласиться, вот что он ответил Ленину. «Обстоятельства таковы,— пытался обосновать эту капитуляцию перед либералами Плеханов,—что разрыв теперь погубит нас, а после мы посмотрим»⁵. Выработанный вскоре договор не получил осуществления. Линия Ленина конечно оправдалась. Разрыв вскоре стал фактом. Все же позиция, занятая Плехановым в этом вопросе, была весьма симптоматичной. Однако в полной мере два различных линии в вопросе об отношении к либералам выявились лишь летом 1902 г. в связи с предисловием П. Б. Струве к записке С. Ю. Витте «Самодержавие и земство», изданной под маркой «Зари». Ленин выступил тогда со статьей «Гонимые земства и аннибалы либерализма», став-

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 9—10.

² См. письмо Ленина «Как чуть не похули «Искра» (Соч., т. IV, стр. 19—31).

³ Подробнее об этом см. статью И. Волковичера «Журнал «Заря» в свете взаимоотношений Ленина и Плеханова» («Пролетарская революция» № 8 (79), 1928 г.).

⁴ Лен. сб. III, стр. 129—130.

⁵ Там же, стр. 133.

шей предметом ожесточенных споров в составе редакции «Искры».

«Вопрос об отношении земства к политической свободе,— говорит Ленин в этой статье,— есть частный случай общего вопроса об отношении реформ к революции. И мы можем видеть на этом частном случае всю узость и нелепость модной бернштейнианской теории, которая заменяет революционную борьбу борьбой за реформы... Революционность никогда не откажется конечно от борьбы за реформы, от захвата хотя бы и неважной и частной вражеской позиции, если эта позиция усилит их натиск и облегчит их полную победу. Но они никогда не забудут также, что бывают случаи, когда уступка известной позиции делается самим неприятелем, чтобы раз'единить нападающих и легче разбить их. Они никогда не забудут, что, только имея всегда в виду «конечную цель», только оценивая каждый шаг «движения» и каждую отдельную реформу с точки зрения общей революционной борьбы, можно гарантировать движение от ложных шагов и позорных ошибок».

«Вот эта-то сторона вопросов,— указывает Ленин,— значения земства как орудия укрепления самодержавия посредством половинчатой уступки, как орудия привлечения к самодержавию известной части либерального общества — Р. Н. С. (т. е. Струве.— И. В.) совершенно не понял»¹.

Вот по поводу этой статьи Плеханов писал Ленину известное письмо о необходимости апеллировать к хорошему либералу. «Не следует теперь,— тоном наставника поучал Плеханов,— ругать либерала вообще. Это не тактично, надо от плохого либерала апеллировать к хорошему». «Следует несколько раз оговорить,— продолжал Плеханов,— что те, которых вы презрительно аттестуете, собственно говоря, недостойны называться либералами, что плохи так называемые либералы, а либерализм сам по себе может заслуживать большего уважения. Мы ведь должны относиться к либералам как к возможным союзникам, а тон у Вас, надо сознаться, совсем не союзнический. Смягчите его, голубчик... Вы говорите, как враг, а надо говорить как союзник (хотя бы только в возможности) ... Итак, смягчайте, голубчик. Либерализм не

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 152 — 153.

„Профессиональные революционеры-искровцы“
Сверху слева направо: Лепашинский, Столани, Лядов, Ногин, Землячка, Литвинев

надо гладить теперь против шерсти. Это большая ошибка!»²

Такая позиция Плеханова непосредственно связана с его позднейшим меньшевистским преклонением перед либеральной буржуазией, с его ставкой на нее как союзника пролетариата в борьбе против царизма.

² Лен. сб. III, стр. 203 — 204. Подчеркнуто цитируемым автором.

Не менее показательна оппортунистическая позиция Г. В. Плеханова, выявленная в спорах при обсуждении проекта программы. Подробнее этот вопрос освещен в другой статье. Следует все же отметить, что попытка Плеханова изъять из проекта программы пункт о необходимости диктатуры пролетариата и идею самостоятельной классовой борьбы пролетариата или потуги его извратить отношение пролетариата к «трудящейся и эксплуатируемой массе» представляли весьма серьезные проявления оппортунизма. И Ленин развернул большие бои против оппортунистических установок Плеханова и его сторонников.

Гегемония пролетариата, единственного до конца революционного класса, в общедемократическом натиске на царизм была для Ленина обязательным условием победы над царизмом и немедленного перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической. Она рассматривалась Лениным как зародыш будущей диктатуры пролетариата и необходимая ступень к ней. «Чтобы иметь право говорить о движении пролетариата, о классовой его борьбе и даже о классовой диктатуре, обязательно сначала выделить этот один класс, а потом уже сделать добавление о его роли представителя¹ — говорил Ленин, решительно выступая против попытки Плеханова смазать классовый пролетарский характер партии. — Обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только, единственно и исключительно, пролетариат, а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает»². Наряду с попыткой Плеханова растворить в общем «недовольстве всей трудящейся массы» особую роль пролетариата как гегемона, ведущего за собой революционно-демократическое крестьянство, мы находим у него ряд других извращений коренных вопросов марксизма: он обходил например эволюцию капитализма в сельском хозяйстве; между тем этот вопрос в те годы, когда все наглее стал выступать оформившийся международный и русский ревизионизм, в частности аграрный ревизионизм, имел особенно боевое политическое значение. Помимо всех этих извращений Плеханов в своем

просте программы пытался обойти эволюцию русского капитализма и порождаемых им противоречий. Ленин же в противовес Плеханову выдвинул основным принципом построения партийной программы «объявление ею войны русскому капитализму». Не отделяться разговорами «вообще» о борьбе с капитализмом, а объявить войну русскому капитализму, показанному во всех его особенностях. Такое требование, предъявленное Лениным к программе партии за несколько лет до развертывания предстоявшей буржуазно-демократической революции, представляет ценнейший материал для изучения развития ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Но если по таким вопросам установки Плеханова коренным образом отличались от ленинских, то мог ли он бороться с главной в те годы опасностью — с экономизмом — с правильных, революционно-пролетарских позиций? Конечно нет. Плехановская борьба против экономизма, как и позднее (в 1909—1911 гг.) против ликвидаторства, не была и не могла быть последовательной потому, что по основному вопросу идеологии и тактики экономизма — по вопросу о соотношении между стихийностью и сознательностью — Плеханов сам стоял в известной мере на позиции экономизма.

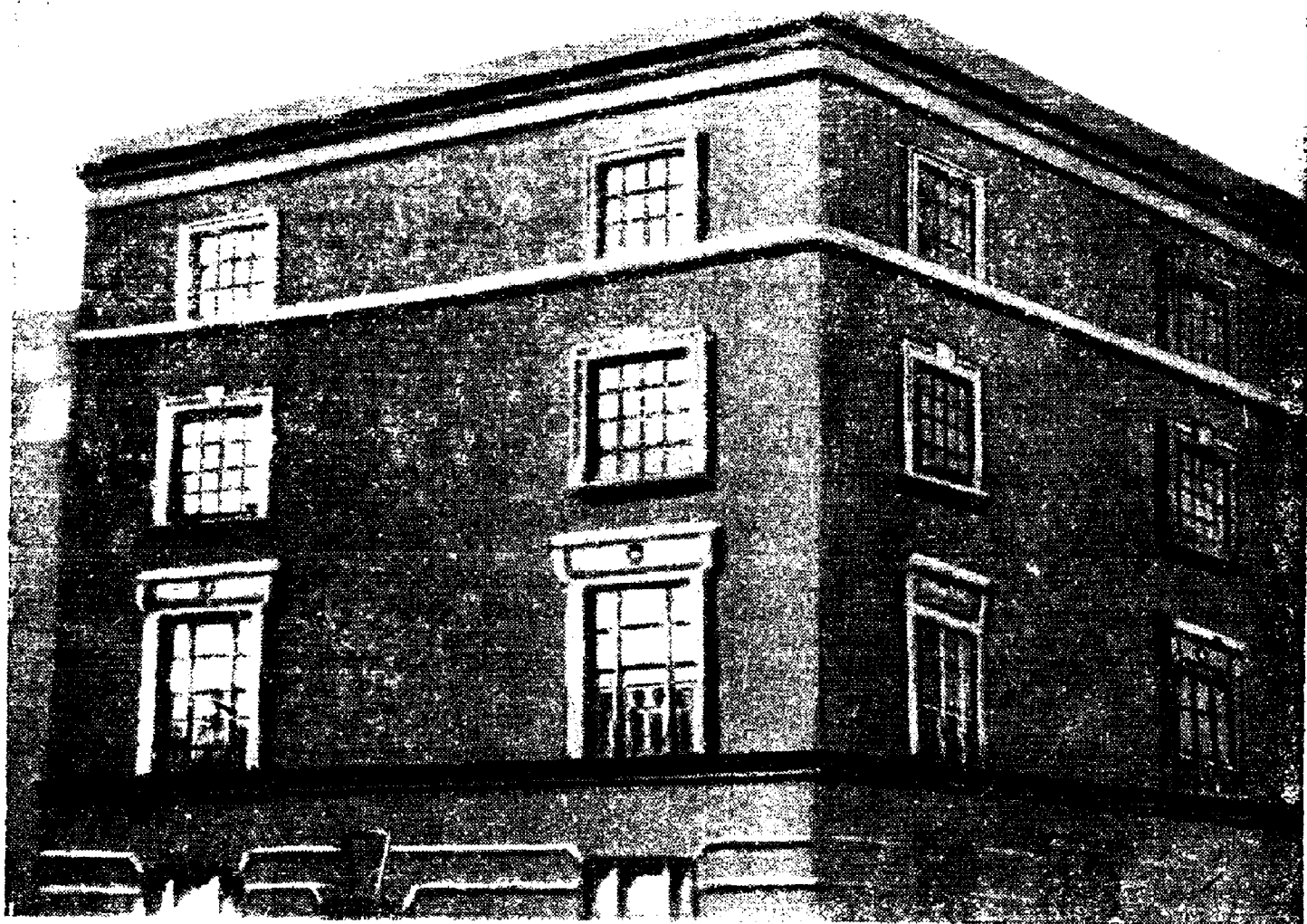
И хотя после выхода книги Ленина «Что делать?» Плеханов непосредственно не выступал против выдвинутых там Лениным положений, тем не менее частенько в задушевных беседах со своими ближайшими друзьями, как П. Б. Аксельрод, он позволял себе иронизировать на счет «кучих», видите ли, взглядов Ленина! «А Фрей³, — пишет Плеханов Аксельроду, — я не пишу, он бесит меня своими «кучьими» взглядами»⁴. Это письмо написано 12 марта 1902 г., т. е. еще до разгара споров по вопросам программы, но тогда же по выходе «Что делать?». И конечно совсем неудивительно, что вскоре после II съезда, когда меньшевистские «мыши» собирались большевистского «кота» хоронить, Плеханов в своей гнусной борьбе против ленинского «Что делать?» развязно задним чи-

¹ Ленин, Соч., т. V, стр. 41

² Там же, стр. 48.

³ Фрей — один из партийных псевдонимов В. И. Ленина в годы старой «Искры». — И. В.

⁴ Переписка Плеханова и Аксельрода, т. II, стр. 166

Дом в Лондоне, где помещалась «Искра»

слом заявлял: «я и тогда был не согласен»¹.

Все эти приведенные выше обстоятельства показывают, как глубоки были разногласия между Лениным и Плехановым уже в годы старой «Искры». Плеханов сам определил эти разногласия такими словами. «Поверьте одному,—обратился он к Ленину в «примирительном» письме 20 июня 1902 г., написанном по совету В. И. Засулич, очень обеспокоенной остротой установившихся «конфликтных» отношений,—я глубоко Вас уважаю и думаю, что на 75 проц. мы с вами ближе друг к другу, чем ко всем другим членам «коллегии», на остальные 25 проц. есть и разница, но ведь 75 втрое больше 25, и во имя единомыслия следует позабыть о разногласии»². Так как эта плехановская «арифметика» была употреблена в письме, предназначенном для примирения, то надо

считать разницу (25) крайне преуменьшенной...

Кстати напомним, что письмо Г. В. Плеханова написано 20/VI 1902 г., а 5 июля того же года, т. е. спустя две недели после «примирительного» письма своего, когда П. Б. Аксельрод намеревался выходить из редакции (ввиду наличия серьезных разногласий между ее членами), Г. В. Плеханов обратился к Аксельроду с достопримечательным письмом. «Против упрямства Фрея,—писал Плеханов,—которое может сделать много вреда, надо бороться легальными средствами. Но твой выход ослабит для нас возможность такой борьбы. Поэтому выходить неудобно»³.

Нечего сказать, прекрасный комментарий самого Плеханова к «примирительному» жесту его от 20 июня!

¹ Кстати, как раз в этой связи Ленин и писал в подстрочном примечании к статье В. Воровского («Плоды демагогии»), коснувшегося этого вопроса: «Совершенная неправда утверждение Плеханова, будто охлаждение отношений у нас было из-за «Что делать?» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 546).

² Лен. сб. III, стр. 430.

Выработка идей старой «Искры» — программно-теоретических, тактических и

³ Переписка Плеханова и Аксельрода, т. II, стр. 181.

организационных—дело Ленина. В борьбе со всеми извращениями и «оттенками» выкристаллизовалась линия ленинской «Искры». Проведение в жизнь этой линии, строительство той организации «Искры», которая ко времени II съезда и оказалась партией,—это в не меньшей мере также—дело Ленина. Кто не знает, какая невероятная работа проделана Лениным именно в годы старой «Искры» по налаживанию связей, по подбору агентов, по проверке их работы, по руководству всей этой сложной машиной, работавшей в тяжчайших условиях подполья, слежки и крайней скудости материальных средств! Достаточно бегло просмотреть переписку старой «Искры», т. е. Ленина, с местными организациями, чтобы получить представление о неустанных заботах Ленина и о самом конкретном руководстве его всеми отраслями искровской работы.

Естественно, что Ленин всегда был в курсе жизни партии, партийной массы, рабочей массы. Известно, с каким глубоким вниманием Ленин относился ко всякой вести из России, особенно к письмам и корреспонденциям рабочих. А когда за границей появлялся свежий человек, только что из России приехавший и связанный с партией, с массой, Ленин всегда считал делом первостепенной важности личную беседу с таким товарищем.

Известно, что полную противоположность этому составлял Плеханов. Любопытно например, что в ряде случаев Плеха-

нов в переписке с Лениным отмечает это обстоятельство—оторванность свою от гущи живой жизни, от масс, от пролетарской революционной России. Вот например он получает задание от редакции—написать статью о Парижской коммуне. «А о Коммуне написать можно,—отвечает он Ленину в письме от 20 апреля 1901 г.,—только Коммуна—ведь это древняя история. Хочется мне написать о текущих событиях, а для этого надо бы проникнуться вашим духом и вашими новостями. Буду стараться достать денег и приеду к Вам пожить с вами. В такое время тяжело быть вдали от Вас»¹. И хотя он сознает эту отчужденность, он все же продолжает оставаться таким же отчужденным. Проникнуться ленинским «духом»—этого не было дано Плеханову.

Примиренческие шатания Плеханова вскоре после II съезда и последовавший затем открытый переход его на сторону меньшевиков не были случайностью.

И когда «весь цвет сознательного пролетариата», как говорил Ленин, стал на сторону «Искры», на сторону Ленина, когда с оформлением большевизма под руководством Ленина был подготовлен раскол с российским и международным оппортунизмом, Г. В. Плеханов не мог не оказаться в рядах меньшевиков.

¹ Лен. сб. III, стр. 161. Подчеркнуто мною.

ИЗ ПИСЬМА ПЕТЕРБУРГСКОГО РАБОЧЕГО-ТКАЧА В „ИСКРУ“ (№ 7, август 1901 года)

„Я МНОГИМ ТОВАРИЩАМ ПОКАЗЫВАЛ „ИСКРУ“ (№ 4), И ВЕСЬ № ИСТРЕПАЛСЯ, А ОН ДОРОГ, МНОГО ДОРОЖЕ („РАБОЧЕЙ“), „МЫСЛИ“, ХОТЬ И НЕТ ТАМ НАШИХ СТРОК“.

„...Рабочий народ теперь легко может загореться—уже все тлеет внизу. Нужна только искра, и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень“.

„...ТЕПЕРЬ УЖ НАМ НЕ КАССЫ НУЖНЫ, НЕ КРУЖКИ, ДАЖЕ НЕ КНИЖКИ, ТЕПЕРЬ ПРОСТО УЧИ, КАК В БОЙ ИГТИ, КАК В БОЮ ВОЕВАТЬ“.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ

II С'ЕЗДА ПАРТИИ

Общая характеристика и состав с'езда

30 июля 1903 г. открылся II с'езд партии. Тридцать лет прошло с тех пор, как оформилась большевистская партия. Тридцать лет упорной и напряженной борьбы большевиков являются годами славной истории нашей партии, которая в решительной борьбе против всех форм оппортунизма возглавила революционное движение рабочего класса, привела его через горнило трех революций к победе диктатуры пролетариата и уверенно ведет его к коммунизму.

Образование большевистской партии и ее раскол с оппортунистами и центристами в российском социал-демократическом движении были фактом громадного международного значения.

Корни появления ленинской большевистской партии лежат в международной обстановке эпохи империализма.

Рабочие партии капиталистических стран Запада возникли в период более или менее «мирного» развития, когда рост капитализма еще шел по восходящей линии. Большевистская партия возникла в эпоху империализма, «когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма» (Сталин).

Этот период ставил перед пролетариатом новые задачи и требовал перестройки всей партийной работы, воспитания рабочих в духе революционной борьбы за власть, подтягивания резервов, подготовки союза с пролетариями всех стран, установления прочных связей с освободительным движением колоний и зависимых стран и т. д. Эти новые задачи не могли быть разрешены сила-

ми старых социал-демократических партий, воспитанных в мирных условиях парламентаризма.

Отсюда необходимость партии нового типа — партии боевой, последовательно-революционной, без которой нечего было и думать о свержении империализма, о завоевании диктатуры пролетариата.

Основным условием для создания боевой партии была прежде всего резкая размежевка со всеми оппортунистическими, буржуазными и мелкобуржуазными элементами. «Прежде чем объединиться и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться» — писал Ленин в «Заявлении редакции «Искры»¹.

Объявлением войны против оппортунизма во всех его разновидностях и во всех странах Ленин вел линию на разрыв, на раскол с оппортунизмом не только в России, но и в международном рабочем движении. На страницах «Искры» было во всеуслышание заявлено о необходимости разрыва между Горой и Жирондой в международной социал-демократии.

В трехлетней борьбе за партию «Искра», возглавляемая Лениным, сумела расправиться с экономизмом, переломить кустарнические тенденции, оформить идейные, организационные и тактические принципы революционной социал-демократии. «Искра» была связана почти со всеми с.-д. организациями России, объединила вокруг себя деятельность многих местных комитетов и таким путем реально подготовила возможность созыва II с'езда.

Главная задача с'езда состояла «в созидании действительной партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой» (Ленин). Исковская программа, стратегия, тактика и организация должны были получить закрепление в решениях с'езда партии. После I с'езда партии фактически не существовало. И только деятельность «Искры» создала идейные и организационные принципы для организации сплоченной партии. Этого нельзя было достигнуть без борьбы против шатких, колеблющихся и оппортунистических представителей на с'езде. На с'езде присутствовали и такие организации, которые прямо вели борьбу против «Искры» («Рабочее дело» и Бунд), и такие, которые отличались неустойчивостью и примиренчеством в принципиальных вопросах.

¹ Ленин, т. IV, стр. 39 — 40

как группа «Южный рабочий» и примыкавшие к ней некоторые другие комитеты.

Идейный разброд, который имел место в конце 90-х годов, нашел свое отражение в том размежевании на группы, которые сложились на II съезде партии.

Вот основные группировки, какие сложились на съезде:

Искровцы	большинства	20 чел.	имели	24 голоса
"	меньшинства	7 "	"	9 "
Болото	} центр	4 "	"	6 "
«Южный рабочий»		4 "	"	4 "
«Рабочее дело»		3 "	"	3 "
Бунд (антиискровцы)		5 "	"	5 "

Итого 43 чел. имели 51 голос

Эта таблица ясно говорит нам, как ничтожны были эти группы численно и как много сделала «Искра» в деле идейного объединения.

Тот раскол, который произошел среди «искровцев», не был случайным. В самом начале съезда, как отмечает Ленин, из 33 искровцев 24 были твердой линии и 9 — «мягкой», вернее зигзаговой линии¹. В процессе самого съезда они оформляются: первые — в революционное большинство, вторые — в оппортунистическое меньшинство.

Болото с его нерешительной, колеблющейся

¹ Лен. сб. VI. «Рассказ о втором съезде», стр. 221.

ся позицией помогало оппортунистическим элементам съезда. Делегаты «Южного рабочего» отличались сепаратистскими стремлениями, что особенно выявилося тогда, когда съезд поставил вопрос о роспуске группы «Южный рабочий».

Были и прямые «антиискровцы»: три рабочедельца, последователи экономизма, два представителя «Заграничного союза русских социал-демократов» и один представитель «Петербургской рабочей организации» такого же направления.

Делегаты Бунда занимали также открытую антиискровскую линию по всем вопросам. Не было почти ни одного предложения искровцев, ни одного пункта программы или устава, против которых бундовцы не выступали бы вместе с рабочедельцами.

Характеристика различных группировок на съезде дает ответ, почему по некоторым вопросам побеждали меньшевики. Меньшевистские решения проходили благодаря союзу меньшевиков с болотом и антиискровцами. Последние же поддерживали меньшевиков, чтобы в своих интересах использовать наметившийся раскол между искровцами. Так, Акимов в дискуссии по параграфу 1-му организационного устава заявил: «Тов. Мартов и Ленин спорят: какая (формулировка. — К. Р.) лучше достигает их общей цели. Я и Брукер хотим выбрать ту, которая меньше достигает цели. В этом отношении я выбираю формулировку Мартова»².

В итоге оказалось, что как только бундовцы и два рабочедельца ушли со съезда, в большинстве постоянно оказывались искровцы твердой линии.

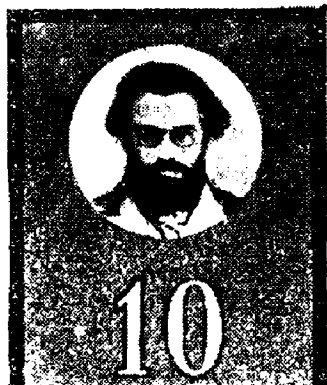
С первого же заседания съезда Ленину пришлось вести борьбу за партию нового типа как против антиискровцев и «центра», так и против меньшевиков.

Даже определение состава и порядка за-

² Протоколы II съезда, стр. 233.

Распределение членов съезда по группировкам
Количество голосов

ИСКРОВЦЫ Б-ВА
IV-25

ЦЕНТР

ИСКРОВЦЫ М-ВА

АНТИИСКРОВЦЫ

седаний с'езда имело принципиальное значение, так как с самого начала надо было добиться признания на с'езде искровского направления как основного направления в создании партии.

Еще до принятия повестки дня с'езда произошёл инцидент по вопросу о приглашении на с'езд группы «Борьба». Большевики были против приглашения группы «Борьба», так как это означало бы узаконить кружковщину в партии. За приглашение были антиискровцы — экономисты и бундисты, «центр» («Южный рабочий») и некоторые из искряков (Александрова, член ОК). Таким образом принципиальная суть борьбы по этому вопросу с'езда сводилась к вопросу — кружковщина или партийность.

Борьба за партийность и за сохранение компактного большинства искровцев в течение всего с'езда была основной задачей Ленина на II с'езде.

Еще в самом начале открытия с'езда состоялось тайное и неоформленное заседание организации «Искры», на котором была отмечена дружная работа искряков на первых заседаниях с'езда, и решено в случае спорных вопросов прибегать к авторитету организации «Искры». Эти заседания были чрезвычайно важны. В них окончательно сформировался раскол внутри искряков.

Сразу же после инцидента с ОК встал вопрос о порядке дня с'езда, который в то время имел сугубо принципиальное значение. Дело шло о том, чтобы на первое место поставить вопрос о месте Бунда в партии и о центральном органе партии.

Ленин настаивал именно на таком порядке дня, так как в этом случае сразу же определится то направление, которое должно быть взято с'ездом. Уход Бунда из партии показал правильность большевистской позиции.

На с'езде был принят порядок дня, предложенный ОК. Все вопросы с'езда можно разбить на три основных группы: 1) вопросы программы, 2) организационные и

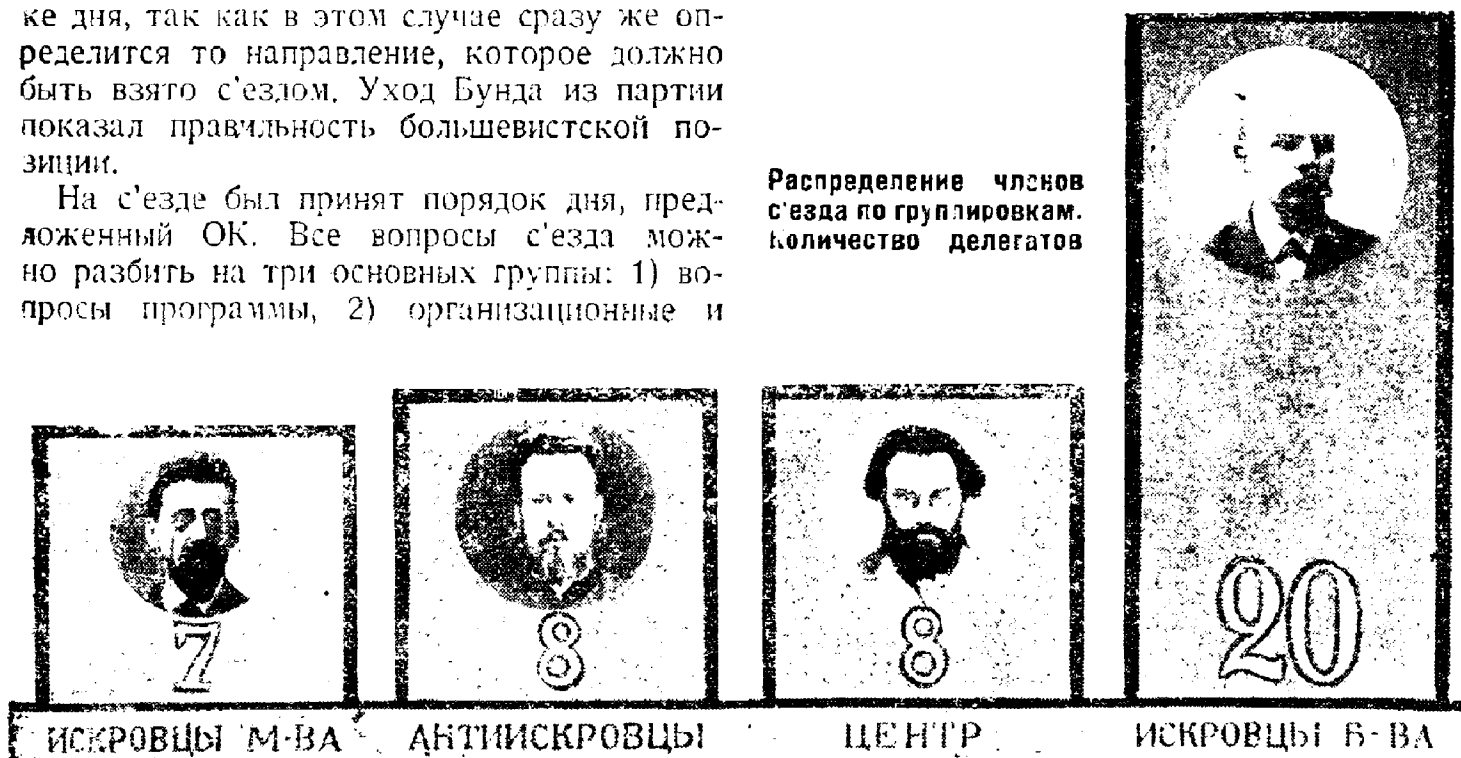
3) тактические. Центральными вопросами борьбы на с'езде стали организационные вопросы, но они целиком исходили из тех программных и тактических установок, которые защищали большевики на с'езде и против которых ополчились меньшевики при активной поддержке антиискровцев и «центра».

Программные вопросы

Первым крупным вопросом на с'езде было принятие программы партии. Борьба вокруг программы партии имела место еще в редакции «Искры». На с'езде эта борьба еще более разгорелась. Против принятия программы партии выступили все антиискровцы — рабочедельцы, Мартынов и Акимов в союзе с бундовцами. Они были целиком против этой программы партии.

Та программа, которую защищали большевики на с'езде, была единственной в то время программой, в которой подчеркивалась роль партии как авангарда рабочего класса, роль рабочего класса как гегемона революционного движения и роль крестьянства как союзника рабочего класса в борьбе против феодально-крепостнических остатков. А главное это была первая программа, в которой под твердым настоянием Ленина было выдвинуто требование борьбы рабочего класса за диктатуру пролетариата, победа которой могла осуществиться в России в результате перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, на основе внутреннего соотношения классовых сил.

Распределение членов с'езда по группировкам. Количество делегатов

«Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров» — так было сформулировано это требование в программе партии. Оно являлось исходным и главным требованием большевиков, которое защищал Ленин против Плеханова и его сподвижников еще накануне II съезда и которое отстаивали большевики на II съезде и после него против всех оппортунистов и центристов.

Против диктатуры пролетариата на II съезде выступили все оппортунисты, в том числе меньшевики и Троцкий.

Троцкий не только поддержал в этом вопросе отъявленного оппортуниста Акимов, но и пошел дальше, доказывая по существу невозможность осуществления диктатуры пролетариата вообще.

«Его (Акимов), — говорил Троцкий, — пугает диктатура пролетариата как якобинский акт. Он забывает, что эта диктатура будет возможна лишь тогда, когда социал-демократическая партия и рабочий класс, противопоставление которых его так смущает, будут наиболее близки к отождествлению».

В этом выступлении Троцкого сказалось его непонимание взаимоотношений между партией и классом. Ждать, когда партия будет отождествлена с классом, или, иначе говоря, когда весь класс войдет в партию, означало отрицать роль партии как авангарда класса и доказывать, что рабочий класс никогда не сможет добиться диктатуры пролетариата.

Идея революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства была органически чужда Троцкому, как и вообще всем меньшевикам.

Только большевики решительно поставили вопрос о гегемонии рабочего класса в революционном движении и выяснили революционную роль крестьянства как союзника рабочего класса в борьбе против самодержавия.

Основная задача большевиков состояла в подготовке к революции. Для победоносного же проведения революции рабочий класс должен был позаботиться и о своем союзнике — крестьянстве. Из этого и исходила аграрная программа, принятая II съездом.

Выставление аграрной программы большевиками показало, что они считали обязательной работу среди крестьянства и выд-

вигали принципиальную линию в этом вопросе. Сущность аграрной программы «Искры» сводилась к борьбе против остатков крепостничества в целях развития классовой борьбы в деревне, в связи с чем выставлялись и практические требования: а) отмена выкупных и оброчных платежей, б) отмена законов, стесняющих крестьянина, в) возвращение крестьянам денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей, г) учреждение крестьянских комитетов для возвращения крестьянам земельных отрезков, д) предоставление судам права понижать денежную плату и расторгать кабальные договоры.

Против аграрной программы выступили антиискровцы. Отрицая роль рабочего класса как гегемона в предстоящей буржуазно-демократической революции и возможность ее перерастания в революцию социалистическую, недооценивая революционную роль крестьянства в борьбе против самодержавия, антиискровцы-экономисты считали ненужным и принятие аграрной программы партии. Мартынов в своем выступлении против аграрной программы исходил из того, «что предстоящая революция есть по существу миссия буржуазии». Он пытался противопоставить одну часть аграрной программы другой и аграрную программу в целом всей программе большевиков, имея целью добиться того, чтобы аграрная программа была отвергнута вообще.

Борьба вокруг аграрной программы была по существу не чем иным, как борьбой за гегемонию рабочего класса в революционном движении, за руководство крестьянством в предстоящей революции. В выступлениях антиискровцев сказались либерально-буржуазное отрицание ими задач рабочей партии в революционном движении, отрицание революционной роли крестьянства и недооценка руководящей роли рабочего класса. А это ведь неизбежно вело к признанию руководящей роли за либеральной буржуазией и к отказу от самостоятельной роли рабочего класса.

Это с особенной силой сказалось в выступлении Махова (болото), который заявил буквально следующее:

«С крестьянством хотят оперировать как с чем-то единым по составу, а так как крестьянство уже давно расслоено на классы, то выставление единой программы неизбежно ведет к тому, что программа становится в целом демагогической и при проведении в жизнь делается авантюрой».

Поэтому он предлагал «отвергнуть аграрную программу целиком»¹.

Оценивая аграрную часть программы, принятой II съездом, следует помнить, что эта программа впервые нащупывала конкретные требования, с помощью которых пролетариат мог повести за собой крестьянство.

Принятием на II съезде аграрной программы было положено начало борьбы за крестьянство, против помещиков-феодалов и против буржуазии. Большевики доказали, что только под руководством рабочего класса трудящееся крестьянство может выйти из-под гнета и кабалы помещика, капиталиста и кулака. Историческое значение аграрной программы заключалось в том, что ею был поставлен вопрос о расчистке почвы для классовой борьбы в деревне и определена классовая основа такого соотношения внутренних сил, какое обеспечило бы перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Съезд посвятил также много внимания национальному вопросу. Большевики приняли в своей программе пункт о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Буржуазно-реформистским теориям западноевропейских партий II интернационала о лозунге культурно-национальной автономии, защищаемым Бундом и делегатами польской социал-демократии, была объявлена решительная борьба.

Вопросы тактики

Из программных требований большевиков вытекала и тактика революционной партии.

Большевики готовились к революции. Это определяло и их тактику. Эта тактика должна была получить свое оформление и в решениях партийного съезда. Ленин накануне съезда подготовил проекты всех основных резолюций, которые защищались большевиками на II съезде. Наиболее важными резолюциями в этом отношении являются резолюции о демонстрациях, об отношении к либеральной буржуазии и об отношении к социалистам-революционерам.

Готовясь к революции, большевики ставили вопрос о мобилизации рабочих масс на борьбу против самодержавия. Поэтому «в проекте резолюции ко II съезду партии о демонстрациях» Ленин писал о том, что весьма важным средством политического воспитания рабочих масс является устрой-

ство публичных демонстраций против самодержавия. Чрезвычайно важно, что уже в это время Ленин считал необходимым начать подготовку к вооруженному восстанию путем распространения в рабочих массах убеждения в необходимости и неизбежности вооруженного восстания. «Съезд рекомендует, — писал Ленин, — всем комитетам и остальным организациям партии подвергнуть всестороннему обсуждению вопрос о подготовке вооруженного восстания и стараться всеми силами распространять в рабочих массах убеждение в необходимости и неизбежности восстания. Практические меры, которые уже теперь могут быть приняты к подготовке восстания, возлагаются съездом исключительно и всецело на ЦК»².

Подготовка масс к самым решительным революционным действиям — вот что лежало в основе большевистской тактики. На самом съезде проект о демонстрациях был представлен Мартовым, но на нем сказалось чрезвычайно сильно влияние Ленина.

В принятой резолюции о демонстрациях интересно отметить, что впервые был поставлен вопрос о необходимости вооруженного отпора полиции и о пропаганде среди солдат в целях ознакомления их с характером и целью демонстраций и призыва к братанию с народом. Линия на развитие революционного движения и подготовка рабочих к вооруженному восстанию, к революции была основным стержнем всех решений и действий большевистской партии.

Подготовка к революции требовала ясной классовой постановки вопроса об отношении к другим политическим партиям: к партиям либеральной буржуазии и к мелкобуржуазным партиям.

С новой силой разгорелась борьба на съезде между последовательно классовой пролетарской тактикой и соглашательской реформистской тактикой меньшевиков.

Ленин принимал непосредственное участие в выработке резолюции об отношении к либералам, предложенной на съезде Плехановым. Эта резолюция говорила об «утилизации» буржуазии, поскольку она выступает революционно и играет оппозиционную роль по отношению к самодержавию. Но вместе с тем эта резолюция подчеркивала обязанность социал-демократии разоблачать перед рабочим классом контрреволюционную сущ-

¹ Протоколы II съезда, стр. 222, 234.

² Ленин, т. VI, стр. 5. Подчеркнуто мною. — К. Р.

ность этой же буржуазии. Ленин еще накануне съезда писал, что надо «утилизировать» это оппозиционное движение, ни в коем случае не вступая в соглашение с либеральной буржуазией.

Резолюция о либералах, предложенная Потресовым, страдала политической распыленностью и классовой неопределенностью, присущими русскому либерализму. В ней не только отсутствовал классовый анализ либерализма, но была взята установка на выработку «условий» соглашения с либералами.

Эта резолюция, подписанная Мартовым и Аксельродом, была в корне оппортунистической. Вопрос об отношении к либеральной буржуазии еще резче подчеркнул коренные разногласия между большевиками и меньшевиками.

Ленин считал принятие II съездом резолюции Потресова крупнейшей политической ошибкой. «Мы должны, — писал Ленин, — как можно усерднее (и перед возможно более широкими массами рабочих) направлять оружие своей критики против освободителей («Освобождение» — орган либеральной буржуазии. — К. Р.), чтобы в момент грядущей революции русский пролетариат мог настоящей критикой оружия парализовать неизбежные попытки гг. освободителей урезать демократический характер переворота»¹. Это было стержнем большевистской тактики в борьбе против либеральной буржуазии.

Так же принципиально большевики ставили вопрос об отношении к социалистам-революционерам. Большевики вели борьбу на два фронта в рабочем движении — против оппортунизма, который всегда является главным врагом рабочего движения, и против мелкобуржуазного революционизма, наиболее характерными представителями которого являлись социалисты-революционеры.

Резолюция, принятая на II съезде партии, указывала, что социалисты-революционеры теоретически и практически противодействуют усилиям социал-демократов сплотить рабочих в самостоятельную политическую партию, стараясь, наоборот, удержать их в состоянии политически неоформленной массы, способной служить лишь орудием либеральной буржуазии. Исходя из этого положения, II съезд констатировал, что социалисты-революционеры являются не более как буржуазно-демократической фракцией, «принципиальное отношение к которой со

стороны социал-демократии не может быть иное, чем к либеральным представителям буржуазии вообще»².

Съезд поэтому был решительно против установления союза или соглашений с социалистами-революционерами, как это предлагал Аксельрод, вносивший проект резолюции о социалистах-революционерах. По предложению Ленина, в резолюцию была внесена коренная поправка, суть которой состояла в окончательной размежевке с социалистами-революционерами. Съезд осудил «всякие попытки объединения социал-демократов с социалистами-революционерами, признавая возможным лишь частные соглашения с ними в отдельных случаях борьбы с царизмом, причем условия таких соглашений подлежат контролю центрального комитета».

Следующим крупным шагом в области руководства всеми формами рабочего движения были приняты съездом резолюции о профессиональной борьбе и о фабричных старостах. Резолюция съезда «о профессиональной борьбе» указывала на задачи партии в руководстве повседневной борьбой рабочих и объединения частных столкновений отдельных групп рабочих в одну организованную борьбу класса»³. Этим партия признавала обязательным партийное политическое руководство профсоюзным движением, отвергнув теорию «нейтральности профсоюзов». Съезд обращал особое внимание всей партии на борьбу против полицейского социализма — «зубатовщины». При этом съезд «признавал желательным, чтобы партийные организации поддерживали и направляли стачки, вызванные легальными рабочими организациями, и пользовались в то же время этими столкновениями для разоблачения реакционного характера союза рабочих с самодержавием».

Другим чрезвычайно важным решением партийного съезда было принятие резолюции, предложенной Лениным «об отношении к учащейся молодежи». В этой резолюции партия приветствовала развитие революционного движения среди учащейся молодежи и рекомендовала им организоваться в группы и кружки в целях выработки последовательного марксистского мировоззрения для борьбы против народничества и оппортунизма. При этом резолюция подчеркивала, что развитие революционного движения молодежи сможет избежать ошибок только при

¹ Ленин, т. VI, стр. 264.

² Протоколы II съезда, стр. 428.

³ Протоколы II съезда, стр. 430.

том условии, если это движение будет иметь связь с партией и находиться под ее влиянием. В этом решении была заложена ленинская идея о создании коммунистического союза молодежи.

С'езд осудил еврейские погромы и принял решение об активной борьбе против них путем прежде всего «выяснения пролетариату реакционной и классовой подкладки антисемитских и всяких других национал-шовинистических подстрекательств».

Затем с'езд принял специальное решение о лучшей постановке пропаганды путем создания кадров агитаторов и пропагандистов, о разработке систематических указателей для занятий в кружках и расширении изданий партийной литературы.

Организационные вопросы

Оппортунизм в вопросах программы и в вопросах тактики неизбежно связан с оппортунизмом в организационных вопросах. А на заре создания революционной партии организационные вопросы являются определяющими всю ее дальнейшую деятельность.

Основная задача с'езда состояла в создании действительной партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой». Организационные принципы построения большевистской партии были развиты Лениным на страницах «Искры», разработаны со всей полнотой в брошюре «Что делать?» и подробно разъяснены «в виде почти что устава» в «Письме к товарищу о наших организационных задачах». В брошюре «Что делать?» Ленин охарактеризовал тот тип партии, какой должна была представлять партия большевиков.

Борьба за партию нового типа, партию боевую, тесно связанную с массами рабочего класса и руководящую всей классовой борьбой пролетариата, возглавляющую борьбу рабочего класса за победу диктатуры пролетариата, за победу социализма, коммунизма, — такова была ленинская идея, положенная в основу создания большевистской партии.

Организационные принципы большевизма, развитые Лениным еще до II с'езда партии, должны были быть закреплены в организационных решениях с'езда и прежде всего в принятии организационного устава партии.

Вокруг организационных вопросов развернулась серьезная борьба на с'езде. От исхода этой борьбы зависело, быть ли пар-

тии большевистской или оказаться в руках оппортунистов и центристов.

Все внимание с'езда было обращено на борьбу с национальной обособленностью, сепаратизмом, кружковщиной — за сильную идейно и организационно спаянную единую партию пролетариата.

Первый бой пришлось выдержать с Бундом. То или иное решение вопроса о месте Бунда в партии должно было показать, насколько местные организации за время с I с'езда успели изжить разброд и шатания, потрясавшие партию.

В связи с этим на с'езде возникли два вопроса: 1) на каких началах — федеративных или автономных или на принципе строжайшей централизации — должна строиться российская с.-д. рабочая партия, 2) может ли партия рабочего класса строиться по национальным признакам. Большевики были за строго централизованную интернациональную организацию партии.

Само собой разумеется, что предложение Бунда было отвергнуто II с'ездом, а когда был принят в соответствующей формулировке устав партии, представители Бунда не подчинились большинству и ушли со с'езда.

Решением по вопросу о Бунде партийный с'езд ясно сказал, что создается единая рабочая партия, охватывающая все народы России.

Докладчиком по вопросу о партийном уставе был Ленин, предложивший свой проект большевистской организации партии. Параграф 1-й устава подвергся ожесточенной критике и занял ряд заседаний особой комиссии с'езда. На обсуждение были предложены две известных формулировки этого пункта — Ленина и Мартова. Ленин требовал от члена партии личного участия в партийной организации. Мартов считал возможным для члена партии ограничиться личным содействием парторганизации.

Чрезвычайно характерно, что формулировка Мартова была просто списана с § 1 устава германской социал-демократии и показывала единство русских меньшевиков с оппортунистами из партии II интернационала.

Параграф 1-й устава германской с.-д. гласил:

«Членом партии считается всякий, кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил».

Меньшевики утверждали, что чем шире партия, тем лучше. Они были за то, чтобы всех желающих вообще включить в партию.

Они смешивали два понятия — партия и класс, они растворяли партию в класс, тем самым понижая руководство классовой борьбой пролетариата со стороны его авангарда, которому должна принадлежать руководящая роль. Это стремление меньшевиков удачно охарактеризовал Ленин как хвостизм в организационных вопросах, равный организационному оппортунизму.

Ленин по поводу формулировки Мартова писал: «Дело в том, что возможны два толкования формулы Мартова: 1) членом партии вправе «объявить себя» (слова самого Мартова) всякий, кто оказывает ей регулярное личное содействие и работает под руководством одной из ее организаций, 2) членом партии всякая ее организация вправе признать всякого».

Недаром за эту формулировку ухватились Либер, Акимов, Мартынов. Неслучайно Аксельрод стал ссылаться на профессоров, а Попов и Троцкий, которые поддерживали Мартова, — на студентов. Ленин горячо выступал против всех своих противников, говоря, что рабочим не страшна твердая организация, а формула Мартова либо останется мертвой буквой, либо принесет пользу главным образом «интеллигентам, насквозь пропитанным буржуазным индивидуализмом».

По схеме Мартова партия должна была состоять:

из организации революционеров плюс организации рабочих, признанных партийными, плюс организации рабочих, непризнанных партийными (преимущественно из «независимых»), плюс одиночки, исполняющие разные функции, профессора, гимназисты, плюс «каждый стачечник» и т. д.

Ленин решительно выступил против этих буржуазно-интеллигентских и анархических принципов, которые шли прямо вразрез с интересами рабочего класса. Право носить почетное и ответственное звание члена партии могли только лучшие представители рабочего класса. «Чем крепче будут наши партийные организации, — писал Ленин, — включающие в себя действительных социал-демократов, чем меньше шаткости и неустойчивости будет внутри партии, тем шире, разностороннее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее, руководимые ею элементы рабочих масс. Ведь нельзя же смешивать

в самом деле партию как передовой отряд рабочего класса со всем классом»¹.

Партия рабочего класса должна была быть монолитной, крепко спаянной организацией членов партии и, являясь организованным авангардом рабочего класса, связываться не посредственно и через ряд других организаций со всем рабочим классом.

Меньшевики, ведущие линию на соглашение с буржуазией, были решительно против создания такой партии. Они видели в создании большевистской партии свою собственную гибель и поэтому были за «широкую партию, партию расплывчатую, партию, которая бы тянула назад рабочий класс».

Недаром при голосовании § 1 устава все наименее революционно устойчивые и наименее принципиально выдержанные элементы «сразу двинули все свои силы для расширения той щели, той пробоины, которая оказалась во взглядах революционной социал-демократии»².

Меньшевики при голосовании § 1 устава получили большинство благодаря поддержке антиискровцев (экономистов) и центра.

Ленин на все нападки, которые посыпались на него за то, что он будто бы создает «осадное положение» в партии, «исключительные законы» против отдельных лиц и групп, отвечал:

«По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, но обязаны создавать «осадное положение», и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как «осадное положение» для столь многочисленных источников политической расплывчатости. Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные, законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для таких законов и таких мер».

Тов. Сталин с самого начала своей революционной деятельности встал на сторону Ленина и вместе с Лениным после II съезда вел активную борьбу против меньшевиков. В своей брошюре «Вскользь о партийных разногласиях», вышедшей в 1905 г., т. Сталин разоблачал оппортунистическую, предательскую сущность меньшевизма.

Оценивая позже организационный план Ленина, т. Сталин писал:

¹ Ленин, т. VI, стр. 205. Подчеркнуто мною. — К. Р.

² Ленин, т. VI, стр. 219.

«Задача состояла в том, чтобы отделить овец от козлят, отмежеваться от чужаков, организовать кадры опытных революционеров на местах, дать им ясную программу и твердую практику, наконец собрать эти кадры в единую боевую организацию профессиональных революционеров, достаточно конспиративную для того, чтобы устоять против жандармских набегов, но вместе с тем достаточно связанную с массами для того, чтобы повести их в нужную минуту на борьбу.

Меньшевики, те самые, что «лежат» на точке зрения марксизма, решали вопрос просто: так как на Западе рабочая партия вышла из беспартийных профессиональных союзов, борющихся за улучшение экономического положения рабочего класса, то в России следует проделать по возможности то же самое, т. е. пока ограничиться «экономической борьбой рабочих с хозяевами и правительством» на местах, не создавая общерусской боевой организации, а потом... потом, если не появятся к тому времени профессиональные союзы, созвать беспартийный рабочий съезд и объявить его партией.

О том, что этот «марксистский» план меньшевиков утопический для русских условий, предполагает тем не менее широкую агитационную работу, направленную на принижение идей партийности, уничтожение партийных кадров, оставление пролетариата без своей партии и отдачу рабочего класса на съедение либералам, — о том едва ли догадывался тогда меньшевики, да пожалуй и многие из большевиков.

Величайшая заслуга Ленина перед русским пролетариатом и его партией состоит в том, что он раскрыл всю опасность меньшевистского организационного «плана» еще в тот момент, когда «план» был едва зачат, когда сами авторы «плана» с трудом представляли ясно его очертания, и, раскрыв его, открыли бешеную атаку против организационной распушенности меньшевиков, сосредоточив все внимание практиков на этом вопросе. Ибо речь шла о жизни и смерти партии.

Поставить общерусскую политическую газету как центр стягивания партийных сил, организовать стойкие партийные кадры на местах как «регулярные части» партии, со-

брать эти кадры воедино через газеты и сплотить их в общерусскую боевую партию с резко обозначенными границами, с ясной программой, твердой тактикой, единой волей, — вот какой план развил Ленин в своих знаменитых книжках «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад». Достоинство этого плана состояло в том, что он вполне отвечал действительности и мастерски обобщал организационный опыт лучших практиков. В борьбе за этот план большинство русских практиков решительно пошло за Лениным, не останавливаясь перед расколом. Победа этого плана заложила фундамент той сплоченной и закаленной коммунистической партии, равной которой не знает мир»¹.

В этих словах т. Сталин ярко вскрывает сущность борьбы Ленина и большевиков за большевистскую партию, «равной которой не знает мир».

Борьба за такую боевую партию с резко обозначенными границами, с ясной программой, твердой практикой и единой волей и была дана Лениным в его организационном уставе и во всем организационном плане создания партии.

Раскол с меньшевиками

Могли ли большевики остаться в одной партии с оппортунистами и центристами? Конечно нет. Это показал и весь опыт борьбы большевиков за партию и против экономизма и в редакции «Искры», и в борьбе за созыв съезда партии, и на самом съезде, и после него. Большевики открыто пошли на раскол с оппортунистами и центристами.

Раскол большевиков с меньшевиками и центристами, происшедший на II съезде партии, имел огромное международное значение.

В результате раскола на II съезде образовались две партии. Еще в 1902 г. в брошюре «Что делать?» Ленин писал об образовании двух направлений в международной социал-демократии, «борьба между которыми то разгорается и вспыхивает ярким пламенем, то затихает и тлеет под пеплом внушительных резолюций о перемирии».

¹ Сталин, О Ленине, «Правда» № 86, апрель 1920 г. Подчеркнуто мною.—К. Р.

Эта борьба в России шла между организуемой большевистской партией и экономизмом. Она превратилась в борьбу большевиков против меньшевиков и центристов. «Экономизм видоизменился в «меньшевизм», отстаивание революционной тактики старой «Искры» создало большевизм»¹.

Новое деление отодвинуло далеко назад все прежние деления в русском, да и в международном рабочем движении. Ленин был глубоко прав, когда в 1902 г. писал, что «распря различных направлений внутри социализма превратилась из национальной в интернациональную».

И дальше Ленин, вскрывая международную общность оппортунизма, с замечательной четкостью показал интернациональные задачи революционной социал-демократии в борьбе против оппортунизма в международном рабочем движении.

«В прежние времена,— писал он,— споры между лассальянцами и эйзенахцами, между гэдистами и POSSИБИЛИСТАМИ, между фабианцами и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили так сказать в разных плоскостях. В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министриалисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики, — все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма. Может быть в этой первой действительно международной схватке с социалистическим оппортунизмом международная революционная социал-демократия достаточно окрепнет, чтобы положить конец давно уже царящей в Европе политической реакции»².

Эта роль и выпала на долю большевиков.

Все, что было революционного, формировалось вокруг большевиков, а все оппортунисты и центристы II интернационала всеми силами поддерживали меньшевиков и центристов в России в их борьбе с большевиками.

В той борьбе, которую подняли меньшевики против партии, они были поддержаны всеми крупнейшими вождями II интернацио-

нала. Блок Плеханова — Мартынова — Троцкого в борьбе против большевиков был поддержан блоком Бернштейна — Каутского. В этой ожесточенной борьбе пролетарско-революционного направления и интеллигентски-оппортунистического не остались нейтральными и левые радикалы в германской социал-демократии, образование партии которых только еще наметилось. Парвус и Роза Люксембург выступили на стороне «обиженных» русских меньшевиков. Эта размежевка совершенно ясно определилась еще до созыва Амстердамского конгресса в 1904 г., на котором большевики вели линию на разрыв, на раскол с оппортунистами и центристами из II интернационала.

Международное значение II съезда

Решение о созыве Амстердамского конгресса, вынесенное на съезде, имело огромное принципиальное и международное значение. Съезд принял резолюцию о том, чтобы и на Амстердамском конгрессе представители партии «защищали те принципы революционной социал-демократии, которыми партия руководствуется во всей своей деятельности»³.

И на II съезде и сразу же после него Ленин продолжал борьбу за большевистскую линию в международном рабочем движении. Осенью 1903 г. Ленин дал директиву т. Лядову — взять все заграничные связи в свои руки. Он писал: «Возьмите письмо себе от ЦК, заявите себя перед «Parteivorstand»⁴ агентом ЦК и заберите все немецкие связи целиком в свои руки»⁵.

Когда Лядов как представитель ЦК явился к редактору «Форвертса» Курту Эйслеру и рассказал ему о съезде, прося помещать корреспонденции о работе большевиков, тот ответил, что в России вообще много партий и они вовсе не обязаны отдавать предпочтение большевикам. Эта позиция редактора «Форвертса», проводившего линию Бебеля и Каутского, характеризует отношение к большевикам в партиях II интернационала.

Центристская позиция Бебеля и Каутского чрезвычайно ярко вскрылась на Дрезденском партийном съезде германской социал-демократии в сентябре 1903 г. По директи-

¹ Ленин, т. XIII, стр. 124.

² Ленин, т. IV, стр. 366. Подчеркнуто мною. — К. Р.

³ Протоколы II съезда, стр. 132, изд. 1932 г.

⁴ Parteivorstand — ЦК Германской с.-д. партии.

⁵ Лен. сб. VI, стр. 226.

ИСКРОВЦЫ БОЛЬШИНСТВА НА II С'ЕЗДЕ

Сверху слева направо: Ленин, Гусев, Бауман, Книпович, Ульянов, Землячка, Плеханов, Красиков, Виденский, Столани, Кнуньянц, Шотман, Стеланов, Горин, Зурабов, Лядов

же Ленина Лядов должен был выступить на этом съезде с докладом о расколе в России и о позиции большевиков. Тем самым борьба большевиков переносилась на международную арену. Тов. Лядов рассказывает в своих воспоминаниях, что делегаты съезда — массовики-рабочие сочувственно относились к той непримиримой линии, которую заняли большевики по отношению к оппортунистам.

Центральным вопросом этого съезда был вопрос, поднятый низами социал-демократических рабочих, об отношении к ревизионистам. На съезде было внесено местными организациями 115 предложений о борьбе с ревизионистами.

В резолюции, предложенной Каутским, в горячей речи Бебеля ревизионисты осуждались, но вопрос об их исключении даже и не ставился. Бебель выразил надежду на то, что они «подчинятся партийному съезду и прекратят свою дезорганизаторскую работу». В выступлениях Каутского и Бебеля сказались их центристские взгляды.

Таким образом на II съезде РСДРП и на Дрезденском партийтаге, состоявшихся в одном и том же году, наметились совершенно четко два течения в международном рабочем движении: большевизм и оппортунизм, организационно закрепившийся в партиях II интернационала.

Образование большевистской партии с ее революционной программой и тактикой, резко очерченными границами, тесно связанной с массами, было таким образом образованием и международной партии рабочего класса.

«Когда мне после, — рассказывал т. Лядов, — пришлось говорить по поводу этого съезда с Ильичем, он резко критиковал нерешительность Бебеля и Каутского, побоявшихся выбросить из партии оппортунистов. Он был уверен, что принятое на съезде осуждение ревизионизма не покончит с ним»¹.

Каутский принимал активное участие в том, чтобы воспрепятствовать выступлению большевиков с открытой революционной позицией в международном рабочем движении. Когда Лядов по поручению Ленина принес свою статью о разногласиях с меньшевиками для помещения в «Нее цейт», Каутский отказался ее поместить, мотивируя отказ тем, что «было бы желательно, чтобы стороны на время, предшествующее созыву съез-

да, прекратили всякую полемику между собой — не только прямую, но также и скрытую, которая раздражает еще сильнее»².

Свое письмо Каутский поместил на страницах меньшевистской «Искры». Это было открытым выступлением Каутского на стороне меньшевиков, которые находили поддержку не только в лице Бернштейна, но и всех центристов II интернационала.

Потресов, получив разрешение печатать ответ Каутского об отказе его поместить статью большевиков о разногласиях в России, писал Аксельроду: «Итак, первая бомба отлита, и с божьей помощью Ленин взлетит на воздух. Я придавал бы очень большое значение тому, чтобы был выработан общий план кампании против Ленина; взрывать его, так взрывать до конца, методически, планомерно... Прежде всего, мне думается, следует на него выпустить авторитет — Каутского (уже имеется), Розу Люксембург и Парвуса»³.

Однако никакие авторитеты II интернационала не могли поколебать растущего влияния большевиков.

Вслед за выступлением Каутского в № 69 меньшевистской «Искры» появилась статья Розы Люксембург «Организационные вопросы русской социал-демократии», в которой она взяла под защиту меньшевистские принципы организации партии против большевиков.

Эта статья была направлена против ленинской брошюры «Шаг вперед, два шага назад». Роза Люксембург выступала против Ленина, обвиняя его «в ультрацентралистических взглядах» и в бланкизме. Роза Люксембург защищала явный оппортунизм меньшевиков в организационных вопросах. Ленин тотчас же написал ответ Розе Люксембург и послал его Каутскому, который однако отказался его напечатать в газете германской социал-демократии.

В ответе Ленину по поводу непомещения его письма с критикой позиции Розы Люксембург Каутский писал: «Вы в этом ответе разбираете ссору в русской с.-д., обсуждение которого в «Нее цейт» я считаю ненужным, даже вредным»⁴.

Выборы на Амстердамский конгресс с новой силой подняли борьбу большевиков против меньшевиков.

² Каутский, О наших партийных разногласиях. «Искра» № 66.

³ Лен. сб. XV, стр. 130.

⁴ Лен. сб. IV, стр. 206.

¹ Доклад большевиков Амстердамскому конгрессу в 1904 г., стр. 6, изд. 1932 г.

Ленин считал обязательным выступление большевиков на этом конгрессе. С этой целью был написан и роздан всем делегатам доклад большевиков Амстердамскому международному конгрессу.

Таким образом, проведя раскол с оппортунистами и центристами в своих рядах, большевики положили начало борьбы с оппортунизмом и центризмом в международном рабочем движении, ведя в то же время борьбу и против непоследовательной политики левых радикалов.

«Всякий большевик знает, если он действительно большевик, что Ленин еще задолго до войны, примерно с 1903 — 1904 гг., когда оформилась в России группа большевиков и когда впервые дали о себе знать левые в германской социал-демо-

кратии, вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами и у нас, в российской социал-демократической партии, и во II интернационале, в частности в германской социал-демократии. Всякий большевик знает, что именно поэтому большевики уже тогда (1903 — 1905 гг.) отыскали себе в рядах оппортунистов почетную славу «раскольников», «дезорганизаторов» (Сталин).

Раскол на II съезде положил начало созданию международной ленинской партии, очищенной от оппортунизма и центризма.

Большевистская партия с тех пор является единственной партией международного пролетариата.

Карикатура г. Лепешинского «Сизифова работа» изображает меньшевистское «болото» и его болотных обитателей, причем Плеханов, прикрывая свой наготу только небольшим фиговым листком с надписью «диалектика», совершает беспечный труд вытаскивания за уши Мартова, совершенно засосанного болотной тinou. Сизиф — Плеханов; властитель дум — Мартынов; рак — П. Аксельрод; стрекоза — Кроткий; жаба — Старовер; змея — Дан; наверху спира — Ленин.

(Карикатура перепод II съезда)

— О боги, какое мучение!! Не успеешь одного молодчика вытащить за уши, как уж это человекообразное чудовище подцепило и тащит в свою мерзкую трясику другого... Так вот и барахтаешься все время в проклятом болоте, в котором того и гляди — сам еще увязнешь по самую макушку!..

КАК МЫШИ КОТА ХОРОНИЛИ

Назидательная сказка, сочинил не-Жуковский, посвящается партийным мышам.

В своей книге «Шаг вперед, два шага назад» т. Ленин подвергает анализу раскол на II съезде и послесъездовские перипетии борьбы. Меншевики на эту книгу ответили в «Искре» статьей Мартова «Вперед или назад» с подзаголовком «Вместо надгробного слова», в которой проводится мысль, что ленинское «пушечное ядро» пролетело, дескать, через головы меньшевиков. А САМ ЛЕНИН ПОЛИТИЧЕСКИ УМЕР. «Серьезность» этой меньшевистской «отповеди» и изобразил тогда же в карикатурах т. Лепешинский. Персонажи последней: Мурлыка (Ильич), Онуфрий (Плеханов), поэт Клим (Мартов), мышенок (Троцкий), другие мыши (Аксельрод, Вера Засулич, Потресов, Дан и Смилович Иппа).

Один наш лазутчик (коллега кота) нам донес, что Мурлыка повешен. Взбесилось наше подполье. Вот вздумали мы Кота погребить, и надгробное слово проворно состряпал в Ц. О. поэт наш придворный Клим, по прозванию Бешеный Хвост. Сам Онуфрий, премудрая крыса, на свет божий выполз из темной грущобы своей (боченок из-под диалектики служит жилищем ему), и молвил он нам. «Ах, глупые мыши! Вы, видно, забыли мое *Vadetesit*... Я старая крыса, и кошачий нрав мне довольно известен. Смотрите: Мурлыка висит без веревки, а мертвой петли вокруг шеи его я не вижу... Ох, чую, не кончатся эти поминки добром...» — Ну, мы восмеемся и начали лапы кота от бревна отди- рать, как вдруг — распустились когти и на пол хлопнулся кот, как мешок. Мы все по углам раз- бежались и с ужасом смотрим: что будет?..

Мурлыка лежит и не дышит. Вот мы принажились как тальные, прыгать, скакать и Кота тормошить. А премудрая крыса Онуфрий — от радости знат- нализался хмельного нитя «диалектики» так, что сразу забыл и про когти Мурлыки и даже про «фразу парадную в ложно-классическом стиле», об- лапив мышенка, который, хотя и не кончил трех классов гимназии, но к диалектике столь же боль- шое приращение имел, как и крыса Онуфрий, и всеми мышами был признан законным наследником крысы. Так вот, облапив мышенка, он в пляс с ним пустился под дудку «Кота в миниатюре» (из- воляте видеть — у нас среди «видных» мышей был тезка Кота, чем он очень гордился). Поэт же наш Клим, на Мурлыкино пузо взобравшись, на- чал оттуда читать нам надгробное слово, а мы го- мерически — ну хохотать! И вот что прочел он. «Жил-был Мурлыка, рыжая шкурка, усы, как у турка; был же он бешен, на бонапартизме поме- шан, за что и повешен. Радуйся, наше подполье!»

Но только успел он последнее слово промолвить, как вдруг наш покойник очнулся. Мы брыз — ерассыпную... Куда ты! Пошла тут ужасная тра- вля. — Тот бойкий мышенок, что с крысой старой откалывал вместе канка — домой без хвоста во- ротился. Несчастная ж крыса Онуфрий, забыв о предательских дверцах, свой хвост прищемил и по- вис над боченком, в котором обычно приют безо- пасный себе находил он, лишь только ему прихо- дилось крутенько. Его ж закадычный приятель друг с детства — успел прошептать лишь: «я это предвидел!»... и тут же свой дух испустил. А «Кот в миниатюре» с беднягой поэтом — прежде других всех — достались Мурлыке на завтра! Так кончился пир наш бедою...

О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

НА II С'ЕЗДЕ

Историческое значение борьбы за марксово учение о диктатуре пролетариата

В революционной борьбе пролетариата за коммунизм вопрос о диктатуре пролетариата является несомненно центральным.

Ленин неоднократно подчеркивал, что вопрос о диктатуре пролетариата — коренной вопрос современного рабочего движения во всех капиталистических странах. На истории учения о диктатуре, на его связи с историей всех революций угнетенных и эксплуатируемых классов против своих эксплуататоров, на роли и значении этого учения в общей истории марксизма Ленин останавливался много раз: «Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революции или ничего не хочет знать в этой области» — писал Ленин в статье «К истории вопроса о диктатуре» в 1920 г., отвечая на профессорски-педантские возражения реформистских лидеров II интернационала, которые не понимали диктатуры, не умели ее готовить и неспособны были ее осуществить. Ленин подчеркивал, что диктатура пролетариата — вот оселок, на котором испытываются действительное понимание и признание марксизма. «Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа» — писал Ленин в этой связи в «Государстве и революции».

Совершенно естественно, что именно большевизм, возникший в 1903 г. на самой прочной базе — теории марксизма, целиком и полностью опиравшийся во всей своей теоретической и практической борьбе на принципы марксизма, должен был высоко поднять на щит учение Маркса о диктатуре пролетариата, сделав его центральным и решающим вопросом всей своей исторической борьбы.

Вот почему и на II с'езде, где закладывался фундамент большевистской партии именно как партии борьбы за диктатуру пролетариата, этот вопрос занял такое решающее место. Фактически разногласия по всем вопросам сводились в конечном счете к пониманию этого основного вопроса, ибо в нем, как в фокусе, сконцентрировались все основные вопросы пролетарской революции. В свете учения о диктатуре пролетариата особое значение получал и вопрос о пролетарской партии как организованном авангарде рабочего класса.

Борьба, развернувшаяся вокруг вопроса о диктатуре пролетариата на II с'езде, не была случайным эпизодом, оторванным от всей предшествующей борьбы Ленина. Наоборот, она как бы завершала целый этап тех ожесточенных столкновений и того идейного размежевания с врагами революционного марксизма, начало которому Ленин положил еще в 90-х годах — с первых дней своей политической деятельности и борьбы.

Ленин явился прямым продолжателем дела Маркса и Энгельса, для которых диктатура пролетариата была краеугольным камнем их учения.

Идею диктатуры пролетариата Маркс в известном письме к Вейдемейеру в 1852 г. сам определил как основное в марксизме. «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата и 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»... (подчеркнуто нами. — Б. К.).

Уже в «Коммунистическом манифесте», ставшем научным синтезом всего предшествующего Марксу политического и боевого опыта рабочего класса, были сжато изло-

жены основы учения о диктатуре пролетариата. Пролетариат как основная историческая сила общественного преобразования становится во главе всех угнетенных классов общества, совершает революционный переворот и устанавливает свою диктатуру на весь переходный период от капитализма к коммунизму. Теоретически намеченное Марксом и Энгельсом до революции 1848 г. учение об исторической роли пролетариата на опыте революций 1848 — 1871 гг. кристаллизуется в учение о гегемонии пролетариата в буржуазной революции, в учение о диктатуре пролетариата, получившее на опыте Парижской коммуны свое величайшее историческое подтверждение.

Вопрос о диктатуре пролетариата и отношение к нему других социалистов становятся у Маркса и Энгельса лакмусовой бумажкой для проверки революционности и пригодности для пролетариата той или иной политики или теории. Именно по этой линии разворачивают основоположники марксизма свою идейную борьбу на два фронта, отмежевываясь от непролетарских, неревolutionных и ненаучных доктрин Бланки, Прудона и Луи Блана, представлявших, несмотря на различие взглядов и методов борьбы, единство в основном — в своем отрицании исторической роли пролетариата, через диктатуру идущего к построению коммунистического общества. Это же основное расхождение во взглядах и понимании необходимости диктатуры пролетариата было причиной той длительной борьбы, которую Маркс вел с Прудоном, Бакуниным и Лассалем, которая привела к фактическому расколу в I интернационале.

После смерти Маркса и Энгельса, когда учение Маркса одержало победу и пошло вширь, когда созревание пролетариата, а с ним и влияние марксизма возросли и упрочились, учение Маркса о диктатуре пролетариата как главном в марксизме восстанавливает, развивает и дополняет на основе революционного опыта новой эпохи Ленин. Гениальные наброски идей Маркса и Энгельса о гегемонии пролетариата в буржуазной революции, о союзниках пролетариата, о партии как авангарде рабочего класса, о формах и способах социалистического строительства получают свое гигантское развитие у продолжателей и хранителей основ марксизма — Ленина и его вернейшего ученика Сталина.

Таким образом теоретическая разработка учения Маркса о диктатуре пролетариата имеет место уже в новую эпоху — импери-

ализма и пролетарских революций — и проводится под непрерывным огнем атаки со стороны ревизионистов, которые, начиная с Бернштейна и до настоящего времени, пытаются изъять именно эту революционную основу из марксовой теории.

Все «теоретики» II интернационала делают вопрос о диктатуре пролетариата своей неперемкнутой мишенью, либо открыто нападая на эту идею, либо так ее фальсифицируя, что от ее революционного содержания ничего не оставалось.

Ограничивая задачи рабочего движения парламентской борьбой, проповедуя, что «цель ничто», ибо «движение — все», что успехи по пути реформ снимают вопрос о пролетарской революции, Бернштейн прямо заявляет о необходимости отказаться от борьбы за диктатуру пролетариата:

«Так как социал-демократия есть сейчас не что иное, как партия, стремящаяся к преобразованию общества путем демократических и экономических реформ, то нет теперь никакого смысла повторить фразу о диктатуре пролетариата в то время, когда представители социал-демократии становятся, где только возможно, на почву парламентской работы, пропорционального народного представительства и народного законодательства, приемов, прямо противоречащих диктатуре»¹. Позицию Бернштейна II интернационал не только не отверг, а продолжал углублять.

Эту открытую ревизию основного в марксизме делает, хотя и не так откровенно, и вождь довоенного центризма Каутский. Напомним, что Ленин в своей работе «Государство и революция» протягивает нить в оппортунистической позиции Каутского от периода более ранних выступлений последнего против открытого оппортунизма в социал-демократии в конце XIX столетия до перехода Каутского в лагерь открытого и откровенного оппортунизма и измены его во время империалистической войны. Изучая историю этой измены, Ленин в отношении Каутского указывает на «систематический уклон к оппортунизму именно по вопросу о государстве» и на «суеверное почтение» Каутского к буржуазному государству. Бернштейн грубо фальсифицировал суть выражения Маркса: «Рабочий класс не может просто взять в руки готовой государственной машины и пустить ее в ход для своих собственных целей», чтобы подкре-

¹ «Исторический материализм», стр. 202, 227, 1901 г.

пить свой оппортунистический тезис о необходимости осторожного и бережного отношения к буржуазной государственной машине вместо революционного вывода, что эту машину нужно «разбить, сломать, взорвать». Каутский же в своей работе, посвященной критике Бернштейна, уклонился от критики этих взглядов, говоря, что «решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры мы вполне спокойно можем предоставить будущему».

Каутский постоянно обходил вопрос о государстве, либо, если он все же вынужден был коснуться его, употреблял двусмысленную формулу: «Завоевание государственной власти», делая тем самым молчаливое допущение возможности завоевания пролетариатом власти без разрушения старой государственной машины. Впоследствии эта замаскированная позиция Каутского сменяется открытым его переходом в лагерь оппортунизма. Уже в 1912 г. Каутский писал, что «никогда и ни при каких условиях» победа пролетариата над враждебным правительством «не может вести к разрушению государственной власти, а только к известной передвижке соотношения сил внутри государственной власти... и целью нашей политической борьбы остается при этом, как и до сих пор, завоевание государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и превращение парламента в господина над правительством». Эволюционируя в своих взглядах на государство, Каутский не только пришел к полному отрицанию диктатуры пролетариата во имя идеи «чистой демократии», но и стал активнейшим и подлейшим врагом пролетарской диктатуры, как только она осуществилась в результате пролетарской революции в России, возглавляя и вдохновляя против нее крестовый поход мировых империалистических хищников.

Эта ожесточенная борьба против диктатуры пролетариата имеет, разумеется, свое основание.

Буржуазия не может уступить свою власть пролетариату без упорного сопротивления, а сломить ее сопротивление невозможно без организации диктатуры пролетариата.

«Диктатура пролетариата, — писал Ленин, — есть самая свирепая, самая острая, самая беспощадная война нового класса против более могущественного вра-

га, против буржуазии, сопротивление которой удешевлено со свержением...»¹.

Маркс и Энгельс, а в дальнейшем Ленин и Сталин рассматривали диктатуру пролетариата не как мимолетный период, а «как целую историческую эпоху, полную гражданских войн и внешних столкновений упорной организационной работы и хозяйственного строительства, наступлений и отступлений, побед и поражений» (Сталин).

Ленин постоянно подчеркивал, что диктатура пролетариата — продолжение классовой борьбы пролетариата в новых формах. Но сопротивление диктатуре пролетариата идет не только со стороны борющейся не на жизнь, а на смерть буржуазии, но и со стороны той мелкобуржуазной стихии, которая не может легко подчиниться организующему воздействию пролетариата. Диктатура пролетариата ставит вопрос о воздействии и переделке этих мелкобуржуазных слоев и вместе с тем проблему перевоспитания самих пролетариев, которые «от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божьей матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями»².

Естественно, все буржуазные и мелкобуржуазные враги пролетарской диктатуры пытаются криками о насилии скрыть от массы истину, что «без насилия по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников» (Ленин).

Диктатура пролетариата не может быть осуществлена простым расширением формальной демократии, ибо она требует демократии не богатых для меньшинства, а демократии для бедных, для большинства, что осуществимо только путем подавления эксплуататорского меньшинства. Идеи марксизма о пролетарской диктатуре и буржуазной демократии вызвали сопротивление со стороны идеологов буржуазии и мелкой буржуазии не только в Европе, но и в России, как только они стали доходить до последней. Вот почему Ленину еще задолго до II съезда пришлось провести серьезную борьбу с противниками пролетарской диктатуры, и эта борьба не могла не найти своего отражения и в известной степени завершения и на самом съезде.

¹ Том XXV, стр. 193.

² Там же, стр. 248.

Борьба Ленина за диктатуру пролетариата до II съезда партии

В статье «К истории вопроса о диктатуре» Ленин указывает, что первым принципиальным столкновением вокруг вопроса о диктатуре был спор вокруг программы РСДРП, составленной редакцией «Зари» и «Искры», другими словами, спор между Плехановым и Лениным в связи с борьбой против Бернштейна, против оппортунизма. Но самое важное значение имел для этого спора опыт революции 1905 г., поставивший в мае 1905 г. на большевистском III съезде этот вопрос со всей остротой.

Несомненно, борьба вокруг программы, как и вокруг оценки опыта революции 1905 г., была важнейшим этапом в борьбе большевизма за диктатуру. Но фактическая борьба Ленина, как мы говорили выше, началась значительно раньше. Она началась задолго до того, когда было точно сказано, что борьба идет именно за диктатуру пролетариата.

Еще весной и летом 1894 г. в первой серьезной теоретической работе Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» была развернута широко обоснованная формулировка задач революционного марксизма и пролетарского движения на русской почве. Осенью того же года Ленин дал первый бой легальному марксизму в своем разборе книги Струве, разоблачив струвизм как форму зарождения буржуазной идеологии под оболочкой марксизма.

Развертывая идейную борьбу с эпигонами народничества и с легальным марксизмом, Ленин дал полное теоретическое обоснование особого места и роли рабочего класса как гегемона в грядущей революции. Формулировка же этой идеи имела прямую и непосредственную связь с главной идеей марксизма — диктатурой пролетариата. И именно потому, что разногласия Ленина с его противниками сводились в конечном счете к этому основному, они приняли такой острый характер и привели к такому резкому размежеванию революционных марксистов и оппортунистов. Если рассмотреть в этой связи круг тех проблем, по которым происходила борьба Ленина с легальным марксизмом и экономизмом, то мы убедимся, что острие разногласий сводилось именно к вопросу о роли пролетариата и способах завоевания им государственной

власти, т. е. к вопросу о диктатуре пролетариата.

Струве не отрицал, что Маркс представляет себе переход от капитализма к новому общественному строю в виде резкого падения, крушения капитализма под тяжестью растущих противоречий в нем, но такова, говорит Струве, была точка зрения Маркса в 40-х и 50-х годах. «В нее впоследствии был внесен важный корректив в том смысле, что вместо пропасти, отделяющей капитализм от строя, долженствующего его заменить, и теория и практика должны были признать целый ряд переходов. В данном случае теория следовала за жизнью и ее развитием»¹.

Сводя весь марксизм к социальным реформам, Струве хотел обезвредить революционное учение Маркса, доказывая «опытом жизни», что реформы являются единственно верным путем перехода от капитализма к прогрессивному общественному строю. «Когда-то, — говорит Струве, — социальные реформы на почве существующего капиталистического строя одинаково казались и невозможными, и непрактичными, и тщетными радикальным представителям обоих антагонистических классов: буржуазии и пролетариату... Теперь... крепнет убеждение, что они вовсе не представляют из себя жалкого «штопанья», а, наоборот, являются лишь звеньями в той органической цепи форм, которая ведет от одной общественно-экономической формации к другой...»².

Струве выступал против неизбежности революции и против учения о революционной роли пролетариата. Ленин тогда же резко раскритиковал Струве, вскрыв буржуазную сущность его взглядов. Струве относится к тем буржуазным демократам, писал Ленин, «для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму»³.

Последовательно критикуя всю систему взглядов Струве, Ленин особенно останавливается на вопросе о государстве. Струве считал, что «Маркс и его последователи увлеклись слишком далеко в критике современного государства и впали в односторонность». Рассматривая государство прежде всего как организацию порядка, пы-

¹ «Критические заметки», стр. 130—131.

² Струве, Международный конгресс, сборник на разные темы, стр. 414.

³ Том VIII, стр. 474.

таясь затушевать классовый характер государства, Струве раскрыл свою природу буржуазного либерала.

Другой представитель легального марксизма Изгоев еще более откровенно ревизовал основное в учении Маркса. В специальной статье «Диктатура пролетариата» он пишет следующее: «Маркс резко подчеркивал бланкистский характер идеи диктатуры пролетариата... Энгельс очистил идею диктатуры пролетариата от всяких бланкистских элементов... У нас же диктатуру пролетариата — предпосылку социалистической революции — перенесли в революцию политическую, задумали сделать «переходной ступенью» от самодержавия к конституционно-демократическому строю. Этим чудовищным прыжком русская социал-демократия совершенно отделялась от марксистского понимания и покатила по наклонной плоскости якобинизма и бланкизма...»¹.

Ленин с присущей ему революционной страстностью обрушился на извратителей марксизма. Но в этой борьбе он был тогда еще одинок. Ни Плеханов, ни Мартов не поддержали Ленина в его борьбе с легальным марксизмом. Мартов в «Записках социал-демократа» говорит: «Призыв на выучку к капитализму меня лично несколько не коробил. Я его понимал в чисто социологическом смысле, отнюдь не приписывая автору мысли о политической гегемонии капитала в деле освобождения России».

Плеханов тоже не понял этого призыва. Больше того, он выразил следующую надежду: «Надеюсь, на то, что брентанизм П. Струве скоро будет побежден его (Струве) марксизмом... на то, что автор «Критических заметок» способен правильно понимать автора «Капитала»².

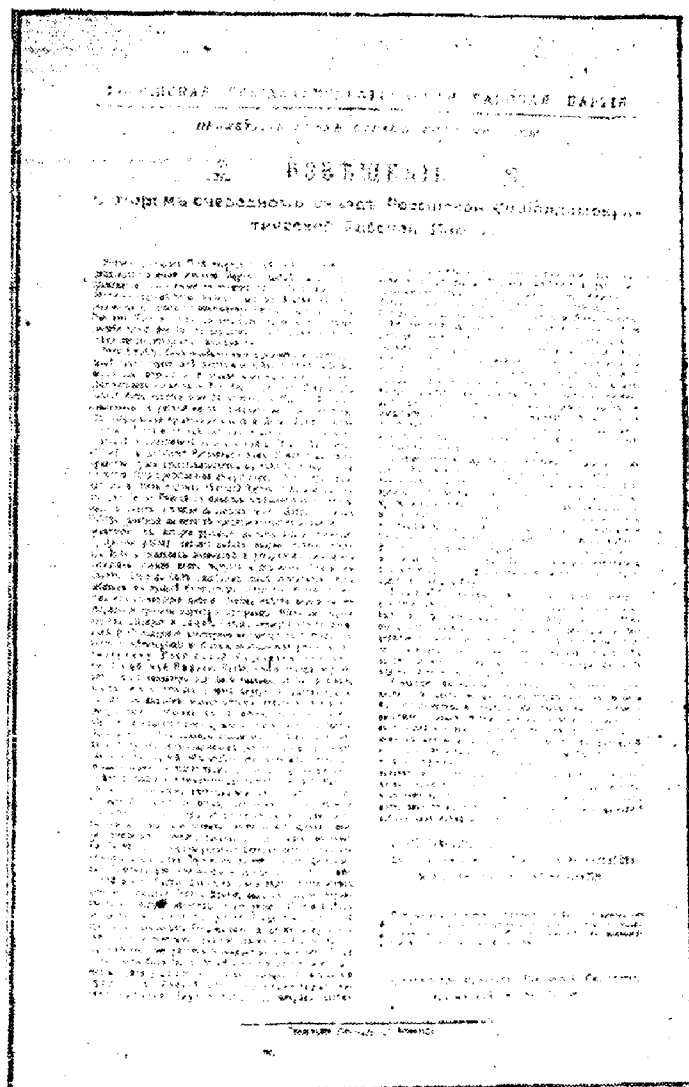
При таком подходе к Струве совершенно понятно, что Плеханов старался удержать Ленина от резкой критики, считая, что к Струве надо подходить более осторожно и мягко. Для Ленина же еще в 1895 г. было ясно, что Струве — «марксист ненадежный, от которого социал-демократы должны отгородиться»³.

Почти одновременно с легальным марксизмом возникает учение, известное под названием экономизма. Основной спор с экономизмом шел по линии отрицания последней возможности на данном этапе революционной политической борьбы рабочего

¹ «Полярная звезда» № 13.

² Плеханов, т. XI, стр. 167.

³ Том VIII, стр. 476.

Извещение о II очередном съезде РСДРП. Издано в 1903 г., вскоре после II съезда

класса, сужения задач пролетариата рамками чисто экономической борьбы. Наряду с бернштейнианством в Германии, мильеранизмом во Франции экономизм в России стал виднейшим отрядом оппортунизма в рабочем движении. Большевицкая «Искра» направила весь огонь своей критики против экономизма, принижающего исторические задачи и роль рабочего класса. Ленин доказывал, что экономисты — эти предтечи меньшевиков — передают гегемонию буржуазии вместо того, чтобы через гегемонию рабочего класса в революционной борьбе прийти к диктатуре пролетариата. «Тот не социал-демократ, — писал Ленин, — кто забывает... что мы обязаны перед всем народом излагать и подчеркивать общедемократические задачи, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть впереди всех в

постановке, обострении и разрешении всякого общедемократического вопроса»¹.

Без революционной борьбы за гегемонию пролетариата не могла развернуться и борьба за диктатуру пролетариата, — в этом был основной тезис борьбы Ленина с противниками революционного марксизма. Таким образом борьба за подлинный марксизм еще до II съезда проходила под руководством Ленина и его сторонников. Особенный же размах она приняла в период подготовки программы ко II съезду партии, когда ясно наметились два основных течения — большевики и меньшевики. Эта борьба Ленина вокруг программных вопросов была тесно связана с его основными установками в вопросе диктатуры пролетариата. Проект программы, разработанный Плехановым, был подвергнут Лениным резкой критике. Ленин требовал, чтобы программа практически борющейся партии была построена под углом зрения задач, стоящих перед рабочим движением данной страны в соответствии с конечными целями международного пролетариата.

В своей критике проекта Плеханова Ленин, естественно, останавливается на пункте, связанном с диктатурой пролетариата. Соответствующий пункт у Плеханова сформулирован следующим образом: «Для осуществления этой конечной цели пролетариат, поддерживаемый другими слоями населения, эксплуатируемого высшими классами, должен иметь в своих руках политическую власть, которая сделает его господином положения и позволит ему побороть все препятствия, загораживающие путь к социальной революции»².

Плеханов не упоминает в этом пункте о диктатуре пролетариата, и эту ошибку Плеханова Ленин связывает с неправильной позицией Плеханова в вопросе об отношении мелкой буржуазии к пролетариату и о месте пролетариата в капиталистическом обществе и его революционной роли. В своих замечаниях к проекту Плеханова Ленин говорит: «В проекте упущено указание на диктатуру пролетариата. Понятие «диктатуры» несовместимо с положительным признанием чужой поддержки пролетариату. Если бы мы действительно положительно знали, что мелкая буржуазия поддержит пролетариат при совершении им его пролетарской революции, тогда не к чему бы и говорить о

«диктатуре», ибо тогда вполне обеспечено было бы нам такое подавляющее большинство, что без диктатуры прекрасно обошлись бы (как и хотят уверить «критики»). Признание необходимости диктатуры пролетариата самым тесным и неразрывным образом связано с положением «Коммунистического манифеста», что пролетариат один только есть действительно революционный класс»³.

В своем проекте Ленин четко поставил вопрос об исторической роли пролетариата, о задачах русского пролетариата, который должен довести классовую борьбу до диктатуры пролетариата. Ленин выделяет пролетариата, «который один только есть революционный класс», и требует «обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только единственно и исключительно пролетариат, а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает»⁴.

Ленин подчеркивает, что «недовольство пролетариата и недовольство мелкого производителя совершенно неправильно отождествлять и сливать»; что хотя обострение борьбы идет и у мелкого производителя, но эту борьбу надо отличать от борьбы пролетариата против буржуазии, так как борьба мелкого производителя очень часто направляется против пролетариата и т. д.

Исходя из особой роли пролетариата, из правильной оценки взаимоотношений пролетариата с мелкой буржуазией, в частности с крестьянством, из руководящей роли пролетариата по отношению ко всем трудящимся, Ленин придает решающее значение диктатуре пролетариата для пролетарской революции. В своем проекте программы ко II съезду он дает следующую четкую формулировку вопроса о диктатуре пролетариата:

«Чтобы совершить эту социальную революцию, пролетариат должен завоевать политическую власть, которая сделает его господином положения и позволит ему устранить все препятствия, стоящие на пути к великой цели. В этом смысле диктатура пролетариата составляет необходимое политическое условие социальной революции»⁵.

Эта формулировка Ленина была внесена на II съезд партии и съездом принята. Таким образом большевики были единственной партией II интернационала, которая впервые совершенно отчетливо сформулировала необходимость завоевания диктатуры пр

¹ Том V, стр. 186.

² Лен. сб. II, стр. 60.

³ Там же, стр. 80--81.

⁴ Лен. сб. II, стр. 132.

⁵ Там же, стр. 48.

летариата как обязательного условия преобразования капиталистического общества в социалистическое.

Борьба по вопросу о диктатуре пролетариата на II съезде

Борьба по вопросу о диктатуре пролетариата не ограничилась предсездовским периодом подготовки проекта программы, а разгорелась и на самом съезде, где основная оппозиция была со стороны экономистов — Акимов, Мартынов и др.

Акимов весь свой огонь направил против Ленина, считая, что «весь проект пропитан основной установкой Ленина и что проект в нескольких важных своих частях отступает от западноевропейских программ социал-демократии»¹.

В этой констатации Акимов был прав, так как впервые после Маркса и Энгельса вопрос о диктатуре пролетариата был четко поставлен в ленинской программе, в которой большевизм явился истинным продолжателем дела Маркса. «Основным вопросом ленинизма, его отправным пунктом, фундаментом является вопрос о диктатуре пролетариата»².

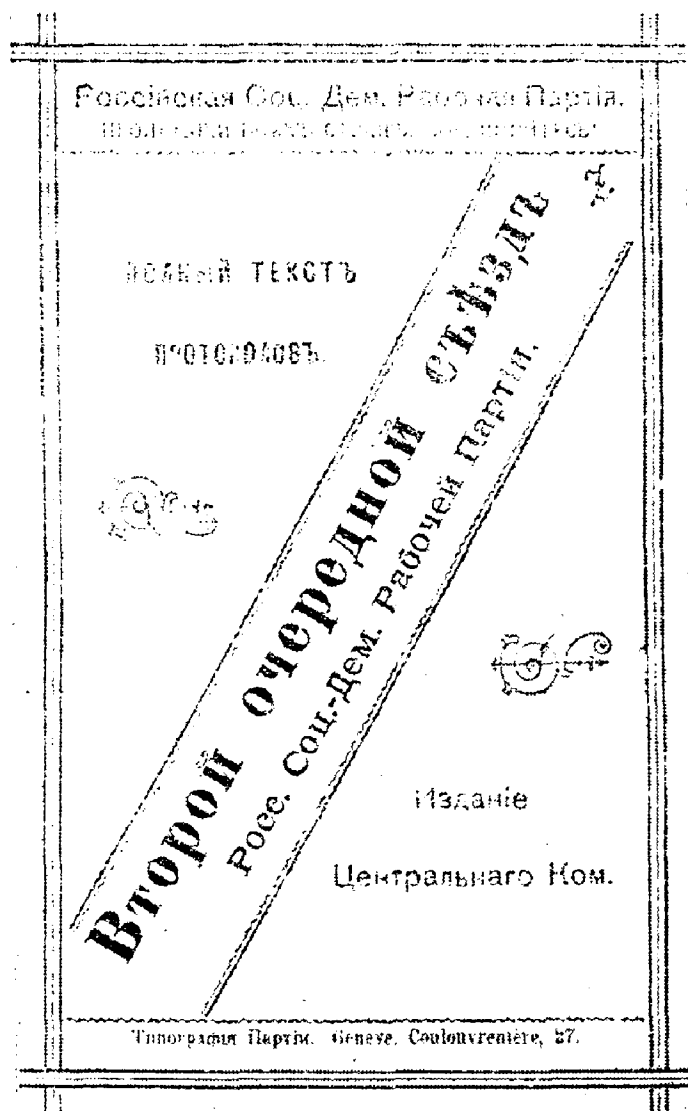
Акимов как самый откровенный, последовательный оппортунист открыто поставил вопрос, что «идейная борьба, которая до сих пор велась в нашей партии, несомненно, незакончена, но она будет продолжаться в иных плоскостях и при иной группировке сил»³.

Расхождения внутри «искровцев» сказались и по важнейшему вопросу — о диктатуре пролетариата. Хотя на словах «мягкие» искровцы и соглашались с необходимостью диктатуры пролетариата, однако на деле они от нее отрекались. Особенно ярко это выявилося в ответной речи Троцкого Акимову, которого Троцкий пытался успокоить следующим разъяснением: «Его пугает диктатура пролетариата как якобинский акт. Он забывает, что эта диктатура будет возможна лишь тогда, когда социал-демократическая партия и рабочий класс... будут наиболее близки к отождествлению. Диктатура пролетариата будет не конспираторским «захватом власти», а политическим господством рабочего класса,

¹ Протоколы, стр. 258.

² Сталин. К вопросам ленинизма.

³ Протоколы, стр. 315.

составляющего большинство нации»⁴.

Когда при демократическом строе «социалисты получают большинство, тогда наступит эпоха диктатуры пролетариата»⁵.

Уже в этом выступлении Троцкий обнаружил непонимание действительного соотношения между рабочим классом и его партией как авангардом, смазывая руководящую роль партии, отождествляя партию и класс. В этой же своей речи Троцкий отстаивает разоблаченную ленинизмом догму II интернационала, что пролетариат якобы «не может и не должен брать власти, если он не является сам большинством в стране». Свою меньшевистскую концепцию в этом вопросе Троцкий с еще большей полнотой развил в дальнейших своих выступлениях непосредственно после II съезда, в частности в критике ответа представителей Уфимского, Среднеуральского и Пермского комите-

⁴ Там же, стр. 137.

⁵ Там же, стр. 256.

тов на письмо ЦО. Критикуя этот ответ, Троцкий по существу полемизировал с Лениным.

Уральцы требовали «подготавливать и подготавливаться к получению сильной, властной организации». «Без сильной, властной централизованной организации он (пролетариат) не сможет управлять, — писали уральцы, — не сможет использовать в своих целях власть. Подготовка пролетариата к диктатуре — такая важная организационная задача, что ей должны быть подчинены все прочие... Центральная организация вообще пролетарской, социалистической партии должна быть строго централизованной, тем более в России, где сейчас приходится выступать против централизованного полицейского и бюрократического самодержавия... В партии революционного пролетариата, повторяем мы, не должно быть постоянного деления на большинство и меньшинство, не может быть и речи о представительстве в центральных организациях каких-то разных течений... Центральная организация должна состоять из однородной коллегии наиболее опытных и развитых членов партии, ни о какой концентрации партийных течений и речи быть не может. Чем единодушнее, энергичнее, талантливее центральная организация, тем охотнее, естественнее все члены и организации будут ей подчиняться... В своей пролетарской организации мы должны быть очень и очень осмотрительны, чтобы туда не попали неисправимые, упорные ревизионисты, оппортунисты и хвостисты»¹.

Троцкий расценивает позицию уральцев как требование диктатуры над пролетариатом. «Не самостоятельный рабочий класс, — говорит Троцкий, — взявший в свои руки судьбу общества, а «сильная, властная организация», господствующая над пролетариатом и через него над обществом, обеспечит переход к социализму»².

Троцкому чуждо было понимание централизованной организации пролетариата как выражение сознательности и целеустремленности в массовом рабочем движении. Массовое рабочее движение он представлял себе лишь как стихийное движение, лишенное централизованного руководства. Троцкий противопоставляет организационные формы политическому содержанию и поэтому сводит требование диктатуры пролета-

риата лишь к организационной задаче. Наконец требованию уральцев монолитности пролетарской организации Троцкий противопоставляет принцип группировок, течений и т. п. «Задачи нового режима, — пишет Троцкий, — так сложны, что они могут быть решены не иначе, как путем соревнования разных методов экономического и политического строительства, путем долгих «споров», путем систематической борьбы не только социалистического мира с капиталистическим, но и различных течений внутри социализма, течений, которые неизбежно появятся, как только диктатура пролетариата выдвинет десятки и сотни новых, никем не предрешенных проблем... И никакая «сильная, властная организация» не сможет в целях ускорения и упрощения процесса подавить эти течения и разногласия, ибо слишком ясно, что пролетариат, способный к диктатуре над обществом, не потерпит диктатуры над собой»³.

Борьбу за диктатуру пролетариата, за централизованную единую партию Троцкий объявлял бланкизмом, якобинизмом и т. д. Голосуя за программу, Троцкий не разделял идеи диктатуры пролетариата в марксистско-ленинском понимании. Вот почему тот же Акимов в своей брошюре, посвященной итогам II съезда, говорит следующее:

«В заключение (своей речи на съезде) Троцкий высказал свой взгляд на «диктатуру пролетариата», с которой я совершенно согласен, но именно поэтому-то я и считаю нашу программу плохо передающей мысль о завоевании политической власти»⁴.

Из признания диктатуры пролетариата в качестве составной части конечной цели партии, из признания того, что свержение самодержавия и завоевание буржуазно-демократической республики признавалось лишь этапом в борьбе за диктатуру пролетариата, должны были вытекать и определенная стратегическая и тактическая линия поведения партии и определенные принципы строительства самой партии. Но по ряду этих вопросов на съезде обнаружилось большое расхождение, свидетельствующее, что многие диктатуру признавали чисто словесно, не делая из этого признания никаких действительных выводов.

Ленин исходил из гегемонии пролетариата в предстоящей буржуазно-демократической революции («пролетариат всех осво-

¹ Письмо уральцев, «Искра» № 63.

² Троцкий, Наши политические задачи, стр. 200.

³ Троцкий, Наши политические задачи, стр. 204—205.

⁴ Акимов, К вопросу о работах II съезда, стр. 67—68.

бодит, всех зовет, всех приглашает»), а на с'езде получила половину голосов резолюция Потресова, сбившаяся на признание гегемонии либеральной буржуазии.

Ленин в соответствии со своей общей линией боролся за партию как боевой организованный авангард рабочего класса, а на с'езде большинство голосов получила формулировка Мартова 1-го пункта устава, создавшая опасность засорения партии всякими неустойчивыми элементами. При выработке проекта программы большинство редакции «Искры» отклонило ленинское требование национализации земли как меру, расчищающую почву для дальнейшей борьбы за социализм.

Таким образом борьба, проведенная большевиками на II с'езде вокруг целого ряда вопросов, как будто непосредственно с вопросом о диктатуре пролетариата не связанных, на самом деле своим основанием имела различное отношение именно к этому вопросу, являющемуся главным в марксизме.

Большевики и Ленин были единственным течением на II с'езде, как и до него, поднимавшим все вопросы на должную принципиальную высоту именно потому, что они исходили из этой основной проблемы марксизма, и потому, что они выступили с самого начала как партия, борющаяся до конца за диктатуру пролетариата.

Историческая проверка позиции большевиков на II с'езде

Борьба Ленина и большевиков за диктатуру пролетариата на II с'езде получила свою историческую проверку уже в революции 1905—1907 гг. Опыт революции, как подчеркивал Ленин, с большой наглядностью вскрыл существо всех партий, поставив перед ними вопрос о диктатуре пролетариата не только в плоскость теоретических разногласий. «В революции все классы выступают открыто. Все программные и тактические взгляды проверяются действиями масс»¹.

Позиция большевиков и меньшевиков была проверена именно действиями масс и в революции 1905 г., и в период между двумя революциями, и в период между февралем и октябрём 1917 г.

В 1905 г. большевики утверждали, что революционно-демократическая диктатура

пролетариата и крестьянства может довести буржуазно-демократическую революцию до конца, что в меру силы сознательного и организованного пролетариата эта революция начнет перерастать в революцию социалистическую. Такое утверждение было теснейшим образом связано с позицией Ленина на II с'езде по вопросу о диктатуре пролетариата.

Постановка Лениным вопроса о перерастании вытекала из признания им ведущей роли пролетариата в буржуазно-демократической революции, из оценки им отношений между рабочим классом и крестьянством, выраженных в формуле революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Именно здесь лежал водораздел между большевиками и меньшевиками в их отношении к революции 1905—1907 гг., и именно он определял остроту программных и тактических разногласий между ними. Сталин в выступлении на IV стокгольмском объединительном с'езде в 1906 г. исключительно четко характеризовал реформизм меньшевиков.

«...Если, по мнению товарищей меньшевиков, нам нужна не гегемония пролетариата, а гегемония демократической буржуазии, тогда само собой ясно, что ни в организации вооруженного восстания, ни в захвате власти мы не должны принимать непосредственного активного участия. Такова «схема» меньшевиков. Наоборот, если классовые интересы пролетариата ведут к гегемонии, если пролетариат должен идти не в хвосте, а во главе текущей революции, то само собой понятно, что пролетариат не может отказаться ни от активного участия в организации вооруженного восстания, ни от захвата власти. Такова «схема» большевиков. Или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии,— вот как стоит вопрос в партии, вот в чем наши разногласия»².

Учитывая весь опыт революционного движения пролетариата, Ленин придавал исключительное значение пониманию и формулировке конечных целей революционной борьбы рабочего класса и путей их осуществления: «Вот почему вполне естественно, что социал-демократия как партия революционного пролетариата так заботливо относится к своей программе, так тщательно определяет задолго вперед свою конечную цель, цель полного освобождения трудя-

¹ Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

² Протоколы IV стокгольмского объединительного с'езда РСДРП, Гиз, 1926 г. стр. 155. Псевдоним Сталина — «Иванович».

шихся, так ревниво относится ко всяким поправкам урезать эту цель; по тем же причинам социал-демократия так догматически строго и доктринерски непреклонно отделяет мелкие, ближайшие экономические и политические цели от конечной цели. Кто борется за все, за полную победу, тому нельзя не остерегаться, как бы мелкие приобретения не связывали рук, не сбили с пути, не заставили забыть о том, что все сравнительно далеко и без чего все мелкие завоевания — одна суета сует»¹.

Мелкое крохоборчество, борьба за пятак, отречение от исторической миссии пролетариата, пренебрежение его основной конечной целью — именно в этом суть меньшевизма. И большевизм как единственная партия рабочего класса мог привести пролетариат к победе, к осуществлению диктатуры пролетариата лишь в неустанной непримиримой борьбе с меньшевизмом как своим главным врагом.

25 октября 1917 г. пролетариат, руководимый партией Ленина, утвердил свою диктатуру в России. Еще до революции 1917 г. пролетариат выдвинул советы как форму организации своей власти.

¹ Том VII, стр. 240—241.

По сравнению с буржуазным парламентаризмом советы были таким шагом вперед в развитии демократии, который имеет всемирно историческое значение.

Советы вызвали бешеную ненависть всего империалистического лагеря и его агентов и лакеев из II интернационала. Сомкнувшимся строем в теории и на практике социал-фашисты выступили против Советской республики как государства диктатуры пролетариата.

Начав с теоретической ревизии основной сути марксизма, социал-демократы неизбежно скатились к прямой вооруженной защите капиталистического государства, являясь фактическими вдохновителями и организаторами интервенции и нового вооруженного нападения на единственное пока в мире государство пролетарской диктатуры. Но международный пролетариат все более убеждается в том, что диктатура пролетариата, на защиту которой выступил большевизм на II съезде, является единственным средством его освобождения от гнета эксплуататоров.

30-летний путь борьбы ленинской партии за освобождение пролетариата свидетельствует с наибольшей убедительностью, что большевизм был и остается единственной партией пролетариата, единственной партией борьбы за диктатуру пролетариата.

„...если ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции, а основным содержанием пролетарской революции является диктатура пролетариата,—то ясно, что главное в ленинизме состоит в вопросе о диктатуре пролетариата, в разработке этого вопроса, в обосновании и конкретизации этого вопроса“.

СТАЛИН

БОРЬБА ЛЕНИНА

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ АГРАРНУЮ ПРОГРАММУ

В ПЕРИОД II СЪЕЗДА

1

Ленин еще задолго до революции 1905 г. определял ее ближайшие задачи как буржуазно-демократические, разрешив которые пролетариат немедленно перейдет к непосредственной борьбе за свержение власти капитала.

Но выполнение задач первого этапа — свержения самодержавия, ликвидации помещичьего землевладения и очистки страны от крепостнических пережитков — было возможно только при наличии гегемонии революционного пролетариата и руководства большевистской партии.

«Природа великой буржуазной революции в крестьянской России такова, что только победа крестьянского восстания, немислимая без руководящей роли пролетариата, способна привести эту революцию к победе»¹.

Основной предпосылкой крестьянского революционного движения в России было господство в ней крепостников-помещиков, увенчанное царским самодержавием. Из 280 млн. десятин пригодной для земледелия земли помещикам и крупным частным владельцам принадлежало 101,7 млн., в то время как за крестьянами числилось 138,8 млн. десятин наделной земли, а казне и учреждениям принадлежало 39,5 млн.

Основной фон, на котором протекала крестьянская борьба за землю, Ленин определял так: 7 десятин в среднем на один мелкокрестьянский двор (их было 10,5 млн. дворов из 13 млн. дворов) и 2.333 десятины на одну крепостническую латифундию (их насчитывалось до 30 тыс.).

¹ Ленин, т. XII, стр. 177.

«На этом основном фоне неизбежна, — делал вывод Ленин, — поразительная отсталость техники, заброшенное состояние земледелия, подавленность и забитость крестьянской массы, бесконечно разнообразные формы крепостнической, барщинной эксплуатации»².

Именно этот «фон» определял надвигающуюся революцию как буржуазно-демократическую, крестьянскую революцию, руководимую пролетариатом, и ставил вопрос о крестьянстве как основном союзнике пролетариата в революции. Но так поставить всю проблему, решительно, по-революционному, поставить вопрос о союзниках пролетариата могла только партия нового типа, партия, которая доведение до конца демократической революции рассматривала как начало борьбы за социалистическую революцию.

«Серьезная разработка крестьянского вопроса в рядах русских марксистов началась, — говорит т. Сталин, — именно накануне первой революции 1905 г., когда вопрос о свержении царизма и проведении гегемонии пролетариата предстал перед партией во весь рост, а вопрос о союзнике пролетариата в предстоящей буржуазной революции принял животрепещущий характер»³. «Крестьянский вопрос является частью общего вопроса о диктатуре пролетариата и как таковой представляет один из самых животрепещущих вопросов ленинизма»⁴.

Ставился ли вопрос в таком разрезе в какой-нибудь другой партии довоенного II интернационала? Нет, не ставился, ибо для них характерно «равнодушное, а то и прямо отрицательное отношение к крестьянскому вопросу» (Сталин). Это отношение «объясняется прежде всего тем, что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти, а кто боится революции, кто не хочет вести пролетариат к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции — для него вопрос о союзниках является безразличным, неактуальным» (Сталин).

Вот почему Ленин при выработке аграрной программы ясно сознавал, что партии нового типа необходимо и в этом вопросе внести свежую революционную струю, переломить затхлые реформистские традиции

² Ленин, т. XI, стр. 337.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 36 — 37.

⁴ Там же.

II интернационала, легшие в основу меньшевистско-троцкистского отношения к крестьянству, и вести строго выдержанную пролетарскую линию в борьбе против нигилизма рабочедельцев и против авантюризма эсеров. В статье «Аграрная программа русской социал-демократии» (1902 г.) Ленин писал: «Мы, русские социал-демократы, постараемся воспользоваться опытом Европы и гораздо раньше, гораздо усерднее займемся привлечением «деревенщины» к социалистическому рабочему движению, чем это удалось нашим западным товарищам... в аграрной области, может быть, выработаем и нечто новое (подчеркнуто нами.— И. С.). И для того, чтобы облегчить впоследствии нашим батракам и полубатракам переход к социализму, крайне важно, чтобы социалистическая партия сейчас же начала «вступаться» за мелкое крестьянство, делая для него «все возможное» с ее стороны, не отказываясь от участия в решении наболевших и запутанных «чужих» (не пролетарских) вопросов, приучая всю трудящуюся и эксплуатируемую массу видеть в себе своего вождя и представителя»¹.

В этом высказывании Ленина 1902 г. замечательны его гениальное заглядывание в будущее, эта забота о том, чтобы «облегчить впоследствии батракам и полубатракам (т. е. подавляющей массе дореволюционного крестьянства.— И. С.) переход к социализму», и тесная увязка с боевой задачей кануна революции 1905 г., с задачей «начать «вступаться» за мелкое крестьянство», не рассматривать крестьянство по-лассалевски, по-меньшевистски как «единую реакционную массу», не считать вопросы непролетарских трудящихся элементов «чужими» и вместе с тем вести свою пролетарскую линию и делать лишь «возможное» на ее основе.

Вот почему Ленин уже накануне 1905 г., добиваясь привлечения крестьянства как союзника в демократической революции и выделяя бедноту как союзника пролетариата в социалистической революции, вместе с тем ставит задачу завоевания середняков на сторону пролетариата.

В брошюре «К деревенской бедноте» (1903 г.) Ленин писал: «Чем скорее будет расширяться и крепнуть союз деревенской бедноты с городскими социал-демократами для борьбы против всей буржуазии... тем скорее средний крестьянин поймет всю

ложь буржуазных обещаний, тем скорее средний крестьянин станет на нашу сторону» (Ленин, т. V, стр. 290).

Сравните с этой ленинской позицией грубо топорное, откровенно оппортунистическое выступление на II съезде представителя околоменьшевистского «болота» Махова: «Вся программа аграрная — лишняя. Поскольку мы подойдем к крестьянскому пролетариату, мы можем подойти с нашей общей частью программы, поскольку же мы желаем подойти к другой части, непролетарской, крестьянства, мы ничего ей дать не можем. Поэтому предлагаю отвергнуть всю аграрную программу целиком»². На той же позиции по существу стояли рабочедельцы, бундовцы (Либер предлагал на съезде всю «детальную часть выбросить»).

Отвечая Мартынову, Ленин в предсъездовской уже цитированной статье «Аграрная программа русской социал-демократии» писал: «Разве не филистерством является рассуждение Мартынова, усмотревшего в аграрной программе «Искры» «романтизм» потому, что приобщение крестьянской массы к нашему движению при настоящих условиях является весьма проблематичным («Р. Д.» № 10)... К «движению» против всех остатков крепостничества (и против самодержавия в том числе) крестьянская масса не может не приобщиться... Проблематичным можно назвать отнюдь не приобщение крестьянской массы к движению против остатков крепостничества, а только разве степень этого приобщения»³.

Таким образом если для Махова и К^о крестьянство — это «сбоку припека», то для Ленина это — источник революционных возможностей, особенно в условиях полукрепостнических пережитков в экономике России. Ленин четко отмечает особенности России, не пережившей еще буржуазно-демократической революции. Если Мартынов аргументирует Западом (там-де аграрные программы пишутся в условиях развитого рабочего движения, значит в России можно «погодить»), Ленин этот меньшевистский аргумент отводит очень ясно: «Он (Мартынов) не заметил мелочи: на Западе аграрные программы пишутся для привлечения полукрестьян, полурбочих к социал-демократическому движению

¹ Ленин, т. V, стр. 110.

² Протоколы II съезда, стр. 231 — 232, Партиздат, 1932 г.

³ Ленин, т. V, стр. 96 — 97.

против буржуазии, у нас — для привлечения крестьянской массы к демократическому движению против остатков крепостничества... Наша аграрная программа рассчитана поэтому практически главным образом на непосредственно ближайшее будущее, на период до падения самодержавия»¹.

Таким образом здесь, как и в брошюре «К деревенской бедноте» и в более поздних «Двух тактиках», уже сформулированы первые два ленинских лозунга по крестьянскому вопросу — со всем крестьянством в буржуазно-демократической революции, с беднотой в социалистической революции.

Обращает на себя внимание еще одно важное обстоятельство: в этом же месте против Мартынова Ленин отмечает, что хотя «книга Каутского («Аграрный вопрос») хороша», но только «повторять и переписывать Каутского... это совсем не умно»². В самом деле, это «совсем не умно» и потому, что надо думать «о коренном отличии России в отношении аграрной программы», об этом Ленин прямо пишет, и потому, что установка Каутского в его «Аграрном вопросе» совсем не делала упора на задачу привлечения бедноты к пролетарскому движению против буржуазии, а в отношении мелкого крестьянина Каутский держался теории пассивного «наблюдательства», «нейтралитета». Против этой каутскианской позиции Ленин выступал в 1905 г., когда Каутский в статье «Крестьяне и революция в России» писал: «Революционное городское движение должно оставаться нейтральным в вопросе об отношениях между крестьянином и помещиком»... «Задачей революционного пролетариата вовсе не является также натравливание крестьян на помещиков...» Ленин возражает против позиции «нейтралитета» и отвечает Каутскому, что при известных условиях отношение пролетариата к крестьянству «должно быть отношением не только сочувствия, но и прямой поддержки и не только поддержки, но и «натравливания»»³.

Конечно Ленин считал необходимым поддерживать огню не всякое крестьянское движение. «Речь идет здесь о поддержке такого движения и такой борьбы крестьянства, которые облегчают прямо или косвенно освободительное движение пролетариата, которые льют воду так или иначе

на мельницу пролетарской революции, которые способствуют превращению крестьянства в резерв и союзника рабочего класса»⁴.

Ломая каутскианскую традицию II интернационала, легшую в основу меньшевистско-троцкистского отношения к крестьянству, Ленин давал решительный отпор и беспринципной погоне за крестьянскими головами («Bauernfangerei», как это называл Энгельс), открыто ревизионистским теориям «охраны крестьянской собственности» («Bauernschutz»), шедшим от Гернов, Давидов, Фольмаров, от тех французских оппортунистов, на которых обрушился Энгельс в своем «Крестьянском вопросе во Франции и Германии».

Уже в «Задачах русских социал-демократов» (1898 г.) Ленин решительно высказывается против поддержки попыток мелкой буржуазии «укрепить свое положение как мелких собственников»⁵. Против эсеровской путаницы, игнорирующей мелкобуржуазность крестьянства, и проповеди «социализации» земли Ленин в 1902 г. писал: «О том, что гибнущие мелкие производители (крестьяне в том числе) могут и должны участвовать в социалистическом движении пролетариата, «Искра» не только сказала в своей программе, но и точно определила условия этого участия (т. е. переход на точку зрения пролетариата. — И. С.). Но современное крестьянское движение вовсе не является социалистическим, направленным против буржуазии и капитализма, движением, наоборот, оно объединяет буржуазные и пролетарские элементы крестьянства, которые действительно едины в борьбе с остатками крепостничества»⁶.

Ленин вырабатывал аграрную программу в период II съезда в борьбе с международным ревизионизмом в условиях завершившейся борьбы с легальным марксизмом и экономизмом и продолжающейся борьбы с народничеством, с его новой разновидностью — эсерами, только что появившимися на политической арене в момент волны крестьянского движения в Харьковской и Полтавской губ. (1902 г.). Но Ленину в процессе работы над программой в целом и над ее аграрной частью пришлось ломать и некоторые традиции группы «Освобождения труда», пришлось выдержать борьбу с Плехановым и другими членами редакции «Искры». Ленин при этом так формулировал

¹ Ленин, т. V, стр. 97.

² Там же.

³ Ленин, т. VII, стр. 159.

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 38.

⁵ Ленин, т. II, стр. 177 — 178.

⁶ Ленин, т. V, стр. 156.

задачи борьбы на два фронта: «Для марксиста задача состоит лишь в том, чтобы избежать двух крайностей: с одной стороны, не впасть в ошибку тех людей, которые говорят, что с точки зрения пролетариата нам дела нет ни до каких ближайших и временных непролетарских задач, а, с другой стороны, не допустить, чтобы участие пролетариата в решении ближайших демократических задач могло вести к затемнению его классового сознания и его классовой особенности»¹.

Надо сказать, что аграрная программа группы «Освобождения труда» страдала «абстрактностью, отсутствием всякого конкретного взгляда на предмет»² и ограничивалась провозглашением необходимости «радикального пересмотра» крестьянской реформы. По сути дела к этой программе могли апеллировать и рабочеделец Мартынов с предложением «погодить» насчет аграрной программы, и бундовец Либер, предлагавший выкинуть всю конкретную часть, и колебавшиеся «южноробоченцы» (Егоров и др.). Предс'ездовская борьба Ленина с Плехановым шла одновременно против двух «крайностей», но главным образом по линии второй «крайности», т. е. против опасности недостаточного подчеркивания «классовой особенности» пролетариата, против затемнения его классового сознания.

В чем это выразилось?

Плеханов брал за одну скобку всех «трудящихся и эксплуатируемых», включая и пролетариат, и по существу ставил на одну доску борьбу пролетариата и мелкой буржуазии с капиталом³ и под этим углом зрения хотел смягчить классические слова «Коммунистического манифеста» о реакционности мелкой буржуазии⁴. Ленин так возражал Плеханову: «В положительной форме мы можем (и обязаны) указать на консервативность мелкой буржуазии. И лишь в условной форме мы должны указать на ее революционность. Только такая формулировка будет в точности соответствовать духу учения Маркса». И дальше, приведя известную выдержку из «Коммунистического манифеста», Ленин, возражая Плеханову, продолжает: «И пусть

не говорят, что за полвека, прошедшие со времени «Коммунистического манифеста», дело существенно изменилось. Именно в этом отношении ничего не изменилось: и теоретики признавали это положение всегда и постоянно (например Энгельс в 1894 г. именно с этой точки зрения опроверг французскую аграрную программу»...⁵. «Если бы действительно положительно знали, что мелкая буржуазия поддержит пролетариат при совершении им его пролетарской революции, тогда не к чему бы говорить и о «диктатуре», ибо тогда вполне обеспечено было бы нам такое подавляющее большинство, что и без диктатуры прекрасно обошлись бы, как уверяют «критики». Признание необходимости диктатуры пролетариата самым тесным и неразрывным образом связано с положением «Коммунистического манифеста», что пролетариат один только есть действительно революционный класс»⁶.

Как актуально и сейчас ленинское положение, что без диктатуры пролетариата невозможно руководство массами колеблющейся мелкой буржуазии, в иных условиях и в измененном виде это положение бьет и сейчас по правооппортунистическим теориям «самотека» в социалистическом строительстве, в частности в колхозном движении.

У Плеханова попытка ревизии марксова тезиса о мелкой буржуазии была связана с шаткой позицией в коренном вопросе, нужна диктатура пролетариата или можно обойтись без нее. Как известно, лишь по настоянию Ленина упоминание о диктатуре пролетариата осталось в программе РСДРП, принятой на II съезде. Неслучайно с этим связан и другой грех реформистского порядка у Плеханова — упоминание в программе о возможности выкупа земли (отрезков) взамен конфискации. Ленин возражал Плеханову: «Допущение выкупа противоречит социально-революционному характеру всего требования. «Выкуп» и по исторической традиции (выкуп 1861 г.) и по своему содержанию... носит специфический привкус пошло-благонамеренной и буржуазной меры»⁷. А ведь против меньшевистско-кадетского выкупа («отчуждения») Ленину пришлось бороться и позднее, про-

¹ Ленин, т. V, стр. 331.

² Ленин, т. XI, стр. 362.

³ Лен. сб. II, стр. 63.

⁴ Плеханов в письме к Засулич ссылается на то, что в «Коммунистическом манифесте» речь шла о тогдашнем немецком клейнбюргере, а теперь дело изменилось. Лен. сб. II, стр. 95

⁵ К этому месту ленинского текста Засулич сделала очень интересное примечание: «Я помню, что ни Жорж (Плеханов), ни я тогда с Энгельсом тут не были согласны».

⁶ Ленин, т. V, стр. 29.

⁷ Там же, стр. 50.

тив масловского проекта на Стокгольмском (IV) съезде. Кстати сказать, в этом пункте и решения съезда эсеров 1905 г. страдали оппортунистической фигурой умолчания, не говоря прямо о необходимости конфискации.

2

Ленинская установка в отношении мелкой буржуазии, в особенности в период формирования рабочей партии, ярко характеризуется в тех же программных спорах 1902—1903 гг.:

«Желательно привлечь всех мелких производителей конечно. Но мы знаем, что это особый класс, хотя и связанный с пролетариатом тысячу нитей и переходных ступеней, но все же особый класс. Обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только единственно исключительно пролетариат, а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает. Я согласен на это «потом», но я требую раньше этого «сначала»¹. Только оставаясь на почве этого ленинского положения и могли формироваться подлинно революционные пролетарские партии, только на этой основе могла и может осуществляться гегемония пролетариата в революционном движении, а следовательно и победа диктатуры пролетариата.

Но будучи столь теоретически «строг» к мелкому производителю как возможному участнику борьбы против капитализма, отмечая его лишь «условную» революционность, Ленин многократно подчеркивал неизбежность участия широких масс крестьянства в демократической революции, в борьбе против пережитков крепостничества. Достаточно напомнить, что еще в «Друзьях народа» Ленин, говоря о двойственности мелкой буржуазии, отмечает, что этот класс «является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи крепостничества. Он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении»². В связи с этим Ле-

нин уже в «Друзьях народа» говорил о поддержке антикрепостнических, демократических требований крестьянства не только насчет отрезков, но и вплоть до национализации земли как меры буржуазного порядка. В полном согласии с этой точкой зрения Ленин заканчивает «Друзья народа» буквально пророческими словами о том времени, когда «русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции». Ленин здесь гениально намечает уже общую перспективу перерастания демократической революции в социалистическую.

В чем заключались основные установки ленинской аграрной программы периода II съезда? При выяснении этого вопроса нередко допускаются ошибки такого порядка: программа неправильно сводится к известным «отрезкам», взятым вне системы всех положений аграрной программы и ленинского комментария к ним, содержание программы, ее революционная сущность выхолащиваются, и весь «анализ» увенчивается простым констатированием ленинского позднейшего признания ошибочности аграрной программы II съезда (в вопросе об «отрезках»). Между тем следует четко уяснить себе, что по сути дела существовали две интерпретации аграрной программы II съезда — одна ленинская, большевистская, революционная, другая — реформистская, меньшевистская интерпретация тех «мягких искровцев» II съезда, которые одновременно голосовали за аграрную программу II съезда и против резолюции Плеханова и Ленина о либералах. Мартов от имени этих «мягких искровцев» выступил в защиту резолюции Старовера о либералах, т. е. тем самым сделал накануне революции 1905 г. упор на либералов как союзников пролетариата (вернее на пролетариат как на придаток либеральной буржуазии) в противоположность ленинскому упору на крестьянство как на союзника пролетариата — гегемона революции. Ленин понимал «отрезки» отнюдь не ограничительно, не как «загородку», а как «дверь»: «для того, чтобы итти дальше, для того, чтобы по открытой, по широкой дороге итти до самого конца, до полного освобождения всего трудящегося рабочего народа

¹ Ленин, т. V, стр. 48.

² Ленин, т. I, стр. 184.

Группа крестьян, участников аграрных волнений 1902—1933 г., в Саратовской тюрьме

на Руси»¹. А для «мягких искровцев», для «южнорабоченцев», для всех будущих меньшевиков это был «предел, его же не преи-деши». К тому же у них он не увязывался с ленинской обязательностью революционной ломки остатков крепостничества, как мы уже видели на допущении выкупа «отрезков». У Ленина, наоборот, формулировалось четко и ясно: «Мы требуем полной и безусловной, не реформистской, а революционной отмены и уничтожения пережитков крепостничества»². Отсюда и непонимание меньшевиками роли крестьянских комитетов как органов революционного действия восстающих масс (сопоставить с позднейшей меньшевистской попыткой конструировать деревенские комитеты по полномочию Учредительного собрания, т. е. в пределах буржуазной легальности).

Между тем Ленин так раз'яснял назначение крестьянских комитетов: «Крестьянские комитеты в переводе на простой язык значит призыв к тому, чтобы крестьяне сами немедленно и непосредственно расправились с чиновниками и помещиками самым решительным образом. Крестьянские комитеты — это значит призыв к тому, чтобы угнетенный остатками крепостничества и полицейскими порядками народ расправился с этими остатками, как говорил Маркс, «по-плебейски»³. А ведь это требование крестьянских комитетов для революционного действия с н и з у в противополож-

ность дворянским комитетам реформы (1861 г.) сверху было выдвинуто Лениным уже в известной статье «Искры» 1901 г. «Рабчая партия и крестьянство»⁴. Если Каутский, меньшевики, Плеханов боялись «натравливания» крестьян на помещиков, боялись назревавшей крестьянской революции, то Ленин смело делал упор на решительную поддержку крестьянского движения, тогда еще только зачинавшегося (аграрная программа в основном была выдвинута еще даже до крестьянских волнений весны 1902 г.). Вот почему Ленин считал отрезки не «загородкой», а «дверью», вот почему он, развивая линию, начатую еще в «Друзьях народа», уже в Комментарии к аграрной программе II съезда 1902 г. отстаивает в перспективе национализацию земли. В «Аграрной программе русской социал-демократии» Ленин писал: «Это требование (национализации земли. — И. С.) (если понимать его в буржуазном, а не в социалистическом смысле) действительно «идет дальше» требования вернуть отрезки, и в принципе мы вполне разделяем это требование (подчеркнуто нами. — И. С.). В известный революционный момент мы не откажемся, разумеется, его выдвинуть»⁵.

Дальше Ленин раз'ясняет, что этот «известный момент» связан с победой над самодержавием, с доведением до конца демократической революции, ибо требовать национализации земли «не только при самодержавии, но и при полуконституционной монархии было бы прямо неправильно»⁶. И вот, оказывается, Плеханов и все будущие меньшевики перед II съездом яростно ополчились на Ленина за это принципиальное признание национализации земли в дальнейшей перспективе борьбы пролетариата и крестьянства, ибо они не верили в решительную победу революции, они ориентировались заранее на половинчатую, недоделанную революцию и с таким исходом связывали свою пресловутую «муниципализацию», принятую на Стокгольмском съезде.

Ленин по требованию Плеханова и других будущих меньшевиков должен был выбросить цитированное место из своей статьи.

Но когда наступил момент, большевики официально выдвинули в начале 1906 г. (перед Стокгольмским съездом) требование национализации земли, связывая его с ленинским планом перерастания, с лозунгом до-

¹ Ленин, т. V, стр. 308.

² Там же, стр. 121.

³ Ленин, т. IX, стр. 151.

⁴ Ленин, т. IV, стр. 103.

⁵ Ленин, т. V, стр. 113.

⁶ Там же.

ведения до конца демократической революции, с лозунгом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. На меньшевистскую критику Плеханова Ленин прямо отвечал на Стокгольмском съезде: «Плеханов усмотрел у меня в проекте моей аграрной программы захват власти, и я должен сказать, что идея захвата власти революционным крестьянством действительно имеется в моем проекте аграрной программы... Аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом. Без этого последнего условия это будет не аграрная революция, а крестьянский бунт или кадетские аграрные реформы»¹.

Еще до этого перед III съездом, на III съезде (май 1905 г.) и в особенности на Таммерфорсской конференции (декабрь 1905 г.) большевики открыто пошли на изменение аграрной программы, на отказ от «отрезков» и на поддержку крестьянского движения вплоть до конфискации всей помещичьей земли.

В чем же дело, почему в аграрной программе II съезда делался известный упор на отрезки как на ближайшее требование и в чем ошибочность этой части аграрной программы?

Упор на «отрезки» делался в условиях неразвитого крестьянского движения, исходя из особенностей экономики России и наличия в российской деревне двух социальных войн. Еще в 1901 г. Ленин писал: «Мы видели, что в современной русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая постепенно ослабевает. Первая вся еще в будущем, вторая в значительной степени уже в прошлом. И несмотря на это, для современных русских с.-д. именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение»². Так, Ленин в 1901 г. видел преобладание полукрепостнической кабалы над гнетом чисто капиталистического порядка в деревне. Ленин подчеркивал, что «по новейшим данным отработочная система помещичьего хозяйства считается преобладающей не ме-

нее как в 17 губерниях Европейской России»³. А отработки эти были непосредственно связаны с пользованием крестьян землями, «отрезанными» у них помещиками в 1861 г., с пользованием помещичьим выгоном, водопоем, лесом и т. п. «От крепостнической кабалы страдает и пролетарий и богатый мужик, против этой кабалы они могут и должны идти вместе, а против остальной кабалы пролетариат пойдет один. Поэтому выделение крепостнической кабалы от всякой другой является в нашей программе необходимым результатом строгого соблюдения классовых интересов пролетариата»⁴. Цель тут имелась у Ленина двоякая: с одной стороны, разжечь остатки классовой вражды крестьян к крепостникам-помещикам, с другой стороны, расчистить дорогу для развития буржуазного классового антагонизма в деревне, ибо этот антагонизм был прикрыт общей и одинаковой якобы угнетенностью всех остатками крепостничества.

Но правильно оценить всю силу крепостнических пережитков можно было лишь на опыте развертывания крестьянского движения. А между тем ни до вспышки волнений 1902 г. на юге России, ни после нее вплоть до 1905 г. опыта массового крестьянского движения не было. В 70-х, 80-х и 90-х годах в крестьянском движении наблюдался почти полный застой. «Подъем 1902 г. (340 случаев крестьянских революционных выступлений) сменяется резким упадком 1903 и 1904 гг. (91 случай) с тем, чтобы в 1905 г. подняться до наивысшей точки (3.228 случаев), уступающей лишь 1917 г.»⁵. В 1905—1906 гг. больше половины уездов царской России было охвачено крестьянскими восстаниями (захватом помещичьих земель и инвентаря, поджогом усадеб и т. п.). Вот почему «без опыта массового, даже более того, «общенационального» крестьянского движения, программа РСДРП не могла стать конкретной, вопрос о том, насколько разложилось уже капиталистическое крестьянство, насколько способно оно к революционно-демократическому перевороту, слишком трудно или невозможно было решить на основании одних теоретических соображений»⁶. Мало того, Ленин прямо говорит, что

¹ Ленин, т. V, стр. 105.

² Там же, стр. 330.

³ «Сель.-хоз. энциклопедия», т. I, стр. 95, ст. «Аграрное движение».

⁴ Ленин, т. XI, стр. 362

¹ Ленин, т. IX, стр. 152.

² Там же, т. IV, стр. 102.

«русские с.-д., не увидав перед собой воочию начала крестьянской революции, не могли не относиться осторожно к ее возможности, ибо возможность победы ее требует, действительно, ряда особо благоприятных условий и особо благоприятного размаха революционной сознательности, энергии и инициативы масс»¹.

В чем же заключалась ошибка аграрной программы II съезда? Ленин так отвечает на этот вопрос: «Программа 1903 г. ставит вопрос, не поставленный еще в 1885 г., именно вопрос о борьбе крестьянских и помещичьих интересов... Но решает этот вопрос программа 1903 г. неверно, ибо вместо того, чтобы противопоставить последовательно крестьянский и последовательно юнкерский способ, способ осуществления буржуазного переворота, программа искусственно конструирует нечто среднее»². В другом месте Ленин разъясняет, что ошибкой была попытка отделить на практике земли, служащие для крепостнической кабалы, от прочих помещичьих земель, ибо крестьянское революционное движение было направлено против помещичьего землевладения в целом. Меньшевицские аргументы о реакционности дробления крупного капиталистического хозяйства во время демократического переворота Ленин отмечает, ибо «для развития капитализма конфискация помещичьей земли даст несравненно больший плюс, чем тот минус, который получился бы от раздела крупного капиталистического хозяйства»³.

Исправив в 1905 г. на опыте крестьянского движения ошибку аграрной программы 1903 г. с «отрезками», большевики действовали в духе основных установок Ленина еще в 1894 г., с «Друзей народа», в духе подготовки революционной ломки полукрепостнического строя снизу, в направлении внесения классовой борьбы в деревню, подготовки борьбы за социализм вместе с сельскими пролетариями и полупролетариями против буржуазии, в том числе и сельской, ибо последняя могла быть лишь временным попутчиком на время борьбы с общим врагом — с крепостничеством, с царским самодержавием. Эти основные установки Ленина шли по линии включения в боевой порядок дня задачи перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. С этим ленинским планом перера-

стания неразрывно связан большевистский лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства как этапа к диктатуре пролетариата, а в области аграрной программы лозунг национализации земли как самой радикальной чистки земли от остатков крепостничества, как предпосылка для борьбы за национализацию всех средств производства, для борьбы за победу социалистической революции.

3

В «Аграрной программе русской социал-демократии» Ленин в 1902 г. писал: «Классовая борьба пролетариата с буржуазией должна быть нашей первой и коренной заботой, должна быть тем оселком, на котором мы будем испытывать и принципиальные вопросы, и политические задачи, и приемы пропаганды, агитации и организации...

...Наша главная ближайшая цель — расчистить дорогу для свободного развития классовой борьбы в деревне, классовой борьбы пролетариата, направленной к осуществлению конечной цели всемирной социал-демократии, к завоеванию политической власти пролетариатом и созданию основ социалистического общества»⁴.

Вот почему Ленин в популярной брошюре к «Деревенской бедноте» резко подчеркивает, что «деревенской бедноте недолго придется идти вместе с богатеями против помещиков. Только первый шаг мы можем вместе с ними сделать, а там придется врозь идти... А последний шаг и в городе и в деревне один будет: отберем все земли, все фабрики у помещиков и буржуазии и устроим социалистическое общество»⁵. А тогда «против всего деревенского пролетариата встанет вся деревенская буржуазия»⁶. Очертив ясно борьбу за конечную цель, за социализм, Ленин точно формулирует и лозунг подготовки к пролетарской революции: прежде всего «укрепить союз деревенских пролетариев и полупролетариев с городскими рабочими»⁷.

Этот союз, по мысли Ленина, должен был обеспечить и нейтрализацию середняка в борьбе за победу диктатуры пролетариата, и последующий переход к политике прочного союза с середняком и вовлечения

¹ Ленин, т. XI, стр. 497.

² Там же, стр. 363.

³ Там же, стр. 61.

⁴ Ленин, т. V стр. 100—120.

⁵ Там же, стр. 307.

⁶ Там же, стр. 310.

⁷ Там же.

Допрос „аграрников“ в деревне

его в социалистическое строительство под руководством пролетариата (решения VIII съезда партии, третий лозунг Ленина по крестьянскому вопросу).

В «Задачах русских социал-демократов» (1898 г.) Ленин заявляет, что «русский фабричный рабочий... не может не сближаться с сельским пролетариатом, с многомиллионной массой профессиональных батраков и поденщиков, а также с тем разоренным крестьянством, которое, держась за мизерные клочки земли, занято отработками и всякими случайными «заработками», т. е. той же работой по найму»¹.

Уже в «Проекте программы нашей партии» (1899 г.) Ленин требовал решительно отгородить себя от столь обильных в России стремлений (речь идет как о народничестве, так и о ревизионистах типа Булгакова и К^о. — И. С.) «сгладить классовую борьбу в деревне» и приковывал внимание к «борьбе нарождающегося сельского пролетариата с сельской буржуазией»².

Как известно, попытки «сгладить» классовую борьбу в деревне — это излюбленное занятие оппортунистов не только в условиях борьбы пролетариата за свою дикта-

туру, но и в переходный период от капитализма к социализму, когда классовая борьба продолжается в новых формах. Читая высказывания Ленина эпохи кануна 1905 г., можно легко проследить ту красную нить, которая соединяет органической преемственностью ранние работы Ленина с таким законченным документом мирового значения, как ленинские тезисы II конгресса Коминтерна по аграрному вопросу, являющиеся и поныне руководством к действию для всех компартий. В этих тезисах Ленин например разъясняет действительное положение полупролетариев деревни или парцелльных крестьян, положение, сознательно затушевываемое «представителями буржуазии и желтыми, принадлежащими ко II интернационалу, «социалистами»³ под видом смешения этих полупролетариев «с общей массой крестьянства вообще». Ленин прямо говорит, что «трудящимся массам деревни нет спасения иначе, как в союзе с коммунистическим пролетариатом»⁴ и что, «с другой стороны, промышленные рабочие не могут выполнить своей всемирно исторической миссии освобождения человечества от гнета

¹ Ленин, т. II, стр. 174.

² Там же, стр. 526.

³ Ленин, т. XXV, стр. 269.

⁴ Там же, стр. 266.

капитала и от войн»... без внесения классовой борьбы в деревню, без объединения трудящихся масс деревни вокруг коммунистической партии городского пролетариата, без воспитания первых последними»... Так развивал и конкретизировал Ленин энгельсовский завет «пойти в деревню» в целях борьбы за пролетарскую революцию.

Отмечая наличие в деревне двух социальных войн, подчеркивая необычайную актуальность первой войны против крепостничества, обращенной к живучим остаткам прошлого, Ленин ярким прожектором своей революционной теории освещал проблемы будущего — нараставшей войны против капитализма. Комментируя в 1905 г. резолюцию III съезда о необходимости «во всех случаях и при всех обстоятельствах самостоятельной организации сельского пролетариата», Ленин прямо связывает задачу «готовиться к борьбе» против деревенской буржуазии с планом перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, с марксовой теорией непрерывной революции. Ленин по вопросу о судьбе конфискуемых помещичьих земель с точки зрения интересов пролетариата пишет: «Практически это может означать и переход земли к классу мелких хозяев — крестьян, там, где преобладает кабальная крепостническая крупная собственность, где нет еще материальных условий крупного социалистического производства, и национализацию при условии полной победы демократической революции, и передачу крупных капиталистических имений ассоциациям рабочих, ибо от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к революции социалистической. Мы стоим за непрерывную революцию»¹. Ясное дело, что в свете этого ленинского плана перерастания и большевистский лозунг национализации земли служил подготовкой и предпосылкой борьбы за победу социализма. Об этом Ленин писал в 1917 г. в послесловии к своей «Аграрной программе русской социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.»: национализация земли в аграрной программе «есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и шаг к социализму... Пролетариат, руководя беднейшим крестьянством, вынужден, с одной стороны, переносить центр тяжести

с советов крестьянских депутатов на советы депутатов от сельских рабочих, а с другой стороны, требовать национализации инвентаря помещичьих имений, а равно образования из них образцовых хозяйств под контролем этих последних советов»². Таким образом классовая пролетарская линия здесь, и в 1905 и 1917 гг., доведена по существу до задачи создания совхозов.

Конечно только меньшевистско-троцкистская постановка вопроса могла на этом основании игнорировать задачу помочь мелким и средним крестьянам, которые сразу не могли стать на социалистический путь. В этой связи следует напомнить выступление Ленина на II конгрессе Коминтерна против лидера немецких правых независимцев, ныне явного социал-фашиста Криспина: «Криспин... задумал уличить нас в мелкобуржуазности; сделать что-нибудь для мелкого крестьянства за счет крупных землевладельцев, это, мол, мелкобуржуазно. Крупных владельцев следует экспроприировать, а землю передать коммуна. Это воззрение педантическое. Даже в высоко развитых странах, в том числе и в Германии, достаточно чересчур больших латифундий, и есть такие участки земли, которые обрабатываются не крупнокапиталистическим, а полуфеодалным способом: от последних можно кое-что отрезать в пользу мелких крестьян, не нарушая хозяйства. Можно сохранить крупную обработку земли и притом все же дать мелким крестьянам нечто, весьма для них существенное. К сожалению, об этом не думают, а на практике приходится это делать, иначе впадешь в ошибку. Это доказывается например книгой Варги, который пишет, что установление пролетарской диктатуры почти ничего не изменило в венгерской деревне, что помещики ничего не заметили, а мелкое крестьянство ничего не получило»³. Ленин делает отсюда вывод, что если «мелкий крестьянин не заметит разницы между прежним правительством и диктатурой пролетариата», то последняя «не сможет удержаться».

Здесь Ленин бьет не только по меньшевику Криспину и его духовному отцу Каутскому, но и по люксембургизму, по ошибкам венгерской, польской, латвийской и других компартий.

В аграрных тезисах II конгресса Коминтерна Ленин подчеркивает, что переход к

¹ Ленин, т. VIII, стр. 186.

² Ленин, т. XXI, стр. 233—234.

³ Ленин, т. XXV, стр. 358—359.

коллективному земледелию в условиях диктатуры пролетариата должен осуществляться постепенно, «силой примера, без всякого насилия над средним крестьянством». Это положение намечается уже Лениным в 1903 г. в брошюре «К деревенской бедноте», когда Ленин разоблачает лживость утверждений о том, что социал-демократы хотят «отнять собственность у среднего мелкого крестьянина». Ленин разъясняет, что «социал-демократы хотят отнять собственность только у крупных хозяев, только у того, кто живет чужим трудом»¹.

Ленин с самых ранних своих работ защищал обязанность пролетарской партии «начать «вступаться» за мелкого крестьянина», чтобы «облегчить переход батраков и полубатраков к социализму». Отсюда понятно, что вопреки меньшевистско-троцкистским, каутскианским и люксембургянским рецептам победившая в октябре 1917 г. диктатура пролетариата не остановилась перед временным принятием эсеровских наказов крестьян о земле с тем, чтобы, опираясь на практический опыт крестьянства в революции, осуществить большевистскую национализацию земли и кооперативный план Ленина, выработанный уже в условиях диктатуры пролетариата и развитый великим продолжателем дела Ленина вождем нашей партии и мирового пролетариата т. Сталиным.

Эсеровские мечты о кооперации в условиях капитализма Ленин беспощадно разоблачал: «Обманывая себя звуком слов, социалисты-революционеры обманывают и крестьянина. Это — обман, будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и подготавливают коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии»².

Дело коренным образом изменилось в условиях диктатуры пролетариата, ибо «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй со-

циализма»³. Теперь стала в порядок дня задача «научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий и мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении».

Задачу развития и осуществления в развернутом виде кооперативного плана Ленина, проводя ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, в борьбе с контрреволюционным троцкизмом, с правооппортунистической и «левацкой» агентурой кулачества, партия успешно осуществила под руководством ленинского ЦК и его вождя т. Сталина. Именно под руководством т. Сталина наша партия добилась успехов всемирно исторического значения в области строительства совхозов, колхозов и МТС, добилась разрешения ленинского вопроса «кто кого» в сельском хозяйстве и построения фундамента социалистической экономики.

«В результате всего этого разгромлено кулачество, подорваны корни капитализма в сельском хозяйстве, и тем самым обеспечена победа социализма в деревне, а колхозное хозяйство превратилось в прочную опору социалистического строительства» (решения январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), 1933 г.).

Полная победа колхозного строя в деревне обеспечена.

Кулачество разбито, но недобито. Очередные задачи партии в области сельского хозяйства партия успешно разрешает в духе ленинского указания, что обостренная классовая борьба продолжается в условиях диктатуры пролетариата в новых формах, в духе непримиримой борьбы с правооппортунистической теорией «потухания классовой борьбы», с «левацким» непониманием особенностей классовой борьбы в колхозах. Эти задачи требуют усиления революционной бдительности в борьбе против буржуазно-вредительской, кулацкой подрывной работы, в борьбе, проводимой на основе решений январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и исторической речи т. Сталина о работе в деревне в особенности.

¹ Ленин, т. V, стр. 290.

² Там же, стр. 159, 1902 г.

³ Ленин, т. XXVII, стр. 394.

БУНД НА II С'ЕЗДЕ ПАРТИИ

Бунд и его роль до II с'езда РСДРП

В борьбе за большевистские принципы в национальном вопросе II с'езд РСДРП сыграл весьма положительную и значительную роль.

Осветить и оценить ее теперь, через 30 лет, в течение которых вождями большевистской партии Лениным и Сталиным была выработана стройная и выдержанная теория большевизма в национальном вопросе, представляет задачу не только исторически интересную, но и политически актуальную. Уже в процессе подготовки II с'езда в старой «Искре», на самом с'езде и после него Ленин развертывал энергичную борьбу на два фронта против ошибок и уклонов в национальном вопросе, неизменно подчеркивая связь этих ошибок с неправильной политической линией в основных вопросах революции и в вопросах тактики рабочего движения.

Особенно наглядно вскрылась эта связь в истории разногласий с Бундом, о положении которого и его взаимоотношениях с РСДРП II с'езд развернул большую дискуссию.

«Бунд», или «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, России и Польше», оформился как централизованная еврейская социал-демократическая организация в 1897 г. на I с'езде Бунда, состоявшемся за год до I с'езда РСДРП.

В северо-западном крае возникло подпольное объединение, начиная с 90-х годов в Вильне, Минске, Белостоке и других городах, где было много ремесленных, а затем и фабричных еврейских рабочих. Эти марксистские еврейские кружки стали переходить к массовой агитации и к организации подпольных экономических и ста-

чечных организаций. Часть этих кружков, особенно связанных с организациями касс взаимопомощи, стала постепенно обособляться на национальной почве. В них берет свое начало Бунд. Теоретическим обоснованием в деле создания и дальнейшей деятельности Бунда послужила речь будущего меньшевистского лидера Ю. Мартова, которую он произнес на майском празднике в 1895 г. в Вильне, изданная потом брошюрой «Поворотный пункт в еврейском рабочем движении».

В сентябре 1897 г. на с'езде различных групп «еврейских социал-демократов» была основана объединенная еврейская социал-демократическая организация, которая на I с'езде РСДРП в Минске в 1898 г. вошла в состав РСДРП как организация, автономная лишь в вопросах, касающихся еврейского пролетариата. В период до II с'езда партии Бунд вырос в значительную политическую силу, пользовавшуюся большим влиянием на еврейский, преимущественно ремесленный, пролетариат.

С 1897 по 1900 г. движение в среде ремесленных рабочих, торгово-промышленных служащих и в небольшой прослойке промышленного еврейского пролетариата, особенно в Белостоке и Лодзи, приняло довольно большие размеры. Это была преимущественно экономическая борьба, в процессе которой создавались первые экономические и профессиональные организации. Внутри последних нередко выкристаллизовывались политические рабочие группы, руководимые Бундом.

Ремесленный состав рабочих и мелкобуржуазный состав руководящей еврейской интеллигенции, естественно, должен был сказаться и на политической физиономии Бунда. Политическое бесправие, антисемитская травля усиливали националистические настроения масс, а глубокие «экономические» традиции (которые попыталась также использовать и зубатовская «независимая еврейская рабочая партия» в 1901 г., вовлекшая в свои ряды довольно большую часть членов Бунда) сказались на росте в рядах Бунда тенденций экономизма.

Только в 1902 г. под влиянием «Искры» и общего под'ема в стране Бунд стал несколько перестраиваться и усиливать свою политическую агитацию. Весной 1903 г. на V с'езде Бунда окончательно оформилась та федералистская теория, которая привела Бунд к выходу из РСДРП на II с'езде партии. Основой выработанной к тому времени Бундом теории по нацио-

нальному вопросу явилось требование национально-культурной автономии в будущей федеративной демократической России. При этом Бунд требовал еще на своем IV съезде в 1901 г. соответствующей перестройки РСДРП на началах федеративного объединения национальных революционных социал-демократических организаций.

На этом съезде была принята резолюция, в которой говорилось: «Представляя себе РСДРП как федеративное соединение социалистических партий всех наций, населяющих Российское государство, съезд постановляет, чтобы Бунд как представитель еврейского пролетариата вступил в нее как федеративная часть, и поручает Центральному комитету Бунда провести это решение в жизнь». Это явилось прямым вызовом «Искре», преодолевавшей величайшие трудности в борьбе за создание единой централизованной партии.

В № 7 «Искры» появилась резкая оценка политики Бунда и указывалось, что IV съезд Бунда есть поворот в сторону явного национализма, а его решение о федерации незаконно. На это Бунд дал резкий ответ, издеваясь над существующей организационной слабостью партии: «Бунд должен отдавать отчет только Центральному комитету партии или ее съездам, а никоим образом не отдельным входящим в ее состав организациям, а тем менее о принадлежности которых к партии других данных, кроме заголовка на изданиях, покамест не существует». На это обвинение «Искры» в самозванстве Ленин резко реагировал в своей работе «Что делать?» (февраль 1902 г.).

Между прочим пункт об устройстве партии на федеративных национальных началах вытекал из общей установки Бунда, сформулированной в решении его IV съезда: «Государство, подобно России, состоящее из множества разнородных национальностей, должно в будущем преобразоваться в федерацию национальностей с полной национальной автономией каждой из них, независимо от территории, ими обитаемой». В этом решении Бунд обнаруживает все свое антимарксистское понимание национального вопроса. Основной признак нации — территориальная общность — игнорируется Бундом. Кроме того Бунд отождествляет государственное строительство, охватывающее нацию в целом, с партийным строительством, где речь идет только об организации рабочего класса, о его партии, которая должна быть безусловно централизована, имея перед собою совершенно другие цели и задачи. Ха-

рактерно также и то, что в противовес марксистской организации «Искры» Бунд иногда блокируется с националистической ППС (польская социалистическая партия), у которой он находит известную поддержку своим националистическим взглядам.

Вопрос о месте Бунда в РСДРП снова встал на его V съезде, где требование федеративности построения партии было заявлено ультимативно и где столь же ультимативно было декларировано, что Бунд является «единственным представителем еврейского пролетариата».

Таким образом за весь период до II съезда Бунд развертывал довольно большую по объему работу, стараясь оформить и закрепить свою организационную обособленность.

Как видно из всей позиции Бунда, главный мотив, диктующий требование федерации в рамках партии, — это недоверие к пролетариям других национальностей. Бунд не чувствовал себя внутри интернационального рабочего класса, возлагая надежды не на рабочий класс в целом, а только на свою силу. В этом корень бундовского национализма.

Еще большую роль в этом отношении играла общая оппортунистическая установка Бунда на самую сущность предстоящей революции, на ее размах и дальнейшие перспективы.

Бунд по своей мелкобуржуазной сущности не верил в силы пролетариата и в его способность повести за собой крестьянство, считая, что крестьянство является резервом и союзником буржуазии и ее власти. Никаких сил, которые могли бы противостоять после свержения царизма власти капитала, Бунд не видел. Также не допускал Бунд и мысли о возможности немедленного перехода после победы над самодержавием к борьбе за диктатуру пролетариата. Оппортунизм не мог не привести к национализму, тем паче, что мелкоремесленный состав Бунда был больше всего склонен к оппортунистическим и националистическим воззрениям. Руководство Бунда было огромным препятствием для революционизирования еврейских рабочих. То, что Бунд доказал впоследствии вместе с меньшевиками до контрреволюции, — общеизвестный факт.

Разногласия о месте Бунда в РСДРП на II съезде

Особенно обострились отношения между «Искрой» и Бундом накануне созыва II съезда партии. Совершенно понятно, что Бунд,

так сильно использовавший организационную неоформленность партии, отнесся весьма сдержанно к созыву II съезда партии, который должен был оформить партию фактически впервые и указать Бунду на его место в партии, положив конец его националистической деятельности. Ленин указывает, что «Бунду также было предложено послать своего представителя в оргкомитет, но по неизвестным нам причинам Бунд не отозвался на наше предложение». Бунд поднял целую кампанию против «Искры» и других групп, составивших организационный комитет по созыву съезда.

Ленин в своем ответе на кампанию Бунда писал: «Насильно мил не будешь», говорит русская пословица. Если Бунд не хочет оставаться в... теснейшей связи с РСДРП... то конечно он не останется в старых отношениях»¹.

Отвечая в «Последних известиях» (№ 109) в феврале 1903 г. на эту статью Ленина, Бунд старался уверить, что у «Искры» «была цель — посрамить Бунд и вызвать против него возмущение, показав, что он из «организационного эгоизма» тормозит дело объединения партии». Таким образом от обороны Бунд переходит к нападению на «Искру» и на Ленина, говоря: «Вы стремитесь к гегемонии не только теоретической, но и организационной. Бунд вам мешает своим отдельным существованием, своей самостоятельностью, поэтому вы боретесь с ним: вы действуете против него из-за угла, вы науськиваете на него неразбирающуюся «толпу» дикими и лживыми обвинениями».

Совершенно понятно после этого, что вопрос о месте Бунда в российской социал-демократической рабочей партии должен был стать первым пунктом порядка дня съезда после его конституирования.

Докладчиком по вопросу о месте Бунда в партии был Либер. Он выставил определенные договорные условия, на которых Бунд был согласен образовать федерацию с партией, но внешне это прикрывалось его предложением об общей рационализации организационных форм партии по национальным клеткам. Либер предлагал образовывать независимо от территориального расположения отдельные национальные организации, которые, руководясь общими программными установками партии, явились бы во всем остальном вполне самостоятельными и даже имели бы для себя дополнитель-

ные пункты программы. Центральные органы партии строятся по этому же принципу из лиц, делегируемых туда национальными организациями.

Совершенно ясно из этих установок, к какому огромному ослаблению партийного центра стремились бундовцы. Партийный центр мыслился ими «федеративным парламентом», где не было бы централизованного руководства и происходили бы вечные споры между национальными представительствами в защиту своих организаций.

На местах это вызвало бы полную отчужденность между членами партии, состоящими в различных национальных обособленных организациях.

Разберем некоторые конкретные предложения, внесенные Либером на II съезде о положении Бунда в партии. Пункты гласят: «Бунд есть социал-демократическая, неограниченная в своей деятельности какими-либо районными рамками организация еврейского пролетариата и входит в партию в качестве его единственного представителя»...

«При обращении к еврейскому пролетариату со стороны других входящих в партию частей требуется согласие ЦК Бунда... В случае необходимости ЦК партии имеет право вступить в сношения с отдельными частями Бунда, но лишь с согласия ЦК Бунда... Съезд партии имеет право отменять все постановления съездов Бунда за исключением решений, принятых на точном основании настоящей конституции. Если ЦК партии усматривает в каких-либо действиях ЦК Бунда противоречие с постановлением общих съездов партии, то он (ЦКП) имеет право потребовать от него объяснения».

Эти децентрализаторские, националистические установки Либер обосновал «теми особо тяжкими правовыми условиями, в которых находится весь еврейский пролетариат, без отношения к языку, на котором он говорит; во-вторых, тем, что соотношение общественных сил среди еврейской нации совершенно своеобразное: так например там нет дворянства, землевладельцев и крестьянства».

Так пытался Либер «марксистски» обосновать необходимость существования отдельной еврейской рабочей организации. Еврейский пролетариат, говорил Либер, больше других национальностей заинтересован в уничтожении исключительных национальных стеснений, он явится поэтому наиболее активным борцом против такого угнетения. И из этого он делает вывод, что

¹ Ленин, т. V, стр. 238.

партия должна быть построена на принципе национальной федерации.

Вопрос о месте Бунда в партии обсуждался на съезде невероятно долго, заняв почти шесть заседаний, т. е. три дня. Решение же было перенесено и поставлено в связи с вопросом об уставе партии. Делегаты Бунда всячески затягивали съезд, связывая свои вопросы со всеми основными пунктами порядка дня. Почти весь съезд за исключением экономистов, которые сильно влияли, выступал и голосовал против предложений Бунда.

Содокладчиком Либера был М а р т о в. Он построил свои возражения против Бунда на том соображении, что этот съезд — не учредительный, что имеется решение I съезда партии о предоставлении Бунду автономии, но не федеративных прав посредством договора с партией, но что особые тяжелые правовые условия еврейского пролетариата могут явиться поводом для более расширенной автономии. «Положение Бунда, — говорил Мартов, — противоречивое... мы не должны закрывать глаза на это ненормальное положение, не должны его игнорировать».

Бундовским делегатам, а фактически и Мартову возражали большевики. Так, представитель Баку большевик Кнуньянц (Русов) остановился на опыте Закавказья, где в городах существовали комитеты партии, работавшие на нескольких языках, и где никаких неудобств из-за этого не создавалось. Он справедливо подчеркивал, что «тенденция, которая господствует сейчас в Бунде, ничего общего с социализмом не имеет. Существование особой еврейской организации в партии пролетариата, ошибочно допущенное первым съездом, имеющее может быть свое историческое оправдание, привело к очень нежелательным результатам».

Кнуньянц опровергал основной мотив Бунда, указывая, что в России исключительные законы существуют не только для евреев, но и для других народов. Но это положение угнетенных национальностей, давая огромный материал для агитации, не может быть причиной образования самостоятельной организации. В уничтожении ограничительных законов против национальностей так же заинтересован весь российский пролетариат, как и еврейский.

Представитель киевской организации рабочий-большевик Степанов доказывал на основании киевского опыта вред, который причиняет обособленность еврейского про-

летариата. Киевский комитет партии вел работу среди всех национальностей. Бунд создал там параллельно свою организацию. Этот факт недоверия к русским товарищам, совместно борющимся с общим врагом, глубоко возмутил рабочих. Еврейские рабочие тоже отрицательно отнеслись к учреждению самостоятельной еврейской организации.

Но наиболее развернутую, уничтожающую критику предложений Бунда дал Ленин. Он указал прежде всего, что раз в партии есть члены, предлагающие федерацию, и члены, отвергающие ее, то вопрос о Бунде необходимо было поставить на первое место. Основной вопрос, когда речь идет о внутренних делах партии, не узаконять и не прикрывать фиговым листком возникшую отчужденность, а бороться с ней. «Мы должны признать и заявить необходимость твердо и неуклонно идти к теснейшему единству... никаких обязательных перегородок мы не признаем и потому федерацию в принципе отвергаем». Центр тяжести в споре с Бундом Ленин переносил на вопрос о тесном единстве пролетариев против национальных перегородок.

Ленин спрашивал: «Разве например борьба за полную равноправность и даже за признание права нации на самоопределение не составляет обязанности всей нашей партии? Следовательно, если бы какая бы то ни было часть нашей партии не исполнила этой обязанности, то она безусловно подлежала бы осуждению в силу наших принципов, она безусловно должна бы была вызвать поправку со стороны центральных учреждений партии. И если бы эта обязанность не исполнялась сознательно и умышленно, несмотря на полную возможность ее исполнить, то неисполнение было бы изменой»¹.

В выступлениях большевиков на II съезде совершенно определенно намечалась диаметрально противоположная всем другим группам линия в организационных формах работы среди рабочих разных национальностей. Это вытекало из их общего понимания принципов революционного марксизма в строительстве партии и в организации рабочего класса. Меньшевики выступали на съезде также против требования федерации и также как будто критиковали Бунд. Однако у них основной вопрос — целесообразность существования отдельной еврейской

¹ Ленин, Соч., т. VI, стр. 19.

рабочей организации — не поднимался, наоборот, они были очень щедры в похвалах прошлому Бунда.

Меньшевик Костиц даже требовал, чтобы социал-демократия, борясь за права национальностей, старалась поднять социал-демократию до того высокого уровня классового самосознания, на котором находится Бунд.

Очень определенно выступил против установок большевиков о Бунде Мартынов, заявивший: «Я вполне разделяю резолюцию, предложенную т. Мартовым, но я считаю ее недостаточной. Мы должны бороться против вредной тенденции Бунда к национальному обособлению еврейского пролетариата, но не против Бунда вообще. Мы знаем его крупные исторические заслуги и не желаем сломить этой исторически сложившейся силы».

В этом же духе высказывались на съезде и другие меньшевики.

Троцкий пытался выступать довольно резко против Бунда, напоминая II съезду, что он сам еврей и все же не находится в рядах Бунда. Но в основном вопросе о существовании Бунда он сошелся со взглядами меньшевиков. «Хотим ли мы уничтожить ту плодотворную работу по развитию сознания еврейского пролетариата, которую совершает Бунд?..» — спрашивал Троцкий. «Признавая необходимость самостоятельного существования Бунда... можно его ввести в партию как подчиненную организацию с определенной сферой самостоятельности в пределах постоянной задачи»¹.

Ближе других подошли к позиции Бунда «экономисты» Брукер и Акимов. Как и антиискровцы, они имели виды использовать Бунд, тяготеющий к экономизму, для укрепления своих позиций. Брукер сказал на съезде: «Я не могу принять федеративный принцип их организации, но если бы Бунд предложил общий план организации и в нем провел те демократические тенденции, которыми проникнута его организация, и принцип представительства для всех районов партии, я бы поддержал его в этих тенденциях и в этом принципе».

Акимов-Махновец как идеолог экономизма шел еще дальше Брукера в восхвалении Бунда и в защите его националистических установок. Он дал такой аттестат Бунду: «Блестящая организация Бунда всегда поддерживала, защищала и проводила именно

принципы революционной социал-демократии. Смешно учить ее этим принципам... Евреи составляют особую нацию, резко отличную от всех других наций: она сохранилась в течение тысячелетий, несмотря на все преследования, и выдвинула из своей среды целый ряд гениев во всех областях знаний и искусств... После тысячелетий порабощения евреи возрождаются для национальной жизни, подобно чехам, и это осложняет задачи еврейского пролетариата, создает для него потребность в национальной социал-демократии».

Это была уже законченная националистическая концепция, которая могла быть применена для обоснования и сионизма и любого буржуазного еврейского национализма. Выступивший на съезде вслед за Акимовым бундовец Медем не отмежевался от Акимова, досказавшего то, что Бунд сам не решился много лет говорить открыто, а именно, что главной задачей Бунда была не борьба за социализм, а за возрождение еврейской нации в целом, без различия классов. Именно эта установка могла привести к тому, что после поражения революции 1905 г. Бунд стал открыто говорить о переносе своей деятельности в общую еврейскую религиозную общину, а затем вместе с меньшевиками пошел в лагерь контрреволюции, где обретается и поныне.

За резолюцию против предоставления прав на федерацию Бунду было подано на съезде 45 голосов против 5 голосов самой бундовской делегации. В то же время надо отметить, что за одну существенную поправку Либера к резолюции было 13 голосов за против 26. Это серьезный показатель шаткости единства искровцев и по этому вопросу.

Борьба против национализма Бунда по другим вопросам порядка дня съезда

Национализм Бунда был связан с его общими оппортунистическими установками, сказавшимися при обсуждении всех вопросов, стоявших в порядке дня съезда, и прежде всего при обсуждении программы партии. Либер выступил с возражениями против общей теоретической части программы, особенно против утверждения, что социал-демократы только разных стран ставят себе неодинаковые ближайшие задачи в зависимости от степени развития капитализма, от различной социально-политической обстановки. Он требовал, чтобы программа партии предусматривала также разные требования для различных национальностей

¹ См. протоколы II съезда, стр. 69.

России. Националистическая тенденция Либера была здесь довольно ясна.

Либер очень резко полемизировал с Лениным по вопросу о том, как слагается идеология социал-демократической интеллигенции, выходцев из буржуазии. Он указывал, что «Ленин недостаточно оценивает влияние пролетарской психологии на буржуазную интеллигенцию». Либер пытался даже пускать в ход левую фразу, заявляя свое несогласие с тезисом, что «социал-демократия должна разоблачить перед пролетариатом противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых». Эксплуатируется, мол, не только пролетариат, но и другие слои, а социал-демократия является партией пролетариата, поэтому она должна только о нем и заботиться, а не о других (городской бедноте, крестьянстве и т. п.).

По вопросу об уставе партии выступил на съезде представитель Бунда Медем, заявивший: «Я, не задумываясь, назову проект т. Ленина чудовищным. Централистический принцип предполагает контроль высших органов партии над низшими, но ни в коем случае не должен вести к уничтожению последних». Он предлагал представителям местных комитетов протестовать против централизации, предлагаемой Лениным. При такой централизации партии совершенно не обеспечено существование Бунда, ибо он может быть распущен центром. При этом Медем впервые выставил съезду ультиматум, что если предложения Бунда будут отклонены съездом, то Бунд выступит из состава партии.

Либер предложил Медему, указав, что Бунд не может пойти на то, чтобы у ЦК партии было бы право распустить ЦК Бунда, если даже будет оговорка, что в отношении Бунда это право не применяется. Ленин приписывает Бунду смертный приговор, но только отсрочивает его исполнение на некоторое время. Либер позволил себе сказать, что партия придерживается «какого-то фантома — организации генералов без армии».

Особенное негодование выразили делегаты Бунда по поводу высказанного Плехановым положения об относительности принципов демократии для рабочего класса о том, что «успех революции — высший закон», во имя которого можно отказаться от всеобщего избирательного права, что может оказаться необходимым разгон Учредительного собрания и т. п.

Большое оживление внесло предложение

Либера — прибавить к программе требование «свободы языка». Этот термин находится неясным вследствие его каламбурного характера. Был внесен ряд самых различных предложений, как формулировать эту мысль о праве употреблять родной язык, и голосование этих предложений оказалось поворотным пунктом в борьбе лагерей на II съезде. Голоса разделились поровну. Это означало, что заметная часть искровцев пошла за бундовцами, за болотом и рабочедельцами.

В «Шаг вперед, два шага назад» Ленин писал по поводу этого голосования, что «столкновение приняло действительно принципиальный характер, а потому и страшно ожесточенные формы вплоть до попытки «свергнуть» программную комиссию, вплоть до подозрений в желании «подвести съезд».

При споре по первому пункту устава партии о том, кто считается членом партии, делегация Бунда выступила против Ленина, в защиту предложения Мартова за широкий доступ в партию тех, кто в партии не работает, а только ей содействует. Либер развивал такую цепь возражений Ленину: «Есть социал-демократы, признающие программу, но не могущие и не желающие войти в организацию, так как они находят, что вне организации они могут больше пользы принести. Партия должна использовать такие элементы, ибо помощь их зачастую очень существенна. Тов. Ленин смешивает вопрос об организации с вопросом об отдельных личностях. Наша задача не только организовать организацию, мы можем и должны организовать партию».

При такой позиции Бунда можно себе представить, с какой ненавистью он встретил первый пункт устава в редакции Ленина, стремящегося избавиться от тех элементов, которые образуют мост между пролетариатом и буржуазией и являются прямыми агентами последней. Уже после съезда в № 5 «Вестника Бунда» писалось вполне откровенно о необходимости вовлечения в партию и буржуазно-демократических элементов. «Чтобы взять в свои руки демократическое движение, — писал «Вестник Бунда», — нужно раздвинуть рамки социал-демократии так, чтобы в ней могли уместиться и демократические элементы, нужно предоставить им страницы своей газеты, нужно постоянно выдвигать то, что только интересует демократов».

Заключительный бой с Бундом на II съезде партии произошел по докладу уставной

комиссии, когда стали разбирать внесенный бундовцами проект их устава и поступило предложение изъять пункт устава Бунда, говорящий о федеративных принципах в организационном строительстве партии. Либер взялся разоблачить «легенду», что будто когда-то Бунд был «хорошим», что прежде все обстояло прекрасно и только с IV съезда Бунда все изменилось к худшему и Бунд пошел по пути сепаратизма. Надо отдать справедливость Либеру, что в этом вопросе он был более прав, чем его противники. Бунд никогда не был безгрешным в смысле национализма, и это пятно на нем лежало задолго не только до II съезда РСДРП, но и до его IV съезда.

Либер показал, что еще в 1895 г., т. е. за два года до образования Бунда, в брошюре «Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения», изданной его основателями, говорилось следующее: «Вот почему мы должны решительно признать, что наша цель, цель действующих в еврейской среде социал-демократов, состоит в том, чтобы создать специально еврейскую рабочую организацию, которая являлась бы руководительницей и воспитательницей еврейского пролетариата в борьбе за экономическое, гражданское и политическое освобождение». Мартов мотивировал в 1895 г. необходимость существования отдельной еврейской рабочей организации тем, что не следует доверять русским рабочим защиты национальных прав евреев, ибо нет гарантии, что эти рабочие и их партия не пожертвуют интересами еврейских масс для других целей. Это был уже национализм высшей бундовской марки.

При голосовании предложения о признании Бунда единственным представителем еврейского пролетариата оно было отклонено. После этого Либер заявил от имени всей делегации Бунда, что на основании решения V съезда Бунда они уходят со съезда партии и заявляют, что Бунд выступает из РСДРП.

Так кончилась первая организованная эпопея борьбы партии с Бундом, с его оппортунизмом и национализмом. С большевистской партией так Бунд никогда и не объединился, оставаясь союзником и соратником меньшевиков на всех их позорных этапах.

Но со II съезда имели уже место переходы революционных элементов Бунда в ряды нашей партии. Массовый характер эти переходы получили после победы пролетариата в Октябре, особенно с 1919 г., когда власть советов достаточно уже показала свою силу и мощь. С отрывками бундизма партия боролась все время как с одним из буржуазных уклонов по национальному вопросу. Эта борьба с пережитками бундизма является и теперь, как показывает ход чистки например на Украине и в Белоруссии, чрезвычайно актуальной, ибо все еще часто встречаются тенденции идеализировать прошлое Бунда со стороны бывших бундовцев, непонимающих вреда бундовского еврейского национализма, смыкающегося с национал-демократами и т. п. контрреволюционными националистическими течениями. Поэтому история борьбы большевиков с бундовским антипролетарским национализмом на II съезде имеет и поныне актуальное политическое значение.

„Вопрос о правах наций есть не изолированный и самодовлеющий вопрос, а часть общего вопроса о пролетарской революции, подчиненная целому и требующая своего рассмотрения под углом зрения целого“.

СТАЛИН

ПОЛЬСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

НА II СЪЕЗДЕ РСДРП

Отношение польской социал-демократии к русскому рабочему движению

Польская социал-демократическая партия была марксистской партией пролетариата Польши. В противоположность националистической ППС (Польской социалистической партии, ставшей потом партией польского социал-фашизма), крайне недоверчиво и отчужденно относившейся к русскому рабочему движению, польская социал-демократия с самого своего возникновения проповедывала единство революционного движения польского и русского пролетариата.

Ровно сорок лет тому назад—на собрании 30 июля 1893 г.—польские социал-демократические рабочие отбросили прежнее название «Польской социалистической партии», принятое в марте того же года при объединении прежних членов «Союза польских рабочих» и партии «Пролетариата». Социал-демократические рабочие решительно порвали с заграничной группой польских социал-патриотов, входивших в общую с ними партию и выставивших в том же году националистическую программу. Приняв название «Польской социал-демократии», партия положила в основу своей деятельности программные установки, развитые в статье в № 1 социал-демократического органа «Sprawa robotnicza» — «Рабочее дело».

Статья эта заменяла партийную программу польской социал-демократии до 1905 г.

В этой статье «Sprawa robotnicza» писала:

«Русский рабочий—наш брат по нужде и товарищ в борьбе. Начинает он понимать,

так же, как и мы, что неизбежна борьба с царским правительством. Его также разбудила нужда, и он хочет борьбы. Итак, русский рабочий соединится с нами против общего врага.

Тогда царизм, сковавший нас, поляков, и русских для общего рабства, погибнет от руки соединившихся своих врагов—рабочего народа Польши и России»¹.

На Цюрихском международном рабочем конгрессе Р. Люксембург подчеркивает, что в борьбе за свободу польские социал-демократические рабочие протягивают братскую руку русским товарищам.

На I съезде социал-демократии Польши в марте 1894 г. особым пунктом дня ставится вопрос об отношении к русскому пролетариату. Докладчик отмечает, что уже из самой программы и деятельности польских социал-демократов ясно вытекает братство с русским пролетариатом. Интерес к нему растет по мере того, как борьба между ним и правительством обостряется, и вскоре может наступить момент, когда эти отношения примут форму важной практической работы.

Съезд единодушно принимает резолюцию солидарности с русским рабочим и призывает «ускорить по возможности момент, когда рабочее движение в России примет форму широкой массовой политической агитации»².

Польская социал-демократия призывает помочь организовать русским рабочим:

«Так как счастливые условия позволили нам уже дойти до широкой, массовой систематической борьбы, то мы должны всеми силами помочь нашим опытом русским товарищам»³.

Однако на следующем периоде социал-демократия не сумела удержать руководящее влияние в польском рабочем движении и после массовых арестов 1895—1896 гг. вплоть до 1900 г. не смогла восстановить разгромленную полицией организацию.

Вот как рисует состояние партийной организации в конце 1899 г. Ф. Дзержинский:

«В сентябре 1899 г. я приехал в Варшаву (бежал из Вятской губернии). Положение в Варшаве было следующее: среди пролетариата активно работали только две организации: ППС и Бунд, кроме них были лишь отдельные одиночки, которые причисляли себя к с.-д., но вследствие полной бездеятельности были совершенно деморализованы

¹ «Sprawa robotnicza» № 1, июль 1893 г.

² Там же № 10, 1894 г.

³ Там же № 11—12, 1894 г.

в политическом отношении, т. е. ожесточенно критиковали исключительно ППС, а помимо этого ничем не занимались»¹.

Такое положение до крайности затрудняло подготовку и участие польской социал-демократии в I съезде с.-д. организаций России. На I съезде РСДРП в марте 1898 г. из социал-демократических организаций Польши был поэтому представлен только один Бунд.

В конце 1899 г. польской социал-демократии удалось восстановить партийную организацию. Ф. Держинский вместе с рабочими Яном и Антоном Росол проводит объединительную конференцию с.-д. Польши и Литвы. Однако в конце января 1900 г. Ф. Держинский и А. Росол были арестованы, и во главе краевого руководства становится К. Залевский (С. Трусевич).

Под именем «залевщизны» известен период, когда в социал-демократическом движении Польши стихийный экономизм и националистический федерализм получили преобладающее значение. «Залевщизна» являлась польской разновидностью международного оппортунизма.

II съезд объединенной социал-демократии Польши и Литвы, созванный в августе 1900 г., подверг ревизии партийную программу и принципы организации.

Лозунг объединения всех местных партийных организаций в единую социал-демократическую партию России съезд заменил лозунгом установления близких взаимоотношений двух самостоятельных партий.

Позднее, в феврале 1901 г., Белостокская конференция СДПил приняла составленное Залевским обращение «К членам РСДРП», в котором выдвигается федеративный принцип организации социал-демократической партии России.

Так оппортунистическое руководство СДПил искажило дело партийного объединения национальным сепаратизмом. Яркое сказавшееся здесь влияние Бунда на СДПил не встретило решительного отпора, хотя в отдельных организациях (например варшавской) и были протесты против оппортунистической ревизии.

Совершенно понятно поэтому настороженное отношение к полякам со стороны «твердых» искровцев во главе с Лениным, ярко выявляющееся например в следующей приписке Н. К. Крупской к письму Ю. Мартова к М. Вечеслову в мае 1901 г.:

«Полякам можете передать, не связывая

себе руки по отношению к другим политическим партиям и не желая активно вмешиваться во взаимные их отношения, мы вполне сочувствуем их делу, готовы популяризовать их фирму в наших изданиях и способствовать их сближению с российской с.-д. партией.

Передайте это им устно, не показывая письма². Предлагаем им написать статью об их программе для «Зари», которая могла бы послужить началом дискуссии по польскому вопросу. Если поляк может заехать без особых расходов с нашей стороны, то мы ничего не имеем против свидания»³.

С другой стороны, из белостокского «Обращения к членам РСДРП» видно, что Залевский надеялся использовать для укрепления своих позиций в Польше связи с «мягкими» искровцами с Мартовым во главе.

В ноябре 1901 г. происходил III съезд СДПил, продолжавший ту же оппортунистическую линию в вопросе об объединении с социал-демократическими организациями России. Съезд принял следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что свержение царизма и завоевание народной конституции являются задачей пролетариата всего государства Российского и что классовые организации пролетариата русского, еврейского и литовского признали эту задачу, съезд считает желательным вступить в ближайшее время в федеративные отношения с этими партиями и организовать федеративный совет. С этой целью следует стремиться к созыву съезда...»⁴.

Подъем рабочего движения в России охватил в 1903 г. также и Польшу. Разгром «Искрой» «экономистов» оказал свое влияние и на польскую с.-д. «Залевщизну» пришел конец. Возвратился бежавший из Сибири Ф. Держинский, и правооппортунистическое руководство было вскоре ликвидировано.

Массовый орган СДПил «Червоны штандар» в июльском номере помещает статью «Русская социал-демократия». Редакционная статья начинается разоблачением отношения к русскому рабочему движению социал-патриотической ППС, которая утверждала, что объединяться с русскими пролетариями нельзя, потому что русские рабочие не борются. Статья описывает далее огромный рост рабочего движения в России и признает,

² Последняя фраза вписана Лениным.—Ред.

³ Лен. сб. VIII, стр. 136—137.

⁴ «Пшегленд социаль-демократyczny» № 1. 1902 г.

¹ «З поле вальки» № 9—10, 1930 г.

что «движение русских рабочих уже обогнало польское рабочее движение», что «русский рабочий класс больше созрел для борьбы с правительством и для социал-демократического движения, нежели польский рабочий класс».

Статья заканчивается призывом к объединению на II съезде всех социал-демократических организаций России:

«Таким образом недалеко уже минута, когда возникнет в России социал-демократическая рабочая партия, которая объединит революционное рабочее движение и сделает его еще сильнее. Этой минуты с нетерпением ожидают сознательные русские рабочие. Этой минуты с нетерпением ожидаем и мы, сознательные польские рабочие».

Польская социал-демократия с самого своего зарождения провозглашает единство классовый борьбы польского пролетариата с русским. Однако для организационного осуществления этого единства СДПиЛ почти ничего не предпринимает.

Взаимоотношения польской и русской социал-демократии в период подготовки II съезда

В связи с ростом рабочего движения в России, укреплением и сплочением партийных организаций вокруг «Искры» вопрос о взаимоотношениях с РСДРП становится для национальных организаций одним из важнейших, актуальнейших вопросов. В то же время и для РСДРП остро встал вопрос о ликвидации прежней обособленности и разобщенности с национальными с.-д. организациями.

СДПиЛ не защищает уже в это время партийной федерации, выраженной в постановлениях Белостокской конференции, II и III съездов, но, с другой стороны, она эти постановления не отменяет и точного определения своих отношений к РСДРП не дает.

В связи с этим редакция «Искры» взяла на себя инициативу выявить действительное отношение СДПиЛ к РСДРП.

Организационный комитет по созыву II съезда обратился 7 февраля 1903 г. со следующим письмом к заграничному комитету польской социал-демократии:

«Организационный комитет решил пригласить на съезд только те организации, которые признают себя частью русской партии. Поэтому, если вы хотите быть полноправными членами съезда, а не только с совещательным голосом, объявите, что, желая работать совместно с русскими, вы причисляете себя к русской партии, и пош-

лите это заявление в «Искру». Тогда к вам немедленно обратятся с приглашением. Времени у вас хватит, так как съезд...»¹.

Ответом на предложение ОК было письмо в редакцию «Искры» для ОК РСДРП, написанное А. Варским. В своем длинном письме А. Варский не дает определенного ответа на сделанное предложение и ограничивается выражением идейной солидарности. Под предлогом, что решение вопроса зависит от «товарищей в Литве и Польше», Варский уклоняется от заявления о желании войти в партию.

В письме этом говорится: «Фактически мы до сих пор не связаны с русским движением формально принятой общей программой, ни общей организацией и поэтому не считаем себя конечно вправе причислять себя к РСДРП».

Но если ОК имел в виду нашу принципиальную и тактическую принадлежность к русской социал-демократии или, точнее, солидарность с нею, а в данном положении, т. е. до сих пор, только о таковой может быть речь, то в ней конечно не может быть никакого сомнения».

Сообщая заграничному комитету о посланном ответе, А. Варский пишет, что сущность его ответа заключается в положении, что СДПиЛ имеет полное право на участие в съезде, так как общая партия, к которой она должна принадлежать, «только еще должна быть создана на общем съезде».

Редакция «Искры» снова добивается ясного ответа.

В письме Н. К. Крупской в редакцию «Южного рабочего» 31 марта 1903 г., в котором сообщается, что «приложено письмо польского социал-демократа Варшавского (А. Варского)», В. И. Ленин делает приписку:

«Мы советуем немедленно принять меры к тому, чтобы ОК вместе с ПСД выпустил формальное заявление (возможно более подробное и точное) о полной солидарности с русской СДРП и желании войти в партию. На основании такого формального опубликованного заявления ОК мог бы пригласить ПСД на съезд. Тогда, наверное, никто не станет протестовать»².

Мы видим, как точно были сформулированы условия, при которых оргкомитет имел право пригласить на съезд делегацию СДПиЛ в качестве полноправных членов партийного

¹ Окончание письма, написанного химическими чернилами, не было проявлено.

² Лен. сб. VIII, стр. 337.

с'езда. Иначе отнесся к письму А. Варского Л. Мартов. Не обратив никакого внимания на уклончивый характер ответа, он пишет:

«Ваше заявление-ответ на приглашение оргкомитета переслано последнему. Думаем, что ваши объяснения вполне удовлетворяют ОК, который стремится только сохранить за ближайшим с'ездом характер уже функционирующей партии, а не складывающейся, как хотел бы считать Бунд, дабы иметь возможность разговаривать с партией как самостоятельная величина».

Надежды Мартова оказались совершенно неосновательными. В письме от 21 мая 1903 г. оргкомитет РСДРП уведомляет СДПил, что он не считает себя вправе пригласить организацию, не входящую в состав РСДРП. Однако, считая желательным присутствие СДПил в целях объединения всех работающих в России с.-д. организаций, ОК предложит с'езду пригласить СДПил.

Таким образом первая попытка «Искры» и ОК к объединению была сорвана СДПил из-за ее желания выступать на II с'езде РСДРП как самостоятельная партия, не связывая себя решениями с'езда РСДРП.

В июне редакция «Искры» во второй раз пробует наладить дело объединения, испорченное центральными учреждениями СДПил, еще раз предлагает внести ясность и определенность в отношения между СДПил и РСДРП.

Варский совместно с Я. Ганецким и Ю. Мархлевским предлагает написать новое заявление в ОК, которое бы дало возможность ОК «пригласить нас на с'езд по м и м о формальности, не вполне выдерживающей критику, и не принуждало бы нас к навязыванию себя, выпрашиванию себе права на членство в общей партии, что несовместимо с честью нашей партии». В новом письме, составленном Я. Тышко, говорится, что СДПил «уже теперь идейно и политически принадлежит к партии. Правда, нас пока не объединяет функционирующая общепартийная организация, но то же самое относится и к отдельным русским социал-демократическим группам»¹.

Второй ответ по существу не отличается от первого. Попрежнему нет прямого заявления о вступлении в партию, нет отказа от партийной федерации, и II с'езд попрежнему рассматривается как с'езд с.-д. групп, не объединенных общепартийной организацией. Так была потеряна возможность СДПил при-

быть на с'езд РСДРП полноправным членом с'езда.

Ф. Дзержинский спешит воспользоваться последней возможностью попасть на II с'езд и срочно созывает в Берлине на 25 июля 1903 г. IV с'езд СДПил для выработки конкретных условий объединения с РСДРП.

Среди делегатов с'езда работников местных организаций не было. На с'езде присутствовали только члены центральных учреждений с СДПил.

Резолюция по вопросу об «отношении к РСДРП», принятая IV с'ездом, исходит из двух основных положений: желательности объединения с РСДРП и сохранения самостоятельности СДПил во всех вопросах агитации и организации в Польше и Литве.

Первые три пункта резолюции выдвигают требование совершенной самостоятельности СДПил в партийной работе, не высказываясь однако прямо против федеративного строения партии и даже ссылаясь на постановления I и III с'ездов СДПил. Эти первые три пункта IV с'езд объявил совершенно обязательными для представителей СДПил.

Четвертый пункт решения обеспечивает руководство СДПил в освещении польских вопросов центральным органом РСДРП, в то время как первый пункт исключает руководство РСДРП партийной печатью СДПил.

Остальные три пункта требуют пересмотра национального вопроса в проекте программы, выработанном «Искрой», противопоставляя программному требованию права нации на самоопределение лозунг автономии.

В теоретическом органе СДПил «Пшерленд социаль-демократычны» (№ 8, 1903 г.) была помещена редакционная статья, посвященная IV с'езду СДПил, особенно ярко вскрывающая организационные взгляды СДПил в противопоставлении ленинскому организационному плану построения партии. В этой статье мы читаем:

«Монолитность и сплоченность организации должны в значительной степени вырастать постепенно из взаимного с живания с собой отдельных партийных организаций, из общей политической деятельности, из жизненной практики».

Из установки на организационное закрепление существующих отдельных организаций и стихийное их «сживание» статья делает вывод о неприемлемости полной централизации партийной организации на данном этапе.

¹ Черновик Я. Тышко и копия, сделанная Ф. Дзержинским, имеются в архиве ИМЭЛ.

«План абсолютной централизации, высказанный так сказать в партийной канцелярии даже чисто русских местных организаций, показался бы нам на сегодня рискованным предприятием, так как перескакивание от прежней почти полной организационной обособленности местных комитетов к безусловному централизму было бы делом, трудно осуществимым на практике.

Тем более правильным является этот взгляд в отношении отдельных национальных организаций...»

Статья делает отсюда вывод о необходимости обеспечить СДПиЛ «внутреннюю самостоятельность».

Борьба за пересмотр марксистской программы по национальному вопросу привела руководство СДПиЛ к требованию краевой культурной автономии.

Отстаивание разобщенности отдельных партийных организаций, отстаивание теории стихийности в рабочем движении привело руководство СДПиЛ к требованию совершенной внутренней самостоятельности.

Делегация польской социал-демократии на II съезде

О решении IV съезда СДПиЛ А. Варский написал уведомление Мартову, который передал его Организационному комитету. Письмо это было следующего содержания:

«Спешу уведомить, что, как я надеялся, съезд наш по вопросу об отношении к русской социал-демократии принял резолюцию, признающую дело объединения партии во всей России делом первостепенной важности, которому подчинены другие вопросы, и что ввиду этого вопрос о форме организации как второстепенный должен разрешиться не только с точки зрения интересов польской, но и всей социал-демократии в России»¹.

Заявление и после IV съезда не дает конкретного ответа на то, как представляет себе СДПиЛ отношения с РСДРП. Поэтому мандатная комиссия предложила пригласить делегацию СДПиЛ с правом совещательного голоса.

Предложение комиссии обсуждалось на третьем заседании II съезда. Против этого предложения выступили делегаты Бунда, доказывая, что СДПиЛ не имеет права присутствовать на II съезде, так как не сделала заявления о принадлежности к партии.

Понадобилось двукратное выступление Ле-

нина, чтобы отстоять предложение комиссии о приглашении СДПиЛ на съезд.

В своем первом выступлении Ленин доказывает правильность решения комиссии о приглашении польских товарищей с правом совещательного голоса.

Ленин говорит: «Польские товарищи всегда могли бы заявить свои условия объединения, но это ими сделано не было. Организационный комитет поэтому правильно поступал, будучи сдержан по отношению к ним. Прочитанное здесь письмо польской социал-демократии опять-таки не выясняет вопроса. В силу этого предлагаю пригласить польских товарищей в качестве гостей»².

Бундовцы настаивали на том, что приглашение СДПиЛ противоречит уставу съезда, и предлагали затребовать резолюцию СДПиЛ об отношении к РСДРП и только после ее обсуждения решить вопрос о приглашении.

Прения по этому вопросу прекратились только после вторичного выступления Ленина, который заявил:

«Я не вижу веских доводов против приглашения. Организационный комитет сделал первый шаг к сближению польских товарищей с русскими. Пригласив их на съезд, мы сделаем второй шаг по этому же пути. Никаких осложнений я от этого не вижу»³.

Большинством 37 голосов против 6 при 5 воздержавшихся съезд принял следующее постановление:

«Ввиду постановления Организационного комитета и ввиду важности участия на съезде организации, признающей «дело объединения партии социал-демократии во всей России делом первостепенной важности», II съезд РСДРП с удовольствием приглашает на съезд товарищей из социал-демократии Польши и Литвы с предоставлением совещательного голоса впредь до представления съезду принятой ею резолюции об ее отношении к РСДРП»⁴.

Кроме того съездом было принято дополнительное постановление о том, чтобы польская социал-демократия послала не более двух делегатов. Этими делегатами были А. Варский и Я. Ганецкий. Делегаты прибыли 4 августа на десятое заседание съезда.

Президиум от имени съезда горячо приветствовал появление польских делегатов и предоставил слово А. Варскому.

А. Варский в своей речи подчеркнул, что условия объединения с РСДРП являются вы-

¹ Протоколы II съезда РСДРП. ИМЭЛ, 1932 г., стр. 442.

² Протоколы II съезда РСДРП. ИМЭЛ, 1932 г., стр. 39.

³ Там же, стр. 41.

⁴ Там же, стр. 434.

водом из принципиальной позиции, занимаемой польской социал-демократией с самого ее возникновения. Отношение СДПил к русскому рабочему движению вытекает не только из общей борьбы с царизмом, но и из взглядов СДПил на все большее сплочение капиталистической Польши с капиталистической Россией в один экономический организм, что создает почву для общей классовой борьбы. Поэтому отношение к русскому рабочему движению есть «для нас обратная сторона отношения к польскому национализму, который, наоборот, стремится отделить польский пролетариат от русского и организовать его на почве утопических национальных стремлений».

Как видим, заявление делегации просто повторяет знакомые уже нам тезисы об органическом вращении Польши в Россию, невозможности восстановления польского государства и «обратный» тезис об объединении как форме борьбы с польским национализмом.

Подчеркивая всячески важность объединения и отмечая второстепенное значение организационных форм, делегат СДПил зачитывает резолюцию IV съезда СДПил об отношении к РСДРП, заявляя вместе с тем об ультимативном характере трех первых пунктов резолюции (о совершенной внутренней самостоятельности СДПил). До разрешения именно этого вопроса решения II съезда РСДРП не могут иметь обязательного для СДПил значения.

Председатель (Плеханов) указал, что договор, предложенный СДПил, «должен быть рассматриваем как первый шаг к сближению». Приглашая делегатов остаться на съезде с совещательным голосом, Плеханов предложил избрать комиссию для рассмотрения предлагаемого договора. Делегаты Бунда потребовали открытия генеральной дискуссии, но это предложение после выступления Ленина было отвергнуто, и благодаря большинству голосов (32 против 6) прошло предложение президиума.

Об отношении польской делегации ко II съезду в очень живой форме пишет делегат СДПил Я. Ганецкий в своем письме Ф. Дзержинскому.

Больше всего делегацию поразила сила искровцев—3 рабочедельца, 5 бундовцев, все же остальные искровцы: «Можешь себе представить, что за настроение господствует!».

Впечатление от предложений СДПил автор рисует так:

«Так как никаких пояснений к ним он

(А. Варский) не добавил, то возникло огромное оживление, особенно по поводу первого пункта. Однако дискуссии по этому поводу не было, и тотчас была выбрана комиссия, которая должна была рассмотреть нашу резолюцию. В комиссию вошли Плеханов, Мартов и еще трое других, тебе не известные. Комиссия вчера вечером имела свое заседание, на котором естественно были и мы». Рассказывая о беспощадной борьбе съезда с Бундом, Ганецкий задает вопрос: «А теперь что будет с нами? Спрашивают нас, как мы понимаем эту «совершенную самостоятельность», которую требуем в 1-м пункте. Должна ли это быть только широкая автономия или же федерация? Естественно, первое».

Затем ставится ряд организационных вопросов о связи ЦК РСДРП непосредственно с комитетом, об отношениях с Бундом. Ганецкий признает, что, провозглашая автономию СДПил, а не федерацию, СДПил должна бы согласиться со всеми этими пунктами, но «такова теория, принцип; практика однако говорит другое». Поэтому дать определенный ответ на эти вопросы делегация не смогла.

Ганецкий горько упрекает «почтенных товарищей» за то, что они потеряли драгоценное время на политиканство и не предвидели и не разрешили основных вопросов, и с тревогой вопрошает: «С того момента, как наши 3 пункта будут приняты (а в этом мы уверены), то мы должны от имени нашей партии заявить, что вступаем в общую партию. А что будет, если будет принят такой тип (в частности) организации, который для нас, по крайней мере при настоящих условиях, будет не очень удобным?»¹.

Как видим, правильность принципов централизованной организации не оспаривается, но проведение их вызывает сопротивление, так как сила «искровцев» при непонимании ее ведущей роли вызывает опасение за целостность слабой организации СДПил. Здесь нет и речи о формальных препятствиях к объединению со стороны РСДРП, наоборот письмо пропитано уверенностью, что условия объединения, поставленные IV съездом, СДПил будут приняты, и именно это вызывает тревогу за привычные формы организации.

Посмотрим, какие же директивы давал заграничный комитет СДПил польской делегации на II съезде РСДРП в ответ на запрос делегатов.

Делегаты СДПил прибыли на II съезд

¹ Подлинник письма хранится в архиве ИМЭЛ.

РСДРП 4 августа на вечернее заседание. Вечером того же дня Р. Люксембург и Я. Тышко посылают делегатам спешное письмо. В этом спешном письме к трем ультимативным условиям добавляется четвертое—изменение пункта программы о праве наций на самоопределение.

Руководство СДПил прекрасно понимало всю безнадежность такого ультиматума съезду с искровским большинством и всю политическую невыгодность разрыва с РСДРП по поводу программы по национальному вопросу.

Заграничный комитет СДПил шлет поэтому польской делегации на II съезде РСДРП телеграмму:

«Не делайте никаких уступок по § 7. Избегайте явного поражения. В этом случае доводите до разрыва по поводу организации».

В ответ на просьбу польской делегации дать указания по отдельным пунктам Р. Люксембург присылает подробнейшую инструкцию. Инструкция отвергает представительство РСДРП в краевом комитете и на съездах: «Предварительный контроль не нужен, невозможен, ни в одной партии не практикуется». Создание общих партийных организаций с еврейскими в принципе правильно, но немедленное проведение в жизнь принципа общих организаций «непрактично».

Главное место однако занимает § 7. Р. Люксембург пишет: «Следует сказать русским, что после статьи «Искры» моральная ценность нашего соединения с русскими (средство против ППС) для нас минимальна, а только моральная для нас имела значение. Если не согласятся изменить § 7, как требуем в том письме, то срываем объединение».

Скажи мимоходом Засулич, что я тебе писала, что после статьи «Искры» я ничуть не заинтересована в объединении и советовала не делать больше никаких уступок».

Присланная в письме Р. Люксембург декларация, оглашенная польской делегацией на II съезде, отмечает, что «согласиться на теперешнюю формулировку 7-го пункта программы с интерпретацией, данной ему 44-м номером «Искры», для нашей организации немыслимо, так как общепартийная программа находилась бы тогда в противоречии с решениями всех наших партийных съездов»¹, с основной идеей всей нашей партийной деятельности, и, значит, между на-

ми не было бы по кардинальному для нас вопросу того духовного и принципиального единения, без которого мы считаем организационное объединение бесцельным»².

Передовая статья в № 44 «Искры» «Национальный вопрос в нашей программе», на которую ссылается Р. Люксембург, принадлежит Ленину. В этой статье Ленин на примере польского вопроса дает ответ об отношении марксистов к требованию национальной независимости. В ней Ленин подробно разбирает отношение Маркса и Энгельса к борьбе Польши за независимость в эпоху буржуазно-демократических революций, когда Польша была революционной частью России, Австрии и Пруссии. С тех пор, писал Ленин, условия коренным образом изменились.

Ленин дает анализ изменившихся классовых отношений как в самой Польше, так и в угнетающих Польшу странах и отмечает, что теперь революционное движение в России имеет гораздо более важное значение, чем польское.

Полемизируя далее с Мерингом, который утверждал, что «в настоящее время возрождение Польши возможно лишь посредством социальной революции», Ленин пишет: «Несомненно, что восстановление Польши до падения капитализма крайне невероятно, но нельзя сказать, чтобы оно было абсолютно невозможно, чтобы польская буржуазия не могла при известных комбинациях встать на сторону независимости и т. д. Русская социал-демократия несколько не связывает себе рук. Она считается со всеми возможными и даже со всеми вообще мыслимыми комбинациями, когда выставляет в своей программе признание права на самоопределение наций. Эта программа несколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна. Эта программа требует лишь, чтобы действительно социалистическая партия не развращала пролетарское сознание, не затемняла классовой борьбы, не обольщала рабочий класс буржуазно-демократическими фразами, не нарушала единства современной политической борьбы пролетариата. Именно в этом условии, под которым мы признаем самоопределение, заключается вся суть»³.

Разоблачая националистическую демаго-

¹ См. съезд 1894 г. «Sprawa robotnicza» № 10.

² Протоколы II съезда РСДРП, стр. 254.

³ Ленин, т. V, стр. 341—342.

гию ППС, Ленин в этой же статье указывает, что не отрицание права на самоопределение отделяет ППС от социал-демократии, «а забвение классовой точки зрения, затмение ее шовинизмом, нарушение единства данной политической борьбы — вот что не позволяет нам видеть в ППС действительно рабочей социал-демократической партии».

«ППС,—пишет Ленин далее,—смотрит так, что национальный вопрос и с ч е р п ы в а е т с я противоположением: «мы» (поляки) и «они» (немцы, русские и проч.). А социал-демократ выдвигает на первый план противоположение: «мы» — пролетарии и «они» — буржуазия»¹.

Неудивительно поэтому, что статья вызвала такое возбуждение в заграничном руководстве СДПил.

Ленинская критика ППС показала одновременно ошибки и СДПил в национальном вопросе. В борьбе с польским социал-шовинизмом СДПил объявляла невозможным восстановление Польши при капитализме, создавшем из Польши и России общий хозяйственный организм, как будто границы государств определяются исключительно экономическими взаимоотношениями.

Позиция СДПил в национальном вопросе прямо выводится из теории «органического вращивания» капиталистической Польши в капиталистическую Россию и находится в непосредственной связи с непониманием польской социал-демократией крестьянского движения, гегемонии пролетариата, с ее недоценкой.

В конце своей статьи Ленин писал:

«То, что мы сказали о польском вопросе, применимо целиком и ко всякому другому национальному вопросу. Проклятая история самодержавия оставила нам в наследство громадную отчужденность рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло, величайшая помеха в борьбе с самодержавием, и мы не должны узаконять этого зла, освещать этого безобразия никакими «принципами» партийной особности или партийной «федерации»².

Ленинскому призыву к теснейшему объединению пролетариата всех наций, к созданию мощной централизованной партийной организации совсем не соответствовало ультимативное требование СДПил о совершенной самостоятельности партийной работы.

СДПил фактически отрицала возможность и необходимость строжайшего централизма в партии, что непосредственно связано у них с люксембургской теорией стихийности. И в этом один из глубочайших источников всей их позиции на съезде.

Переписка делегации СДПил с заграничным комитетом СДПил во время работ программной комиссии свидетельствует о растерянности, которая охватила делегацию на съезде.

Делегаты шлют одну за другой телеграммы с просьбой прислать резолюции об отношении РСДРП к программе СДПил по национальному вопросу и против ППС.

Присланный проект резолюции не встретил однако никакого сочувствия в программной комиссии и II съезду предложен не был.

Воспользовавшись тем, что II съезд 7 августа вынужден был прервать свои работы для переезда в Лондон, делегация СДПил покинула съезд, оставив декларацию, присланную Р. Люксембург.

Эта декларация была заслушана съездом 11 августа, немедленно по приезде в Лондон. Съезд отложил ее обсуждение до рассмотрения пункта 8-го порядка дня съезда об отдельных группах партии.

Доклад комиссии, обсуждавшей проект договора с СДПил, был заслушан на тридцатом заседании съезда 19 августа. Фомин (Загорский—В. Н. Крохмаль) от имени комиссии внес предложение:

«Выражая сожаление, что вызванное случайными обстоятельствами оставление польскими товарищами съезда лишило съезд возможности закончить обсуждение вопроса о присоединении социал-демократии Польши и Литвы к РСДРП, и надеясь, что это присоединение есть лишь вопрос времени, съезд поручает ЦК продолжение начатых на съезде переговоров».

Резолюция, предложенная комиссией, была принята съездом 33 голосами при 4 воздержавшихся.

Предложение добавить к пункту декларации СДПил о праве наций на самоопределение, требование создания учреждений, гарантирующих нациям полную свободу культурного развития, было внесено на обсуждение бундовцем Гольдблатом (Медем—делегат загр. ком. Бунда), но оно было отвергнуто большинством съезда против трех, так же как и предложение Либера (Либер-Гольдман—делегат ЦК Бунда) добавить к пункту—«и на свободу их культурного развития».

Пункт программы о праве наций на само-

¹ Ленин, т. V, стр. 343.

² Там же, стр. 343—344.

определение был принят подавляющим большинством при нескольких воздержавшихся.

Десять лет спустя В. И. Ленин писал:

«Этот исторический эпизод имеет, само собой разумеется, очень важное значение для всякого, интересующегося серьезно своей программой. Полный разгром доводов польских марксистов в программной комиссии съезда и отказ их от попытки защищать свои взгляды на собрании съезда факт чрезвычайно знаменательный».

«На второй (1903 г.) съезд они пришли с заявлением о необходимости и настоятельности объединения. Но со съезда они ушли после «неудач» в программной комиссии, и последним словом их было письменное заявление, напечатанное в протоколах съезда и содержащее приведенное выше предложение заменить самоопределение культурно-национальной автономией.

В 1906 году польские марксисты вошли в партию, причем, не входя в нее, ни единого раза после (ни на съезде 1907 г., ни на конференциях 1907 и 1908, ни на пленуме 1910 года) они не вносили ни одного предложения об изменении § 9 российской программы!».

Это конечно совсем не означало, что польские марксисты отказались от своих ошибочных теоретических построений. Наоборот, они держались за них настолько крепко, что дискуссия с польскими марксистами по национальному вопросу возобновилась перед империалистической войной в 1913 г. вторично, а в 1916 г., накануне революции в России,— в третий раз. Вместе с «левыми» большевиками польские марксисты защищали эти теории весной 1917 г. и в 1918 г. В новой форме национальный вопрос встал и в коммунистической партии Польши, которая отвергла прежние люксембургские левооппортунистические и новые правооппортунистические построения и повела с ними решительную борьбу.

Однако легенды о формальных препятствиях к объединению со стороны РСДРП о том, что ленинское решение национального вопроса не дает «конкретного» лозунга для пролетариата Польши, проникают контрабандой в коммунистическую литературу вплоть до 1930 г., и потому история поражения этих взглядов на II съезде РСДРП имеет и теперь весьма важное, актуальное значение.

Перенесение на Интернационал точки зрения некоторых маленьких наций и особенно польских социал-демократов, которых их борьба с обманывающей народ националистическими лозунгами польской буржуазией довели до неправильного отрицания самоопределения, было бы теоретической ошибкой, заменой марксизма прудонизмом, а на практике означало бы невольную поддержку самого опасного шовинизма и оппортунизма великодержавных наций.

ЛЕНИН

II СЪЕЗД РСДРП

И ЛАТЫШСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Кратная историческая справка

Колыбелью латышского социал-демократического рабочего движения считается г. Либава, так как именно здесь в начале 90-х годов XIX столетия образовались первые рабочие марксистские кружки. Организаторами их были гимназисты старших классов местной мужской (Николаевской) гимназии — сыновья латышских крестьян, мелких и средних фермеров. В Либавской гимназии учились многие видные латышские революционные деятели. Из этих первых кружков не образовалось еще революционной организации. Это были пока только кружки самообразования с марксистским уклоном. Но и им собираться приходилось тайно, а литературу прятать, так как домашняя жизнь гимназистов даже старших классов тогда строго контролировалась начальством. В эти кружки попадала немецкая с.-д. литература, получаемая из соседней Германии. Один из участников этих кружков в своих воспоминаниях пишет, что немецкую с.-д. литературу они выписывали одно время из Германии через либавский немецкий книжный магазин Корна. Из литературы, которой пользовались в этих кружках, упоминается Эрфуртская программа, брошюра «Хитрая механика», «Коммунистический манифест», «Катехизис социал-демократии». Брошюры эти переводились на латышский язык, переписывались от руки, их совместно читали и обсуждали.

Идейным руководящим центром латышского революционного движения была Рига — самый крупный город не только Латвии, но и всех балтийских провинций России. Здесь имелось высшее учебное заведение (Рижский политехнический институт) и не-

сколько средних, выходило много газет и журналов на трех местных языках, здесь уже сложилась и окрепла латышская крупная буржуазия, образовалась своя довольно многочисленная интеллигенция, а латышская городская демократия и латышские рабочие в Риге составляли уже большую часть местного населения.

Среди латышской демократической интеллигенции в этот период образовались новые группировки, выступавшие против старой националистской идеологии и против вождей этого течения, претендовавших на роль культурного представительства всего латышского народа.

Борьба со старым национализмом, возглавляемая группой «молодых», носившая вначале радикально-оппозиционный и демократически-националистический характер, постепенно сворачивала на путь классовой борьбы. Эта группа «молодых» имела свою газету (легальную), альманахи и сборники с теоретическими статьями, устраивала в рижских легальных латышских обществах (трезвости и др.) публичные лекции, народные чтения и т. д. В этих статьях и лекциях уже проглядывали идеи революционного марксизма, впервые проникавшие в эту среду и быстро овладевшие умами радикальной молодежи.

Движение все расширялось, захватило широкие слои демократической интеллигенции, проникло в рабочие массы и приобретало все более и более революционный оттенок, постепенно пропитываясь марксистской идеологией. Кончилось это тем, что «молодые» решительно повернули в сторону марксизма. В 1895 г. это течение уже успело распространиться по всей Латвии и перебросилось в Либаву. Здесь образовались уже исключительно рабочие кружки. Как рассказывает один из участников этих кружков, они собирались иногда открыто во время обеденного перерыва и по вечерам на набережной гавани, группами читали брошюры, газеты, вели беседы. Но и эти кружки не выросли в партию. Их заслуга была в том, что из тесных замкнутых кружков социал-демократические идеи и учение Маркса стали проникать в широкие рабочие массы, и головы многих рабочих были уже заражены революционными идеями.

Кончилось это движение грандиозным провалом. В 1897 г. по всей Латвии были произведены массовые обыски и аресты. Всего было арестовано около 200 чел. Главный удар «молодым» был нанесен в Риге.

Редакция рижской «Ежедневной газеты» была разгромлена, а все группировавшиеся вокруг нее были арестованы и высланы. В Либаве тоже были произведены аресты, и все заподозренные и уличенные высланы. Многие, испуганные арестами, бежали за границу.

Переход к массовой социал-демократической агитации

Так закончился период, когда было положено начало марксистской революционной пропаганды в Латвии. Группам и кружкам, сплоченным вокруг лидеров молодого или «нового» направления (такова была их конспиративная кличка) и вокруг «Ежедневной газеты», не удалось организационно завершить разросшееся движение, образовав социал-демократическую рабочую организацию. Все же движение носило вполне организованный характер. В Риге, Либаве, Митаве и других городах и местностях Латвии—езде возникали кружки, состоявшие из рабочих и учащейся молодежи.

Главная заслуга деятелей этой эпохи заключается в том, что они первыми продвинули в массы учение и теорию революционного марксизма и положили начало организации первых нелегальных марксистских рабочих кружков. Движение это закончилось фактически не провалом 1897 г., а грандиозной всеобщей забастовкой 1899 г.

В Риге эта забастовка в течение нескольких дней вызвала столкновения рабочих с полицией и войсками, носившие характер открытого восстания. Благодаря провокации полиции и местных властей во время столкновения было убито около 90 рабочих, ранено несколько сот, сожжено несколько фабрик и заводов, жилища фабрикантов, участки и т. д. После этого рабочие кружки подверглись разгрому. Из них были изъяты наиболее революционные, передовые рабочие. С середины 1899 г. по 1901 г. наступило внешнее затишье,—казалось, что всякая революционная деятельность в Латвии прекратилась.

С 1897 г. началась массовая латышская политическая эмиграция. Политические эмигранты за границей сгруппировались, образовали нечто вроде руководящего теоретического центра и занялись изданием периодической и непериодической нелегальной революционной литературы для Латвии. Несмотря на сравнительную малочисленность эмигрантов, они раскололись на несколько групп, причем каждая из этих

групп работала самостоятельно. Так например американская группа латышских эмигрантов начала издавать в Бостоне марксистский журнал «Заря», выходивший с 1898 по 1900 г. В сентябре 1899 г. на совещании швейцарских и лондонских эмигрантов был основан «Западноевропейский латышский с.-д. союз». Союз стал издавать свой периодический орган «Латышский рабочий» и брошюры агитационного характера (в том числе «Коммунистический манифест», впервые переведенный на латышский язык). Но союз просуществовал недолго — вышло всего 7 номеров «Латышского рабочего». В том же 1898 г. за границей произошел раскол между швейцарскими и лондонскими эмигрантами. Вначале спор шел о типографии, на которую претендовали обе стороны. Но потом оказалось, что между обеими группами существуют и серьезные принципиальные расхождения. Группа Ролова—Вальтера оказалась с резко выраженным эсеровским уклоном, а т. Розина шла по пути революционного марксизма. Тов. Розин с 1900 г. стал издавать теоретический марксистский нелегальный журнал на латышском языке «Социал-демократ» и библиотеку «Социал-демократа», большей частью из брошюр пропагандистского характера (Эрфуртскую программу и др.).

В Риге с 1899 г. немедленно по окончании всеобщей забастовки начинается серьезная работа по восстановлению или, вернее будет сказать, по созданию настоящей социал-демократической нелегальной организации. Инициативу в этом деле взял на себя т. Озол — тогда студент политехнического института, впоследствии лидер социал-демократии, член II государственной думы, бежавший в Америку после разгрома ее и проживающий там и сейчас (работает в нашем Амторге).

Тов. Озол установил связь с рабочими разных заводов, отбирал из них наиболее развитых, передовых, революционно настроенных и организовывал их в кружки по предприятиям по 10—15 чел. в каждом. Все участники кружка были активными членами организации, т. е. платили членские взносы, посещали все собрания кружка, каждый из них был обязан вести агитацию среди своих товарищей по работе под руководством и по указаниям центра. Если кому-либо удавалось сагитировать например 10 чел., то из них создавался новый кружок, и товарищ, подобравший его, становился руководителем кружка. Эта система, как

вспоминает один из ближайших помощников т. Озола т. Дерман, оказалась очень удобной: с 1900 г. по 1904 г. в Риге образовалось около 200 кружков по 10—15 чел. в каждом. Таким образом, уже начиная с 1900 г. во внутренней работе рижской социал-демократической организации практически осуществлялся тот ленинский принцип, отстаиваемый большевиками на II съезде (§ 1 устава партии о членстве), согласно которому активным членом организации считался лишь тот, кто аккуратно посещал собрания кружка, исправно платил членские взносы и нес соответствующую работу по организации.

Кроме активных членов были и тогда уже сочувствующие, которые вербовались из интеллигенции и главным образом из латышского студенчества. Их всячески использовали, но членами организации они не считались и в организационных делах участия не принимали. В 1900 г. в Риге было уже несколько десятков кружков, но еще не существовало ни общегородского комитета, ни районных организаций, а сама организация не имела даже названия.

С 1902 г. рижская организация конституировалась как «Балтийская латышская социал-демократическая организация» с центром в Риге, так что рижский комитет превратился фактически в центральный комитет. Он объединял организации Риги, Либавы, Виндавы и Гальсена. Курляндская группа — митавская организация — осталась особняком.

В рабочих кружках велась в это время организованная систематическая социал-демократическая марксистская пропаганда. На собраниях кружков читались доклады, лекции, рефераты с таким расчетом, чтобы в течение года каждый кружок получил минимум необходимых знаний и сведений. Годичный минимум для каждого кружка составляли четыре лекции, причем некоторые лекции бывали продолжительностью в 3-4 часа. Определенной программы занятий в кружках не было. Лекции носили эпизодический характер. Наиболее распространенными и популярными темами были следующие: 1) о самодержавном режиме; 2) политические свободы и конституция; 3) научный социализм; 4) религия и социализм; 5) хозяйственная (экономическая) политика самодержавия; 6) текущий момент; 7) социал-демократия и политический террор и т. д. Кроме того каждый пропагандист, ведущий занятия в кружке, обязан был хорошо знать условия жизни и работы рабочих

данного завода или предприятия и подробно освещать эти вопросы в особых собеседованиях. Если на заводе возникал какой-нибудь конфликт или осложнение, то этот вопрос немедленно подвергался обсуждению в кружке, а в случаях необходимости тут же составлялись и выпускались для рабочих данного предприятия или данной профессии специальные листовки, разъясняющие смысл и значение конфликта и средства его ликвидации. В таких листовках каждое событие на заводе (снижение расценок, увеличение рабочего дня, взрыв котла и пр.) теснейшим образом связывалось с общей политикой самодержавного правительства и капиталистов, и эти листовки пользовались среди рабочих особым успехом, вызвали даже в отсталых слоях интерес и доверие к организации, укрепляли связь организации с рабочими массами.

Для усиления связи с рабочими стали устраиваться массовые тайные собрания в окрестных лесах (массовки). На эти собрания социал-демократы приглашали также беспартийных рабочих, чтобы заинтересовать их и вовлечь в организацию. Чаше стали выпускаться листовки, особенно когда удалось наладить свою подпольную типографию. Прокламации — особенно на местные заводские темы — выходили на разных языках — латышском, русском, немецком, литовском, польском, смотря по тому, для каких рабочих они предназначались.

К первым пропагандистам и агитаторам предъявлялись серьезные требования. Для налаживания пропагандистской работы в 1902 г. была образована особая пропагандистская коллегия, в которую вошло около 25 наиболее развитых товарищей. Эти пропагандисты обслуживали рабочие кружки в Риге, которых вскоре уже стало около 200. Пропагандисты были обязаны непрерывно совершенствоваться, учиться и зорко следить за текущей партийной литературой. Для этого устраивались специальные собрания пропагандистской коллегии, на которых меньше внимания уделялось собственным рефератам, а больше читали и разбирали, прорабатывали, как это говорится сейчас, серьезную марксистскую нелегальную литературу. Из числа обязательных пособий на первом месте стояли: 1) Эрфуртская программа и 2) «Коммунистический манифест», которые все пропагандисты обязаны были знать и уметь объяснять, комментировать. Затем читали все заграничные нелегальные издания, а также американский журнал

«Заря» (на латышском языке). Необходимым пособием считалась также брошюра т. Ленина «Что делать?», пользовавшаяся исключительной популярностью и влиянием среди латышских социал-демократов. Усердно читались также книга Ленина «О развитии капитализма в России» и его брошюры, а также все его статьи в старой «Искре». Большой популярностью пользовались также уже вышедшие произведения Плеханова — его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» была настольной книгой почти каждого пропагандиста. «Искра» тоже читалась всеми пропагандистами, владеющими русским языком, и влияние ее на актив латышской социал-демократии было весьма глубоким. Легальная марксистская литература на латышском языке после первого опыта в 90-х годах больше не могла выходить по цензурным условиям. Нелегальная же латышская литература, выходившая за границей, была крайне скудна и не удовлетворяла запросов читателей. Приходилось широко пользоваться социал-демократической литературой, выходившей на других языках — немецком и русском, которыми почти в одинаковой степени владела латышская интеллигенция. В начале наибольшим влиянием пользовалась немецкая с.-д. литература, а после 1899 г. русская марксистская литература вскоре заняла в Латвии первое место в силу общности политических интересов и задач борьбы обеих братских организаций. Начиная с 1901 г., влияние русской революционной марксистской литературы все укрепляется и растет, особенно среди революционной латышской молодежи. В это время наблюдался уже известный разрыв между молодым и старым поколением латышских марксистов. Те из людей старого поколения, которые вышли на арену революционной борьбы в качестве оппозиции старым националистам под кличкой нового направления неонационалистов, сохранили в своем идейном багаже кое-какие позаимствования из политической энциклопедии демократического национализма. Новое же поколение, вступившее в революционную борьбу в 1900—1902 гг., было уже воспитано на учении революционного марксизма. Оно лучше усвоило идеологию классовой борьбы и основные принципы интернационального рабочего движения. Эти кадры составляли большинство партийного актива, но в руководстве, в центре еще преобладали люди старого поколения, и это обстоятельство сказалось на I съезде латышской соци-

ал-демократии. Как правильно выразился по этому поводу т. Озол, «латышское социал-демократическое движение выросло на национальной почве»; отсюда те тенденции и уклоны, которые роднят его с Бундом и ППС.

Положение в латышской социал-демократической организации во времени II съезда РСДРП

Рига в то время была большим и в своем роде интернациональным городом. Кроме латышских рабочих здесь находилось значительное количество литовцев (самая дешевая рабочая сила), поляков, русских, а также еврейских ремесленников и мелкой буржуазии.

В 1903 г. в Риге образовалась организация РСДРП — небольшая и малозаметная. В 1902 г. возникла организация Бунда, состоявшая из еврейского ремесленного пролетариата и учащейся молодежи.

Курляндская (митавская) группа продолжала свое самостоятельное существование и деятельность, попытки балтийской (рижской) организации объединиться с нею кончались неудачей. В самой Риге образовалась своя оппозиционная группа, взявшая открытый курс на раскол. Это был главным образом интеллигентский по своему составу кружок «Вперед» под руководством Альберта Трауберга. Это были анархически настроенные индивидуалисты, зараженные националистскими и народническими тенденциями, увлекавшиеся политическим террором и откровенно тяготеющие к эсерам. Впередовцы пред'явили рижскому комитету в 1903 г. ультиматум, требуя широкой автономии в организационной и агитационной работе, передачи им нелегальной типографии и т. п. Группа «Вперед» скоро распалась, но взамен нее образовалась новая организация «Союз латышской социал-демократии» с определенно эсеровским уклоном.

Балтийская организация объединяла деятельность социал-демократических кружков почти во всех городах Латвии, а также кое-где в сельских местностях. Для руководства нелегальной работой в более крупных центрах (например в Либаве) ЦК назначал особо уполномоченных. В 1903 г. стали налаживать в Риге подпольную типографию и решено было издавать здесь свой нелегальный центральный орган под названием «Борьба». С 1903 по 1904 г. в Риге было выпущено 60 тыс. прокламаций, а по всей России — 200 тыс.

Уделяя серьезное внимание экономическим нуждам рабочих, латышская социал-демократическая организация однако не ударилась в односторонний экономизм. Наоборот, как это видно из сохранившихся с того времени прокламаций, организация умела связывать каждый вопрос чисто местного характера, каждое происшествие на заводе с общим положением, заостряя внимание рабочих на общих вопросах внутренней политики правительства и капиталистов-предпринимателей.

В Либаве нелегальная кружковая работа возобновилась в марте 1903 г. Сюда из Риги прибыло несколько товарищей во главе с т. Музыкантом, уполномоченным ЦК балтийской организации. Они остались здесь налаживать работу и руководить ею. Революционно-настроенная молодежь с радостью откликнулась на их призыв и быстро втянулась в партийную работу. Установились связи со всеми крупными заводами и фабриками, были образованы кружки. Это уже не были прежние кружки самообразования. Они представляли собою теперь основную ячейку нелегальной социал-демократической организации. Весною 1903 г. образовался Либавский комитет латышской социал-демократической рабочей организации. Начали в усиленном количестве выпускаться гектографированные листовки. В 1903 г. в Либаве было выпущено свыше 20 тыс. листовок на разных языках (русском, латышском, литовском и т. п.).

На маевке 1903 г. в Либаве принимало участие около 100 чел. Устраивались также массовки с участием до 160 чел. Число членов организации в 1903 г. достигло уже 200.

В 1903 г. обе социал-демократические организации Латвии — рижская и курляндская — имели уже три крупных центра — Ригу, Митаву и Либаву, несколько сот кружков (были кружки и в сельских местностях), но организация еще не конституировалась как партия. Еще не было единой программы, не было настоящего центрального комитета и центрального органа. Фактически роль ЦК выполнял рижский комитет балтийской организации.

Ко времени II исторического съезда РСДРП латышская (балтийская) социал-демократическая организация представляла собою уже довольно солидную силу, объединявшую массы городского, торгового и промышленного пролетариата и руководившую его политической борьбой. Но на самый многочисленный слой латышского пролета-

риата — сельскохозяйственный, помещичьих и крестьянских батраков — влияние социал-демократии еще не распространялось. В эту среду агитация только что начала проникать.

Латышская социал-демократическая рабочая партия возникла как совершенно самостоятельная, обособленная революционная организация, не имеющая никаких организационных и иных связей с РСДРП. Более того, революционное движение в Латвии вначале довольно сильно склонялось в сторону национализма. Именно этим и объясняется то, что провозглашенный Лениным принцип единства и централизма рабочего социал-демократического движения России не находил в Латвии сочувственного отклика.

*Заграничное представительство латышской социал-демократической группы т. Розина также не установило связи с «Искрой», держа себя обособленно от РСДРП.

Как я уже указывал выше, в Латвии сильнее сказывалось влияние немецкой социал-демократии. Просматривая латышские социал-демократические издания (нелегальные) того времени, статьи в том же «Социал-демократе», мы встречаем много переводов и заимствований из немецкой социал-демократической литературы и почти ничего из «Искры», из статей Ленина и т. п.

Таким образом жизнь и деятельность латышской социал-демократии вначале развивалась своим самостоятельным путем, почти совершенно обособленно от РСДРП, параллельно и независимо от нее. Это была своя замкнутая национальная социал-демократическая организация, во многом родственная Бунду, что подтверждается приводимыми ниже документами. В частности по вопросу о построении партии латышская социал-демократия занимала явно антиленинскую позицию и плелась на поводу у Бунда, отстаивая принцип федерации.

С Бундом латышской социал-демократии приходилось тесно соприкасаться по совместной работе в Риге, Либаве и т. д. В Риге Бунд представлял довольно сильную организацию еврейской учащейся молодежи и ремесленников. Специфические лозунги, выдвинутые Бундом, в частности его позиция по национальному вопросу, находили сочувственный отклик в верхушке латышской социал-демократии. Молодое же поколение революционеров, воспитанных на «Искре», подходило к этому вопросу несколько по-иному. Оно видело, что Бунд ведет все время борьбу с «Искрой», что Бунд, говоря

словами Ленина, не хочет идти с партией, не разделяет тех взглядов, которые отстаивает Ленин. В Латвии этот бундовский принцип федерации встретил в партийном руководстве горячих защитников. Временно, хотя без особого успеха, этот принцип был осуществлен: латышская организация вступила с Бундом в федеративные отношения. По вопросу о свободе и равноправии языков сочувствие руководства латышской организации тоже было на стороне Бунда: это была еще известная отрывка старых националистских тенденций. Выдвигая лозунг национального самоопределения, Ленин все время подчеркивал, что это требование должно быть подчинено интересам классовой борьбы. На первое место он ставил единство политической борьбы пролетариата всех национальностей России и с этим мерил он предлагал подходить к вопросу о национальном самоопределении. Национальные социал-демократические организации и в первую очередь Бунд, а затем до 1905 г. также и латышская социал-демократия, по этому вопросу разошлись с Лениным, выдвинув принцип национального обособления социал-демократической организации для отдельных народностей, населяющих территорию Российской империи. Они упрекали Ленина в нетерпимости к национальным социал-демократическим организациям, в стремлении подчинить их диктатуре РСДРП и растворить в ней.

Этим очевидно и объясняется, что латышская социал-демократия не приняла участия во II съезде РСДРП. Оговариваюсь, что точно проверенных данных, на основании которых можно судить о причинах отсутствия представителей латышской с.-д. на II съезде, в нашем распоряжении нет.

Развернутая открытая и официальная формулировка позиции латышской социал-демократии по вопросу о вхождении в РСДРП, позиции, которой придерживалось руководство латышской социал-демократии с 1900 г., дана в резолюции ее I съезда, который состоялся после II съезда РСДРП. Приводим эту резолюцию полностью:

«Съезд латышской социал-демократической рабочей партии находит крайне желательным объединение всех революционных социал-демократических организаций и фракций. Но так как жизнь каждой народности возникла и развивалась не в одинаковых экономических условиях и так как у каждой народности имеется свой язык, своя культура и она отличается от других и по своей классовой группировке, то един-

ственно своя национальная (подчеркнуто мною. — М. Р.) пролетарская социал-демократическая организация может показать пролетариату данной народности противоположность классовых интересов своего народа. Ввиду этого съезд социал-демократической рабочей партии считает необходимым для данного момента, чтобы в составе РСДРП сохранились национальные социал-демократические организации, отчего совместная работа может только выиграть. Руководство в этой работе общей партийной программой и тактикой является достаточной гарантией против внедрения в партию национализма, сепаратизма и оппортунизма, потому что именно национальные социал-демократические организации наиболее приспособлены для борьбы с этими нежелательными и вредными течениями. Деятельность этих национальных социал-демократических организаций нельзя ограничивать рамками определенной территории, их деятельность должна проявляться повсюду, где живут рабочие данной народности. Исходя из принципов, латышская социал-демократия находит возможным объединение с РСДРП только на следующих условиях:

1. Латышская социал-демократическая рабочая партия совершенно самостоятельна в своей внутренней работе (свои съезды, комитеты, ЦК, ЦО, свое издательство), она самостоятельно распоряжается своими силами и средствами.

2. В тех местностях, где уже имеется организация латышской социал-демократической рабочей партии, другие социал-демократические организации могут вести работу среди местного пролетариата исключительно с ведома латышского ЦК или местного комитета.

3. Латышская социал-демократическая рабочая партия является единственной представительницей латышского пролетариата на общепартийных съездах, и только она может делегировать своих представителей на эти съезды и в ЦК.

4. Высшей партийной инстанцией является общепартийный съезд, и латышская социал-демократическая рабочая партия подчиняется его решениям.

В тех же местностях, где ведется параллельная работа нескольких национальных социал-демократических организаций, предлагается создавать федеративные комитеты для согласования действия (совместные выступления, стачки, демонстрации и т. д.).

Принимая во внимание многократные и

противоречивые предложения ЦК РСДРП (относительно объединения), латышская социал-демократическая рабочая партия выражает пожелание, чтобы РСДРП ясно и определенно формулировала в своем ЦО те принципы, на основании которых она находит возможным объединение всех российских социал-демократических организаций в одной партии».

В этой резолюции особенно сильно сказалось влияние Бунда. Дело в том, что Бунд обратился к I съезду латышской социал-демократической рабочей партии с особым посланием, в котором критиковал позицию РСДРП по вопросу об объединении и в противовес ей развивал свою точку зрения, свою программу, которая почти целиком вошла в приведенную выше резолюцию. В этот период своего существования латышская социал-демократическая рабочая партия тесно сблизилась с Бундом, который она на этом же съезде признала единственной партией, представляющей интересы еврейского пролетариата. Отношение же к РСДРП, как это видно из резолюции, было недоверчивое. Включиться в единую централизованную социал-демократическую партию России латышская с.-д. фактически отказывается.

Таково было положение в латышской социал-демократической организации в период II съезда РСДРП.

За той подготовительной работой к съезду, которая велась на страницах «Искры», за дискуссией накануне съезда следил исключительно основной актив латышской организации, т. е. те, кто имел возможность получать и читать «Искру». В кружки же «Искра» не попадала, и рабочие ее читали мало, так как русского языка они не знали. Вопросы, выдвинутые на II съезде, в кружках тоже не обсуждались. Не было, как это подтверждается воспоминаниями рижских руководящих работников того периода, в кружках докладов о работах съезда, о принятых им решениях и резолюциях. Латышская социал-демократия в силу занятой ею позиции сознательно обходила этот вопрос, игнорируя работу съезда.

Только происшедшие после съезда раскол и обострение отношений между обоими течениями РСДРП обратили на себя внимание более широких латышских партийных кругов. Но и здесь сказался предвзятый подход, выразившийся в оппортунистической оценке раскола и идейных и организационных споров в РСДРП.

Лишь революционная молодежь призыва 1902 — 1903 гг., воспитанная на русской революционной марксистской литературе, усердно читавшая «Искру», знакомая со статьями и трудами Ленина, более серьезно и вдумчиво следила за съездом и разгоревшейся на нем борьбой. Эта часть партии привыкла считать «Искру» центральным руководящим органом всей социал-демократии. Руководящие статьи «Искры» по теоретическим и организационным вопросам, обширная информация газеты о росте революционного движения в России, серьезная разработка и освещение всех важнейших проблем назревающей революции — все это давало богатейший материал для практической работы местных организаций. Организации, где преобладали люди, следовавшие за «Искрой», начали постепенно проводить в жизнь ленинские принципы и методы, придерживаясь рекомендуемой им тактики и недвусмысленно отдавая большевикам свои симпатии в этом историческом споре.

II съезд РСДРП и латышская социал-демократия

Остановимся теперь на том, какие же вопросы из разбиравшихся на II съезде РСДРП больше всего интересовали и волновали латышских социал-демократов.

Выступления Ленина против оппортунистических тенденций в РСДРП не могли не интересоваться и латышских социал-демократов, потому что эти тенденции замечались и в балтийской организации (например в спорах по вопросу о роли крестьянства в революции, по вопросу о том, может ли крестьянин, усадьбовладелец, зажиточный фермер быть членом партии наряду с безземельным сельскохозяйственным пролетарием-батраком). Известные семь обвинительных пунктов Ленина против меньшевиков (см. его брошюру «Шаг вперед, два шага назад») нашли сочувственный отклик в среде латышского партактива. Латышским революционным социал-демократам также приходилось бороться с тенденциями к защите расплывчатой партийной организации и с враждой к принципу демократического централизма в построении партии. Оппозиция группы «впередовцев» в Риге пыталась разрушить этот принцип автономии, причем демагогическими способами им удалось привлечь на свою сторону отдельные группы рабочих. Но большинство партии дало резкий отпор этим оппортунистическим отклонениям.

В Латвии также наблюдалась тенденция, отмеченная Лениным у меньшевиков, — стремление строить организацию снизу вверх. «позволяя зачислить себя в партию каждому профессору, студенту, гимназисту и считать членом партии каждого стачечника». Профессоров латышских тогда еще не было; но эта тенденция замечалась среди рижского студенчества и среди гимназистов старших классов, большею частью сыновей зажиточных крестьян-фермеров.

Первые марксистские кружки самообразования, особенно в сельских местностях и небольших городках и местечках, формировались именно из этой зажиточной, наиболее культурной верхушки латышской демократической интеллигенции. Они были совершенно автономны и независимы в выборе тем для занятий, литературы и т. д. Все они считали себя социал-демократами, хотя никакой связи с центральной организацией не имели и массовой работы не вели. Считать себя марксистами им никто не мешал и не запрещал, но они не имели права называть и считать себя членами социал-демократической рабочей организации, фактически не будучи ими.

Бражда к «формализму», которую Ленин обнаружил у меньшевиков и которая заключалась в том, что меньшевики восставали против выдвинутого им требования, чтобы каждый член партии принадлежал к одной из признанных партией организаций, наблюдалась и в Латвии, в среде той же сочувствующей и содействующей организации интеллигенции. Многие интеллигенты (учителя, адвокаты, инженеры) находили, что они могут быть или считаться членами организации, не выполняя буквально этого требования, причем они ссылались на служебное положение, опасности риска и даже на конспирацию. Однако их притязания были отвергнуты.

У известной части латышской социал-демократии наблюдалось и еще одно характерное качество, которое Ленин отметил у русских меньшевиков: склонность к оппортунистическому глубокомыслию и анархической фразе. Эта склонность была очевидна прежде всего у выходцев из буржуазной и мелкобуржуазной среды — сторонников группы «Вперед» и «Союза». Четкую и ясную марксистскую идеологию они

подменяли расплывчатой, туманной эсеровской фразеологией и либеральной болтовней в духе струвизма.

Что же касается «тенденции к автономизму против централизма» — седьмой обвинительный пункт Ленина против меньшевиков, то она в особенно резкой форме проявлялась у рижской группы впередовцев, предъявивших от имени своего кружка ультиматум балтийской организации с требованием автономии.

Споры по вопросу о § 1 устава партии на II съезде очень живо интересовали парт-актив латышской организации. Мартовская формулировка, принятая съездом, не могла удовлетворить балтийскую организацию. Латышская организация была построена согласно ленинского требования 1-го параграфа устава партии, а не по растяжимому и расплывчатому мартовскому.

Весьма кстати для латышской с.-д. и в особенности для молодежи оказалась ленинская критика русских либералов и в частности «освободителей» (П. Струве). Издаваемый П. Струве за границей нелегальный журнал либеральной оппозиции «Освобождение» получался и распространялся в Латвии в очень значительном количестве. Струве пользовался известной популярностью. Многие даже в 1903 г. склонны были увлекаться либеральным красноречием Струве, и его идеи вносили путаницу в ряды молодых, еще не окрепших марксистов. Ленин своевременно обратил внимание на эту опасность, и его выступления против Струве научили критическому подходу к фрондирующему либерализму.

Ряд резолюций II съезда РСДРП по важнейшим общим вопросам с.-д. движения нашел таким образом в Латвии сочувственный отклик.

На основании личных воспоминаний, а также на основании воспоминаний других активных работников этой эпохи можно сказать, что II съезд оказал большое влияние на социал-демократию Латвии. Актив, особенно молодежь, латышской организации с большим интересом и вниманием относился к его работам. Влияние большевизма на развитие с.-д. движения в Латвии с этого времени заметно усилилось.

В. Невский

ЛЕТНИЕ СТАЧКИ 1903 г. — предвестники 1905 года

Общий характер стачечного движения в 1903 году

Ленин еще в 1897 г. в брошюре «Задачи русских социал-демократов» указывал, что промышленный подъем, процветание русской промышленности 90-х годов, следуя законам, открытым Марксом, должны смениться кризисом. И предсказывая этот грядущий кризис, Ленин писал:

«Русские социал-демократы должны позаботиться о том, чтобы этот крах застал русский пролетариат более сознательным, более объединенным, понимающим задачи русского рабочего класса, способным дать отпор классу капиталистов, пожинающих ныне гигантские барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочих, способным вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, связывающего по рукам и по ногам русских рабочих и весь русский народ»¹.

События ближайших лет и особенно 900-х годов с поразительной ясностью показали и правильность прогноза Ленина и способность русского пролетариата разрешить задачи, поставленные перед ним историей.

Кризис поднял на борьбу мощные массы пролетариата и примыкавшие к нему полупролетарские элементы, все более придавая этим массовым выступлениям политический характер.

В 1899 г. забастовкой было охвачено 189 промышленных предприятий с 57.498 участ-

никами стачек, что составляло 0,99 проц. всего числа предприятий и 3,63 проц. всего числа рабочих.

В следующие годы аналогичные цифры таковы:

Годы	Число охваченных забастовкой предприятий	Процент к общему числу предприятий	Число бастовавших рабочих	
			Абсолютное	В % к общему числу рабочих
1899 . .	189	0,99	57.498	3,63
1900 . .	125	0,73	29.389	1,73
1901 . .	164	0,96	32.118	1,89
1902 . .	123	0,72	35.671	2,15
1903 . .	550	3,21	86.832	5,10

Но эти цифры абсолютно не дают картины массового политического движения рабочих в 1903 г., так как они не учитывают ни чисто политических выступлений, ни демонстраций, ни стачек тех рабочих и ремесленников, которые казенной статистикой министерства никогда не регистрировались.

Число бастовавших в 1903 г. исчисляется сотнями тысяч.

Нужно сказать, что уже начиная с 1900 г. рабочие стачки все больше и больше приобретают ярко выраженный политический характер, точно так же как чисто политическими выступлениями являлись и демонстрации, особенно первомайские.

Стачки, демонстрации, столкновения с войсками, кончавшиеся часто жертвами, стали уже в 1901 г. обычными явлениями русской общественной жизни. Они знаменовали высшую ступень по сравнению с движением 90-х годов, но были уже недостаточны для дальнейшего развития борьбы с самодержавием.

Новым явлением, непосредственным продолжением к летнему движению следующего года была ростовская стачка в ноябре 1902 года.

Ростовская стачка произвела огромное впечатление на всю Россию. Вслед за нею развернулась целая полоса политических демонстраций зимой 1902 — 03 г.: в Тифлисе в ноябре 1902 г., в Одессе, Варшаве. Сувалках и Белостоке в январе 1903 г., в Томске,

¹ Подчеркнуто нами. — В. Н.

снова в Тифлисе и Вильне в феврале и затем в марте в Баку, Батуме и Ростове-на-Дону.

Стачечное движение тоже получило могучий толчок. Вот перечень городов, охваченных забастовочным движением весной 1903 г.: Петербург, Кашин, Вязники, ковровая фабрика в Тверской губ., Ченстохов, Сморгонь, Двинск, Витебск, Полоцк, Гомель, Копыль, Гродно, Вильно, Белосток, Одесса, Таганрог, Мариуполь, Ростов-на-Дону, Кременчуг, Луганск, Батум, Баку, Тифлис, Пермь, Екатеринбург, Златоуст, Киевская губ., Белая Церковь, Ялта, Нежин, Чернигов, Городня, Тульчин, Сувалки, Самара, Томск.

Бастуют металлисты, ткачи, шахтеры, рабочие бумажных фабрик, сахарных заводов, табачники, кожевники, горные рабочие, нефтяники и ремесленники самых разнообразных специальностей.

Празднование дня первого мая в 1903 г. прошло очень бурно во многих городах. Первомайские забастовки происходили в Одессе, Николаеве, Тифлисе, Балахне, Гродно, Гомеле, Поневеже, Сувалках, Белостоке, Чите, Иркутске, Харбине и Томске. В этих демонстрациях с красными флагами и пением революционных песен принимали участие десятки тысяч рабочих. Почти все они кончались столкновением с войсками, а некоторые и человеческими жертвами, как например демонстрация в Балахне, где были убитые и раненые.

В стачках весны и лета 1903 г. под влиянием начавшегося промышленного оживления рабочие предъявляли большей частью экономические требования: повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и т. п..

Такие стачки происходили в Петербурге, Москве, Вышнем-Волочке, Николаеве, Лодзи, Александрове Владимирской губ., Шуе, Иваново-Вознесенске, Варшаве, Потти, Бердянском уезде, Тверской губ., Белорусском уезде, Новгородской губ. и Киевской. В противоположность стачкам периода промышленной депрессии они нередко были довольно успешны.

Движение рабочих в июне и июле 1903 г. было таким образом непосредственным продолжением и как бы завершением забастовочного движения предшествующего этапа пролетарской борьбы 900-х годов.

Всеобщая стачка в Баку

Грандиозное стачечное движение лета 1903 г. началось почти в одно время в двух

крайне противоположных пунктах — в Баку и Одессе. Отсюда оно прокатилось по всему Югу, захватив рабочих таких крупнейших промышленных пунктов, как Тифлис, Батум, Николаев, Елизаветград, Екатеринослав, Александровск, Конотоп, Феодосия, Керчь и Киев.

Забастовка в Баку началась 2 июля на заводе Хатисова, в Биби-Эйбате. Этот либеральный хозяин, заранее столковавшись с другими капиталистами о выполнении в случае забастовки данных ему заказов, отказал в требовании рабочих повысить их плату. Хатисовцы объявили стачку. Из чувства солидарности забастовали также и рабочие тех предприятий, которые согласились выполнять срочные заказы Хатисова. Таким образом тогда же, 2 июля, бросили работу пролетарии заводов Биби-Эйбата, Манташова, Шихова, Олеума, Майлов-Таирова, Тифлисского нефтяного общества, всего до 1.000 чел. К ним в тот же день присоединились и рабочие Черного города, завода Хатисова, Левинсона, Мельникова и Эйденцимидта, тоже около 1.000 чел. 3 июля примкнули к стачке рабочие железнодорожного депо, железнодорожных мастерских, заводов Рысина и Ляпина, Бардорфа, Нобеля и других с количеством рабочих более 2 тыс. чел. 4 июля стачка распространилась на весь Черный и Белый город и на Биби-Эйбат. 5 июля стачка перебралась на Балахну. Остановилась вся промышленная жизнь города и окрестностей, даже электрическая станция. Город погрузился во тьму. Тысячными толпами рабочие ходили по заводскому промысловому району и везде прекращали работу. Почти нигде не было оказано сопротивления. «Бывали случаи, — пишет очевидец, — что работы прекращались по требованию одного мальчика; до того все были уверены во всеилии рабочих. Полиция была молчаливым зрителем всех этих событий; она сопровождала толпу забастовщиков, не делая никаких попыток к вмешательству. Скоро (5 июля) стала конка. Начали бастовать фабрики и мелкие ремесленные заведения в городе. Вследствие стачки железнодорожного депо товарные поезда стали. Команда прибывающих наливных шкун немедленно присоединилась к стачке, прекратились следовательно всякий привоз и вывоз товаров. Станция вся завалена товарными поездами, рейд заполнен наливными шкунами. Строительные рабочие прекратили работу: маляры, плотники бастуют. Мостовики бросают работу. Черно-рабочие-поденщики не являются на биржу

для найма. Даже жалкие из жалких — амбалы, персы, метельщики городских улиц, мусорщики и ассенизаторы — присоединяются к забастовке, заявляют свои требования, держат речи о том, что они не скоты, и требуют лучших условий труда. Небывалое явление! И вряд ли кто это мог предполагать. Даже ресторанная прислуга в числе 100 чел. забастовала в 2-3 заведениях. Дворники сочувствуют забастовке и в разговорах выражают готовность присоединиться к ней. Дворники в Белом городе в количестве около 50 чел. (по рассказам) сбрасывают с себя знаки своего достоинства и заявляют, что за свои 8 — 10 рублей жалованья они не согласны подвергать опасности свою жизнь в борьбе с «внутренним врагом»¹.

Каковы же были роль и значение нашей партии в этом движении?

Некоторые товарищи мемуаристы и историки утверждают, что это движение, вспыхнувшее стихийно, не имело нашего партийного руководства.

Так например С. Т. Аркомед в своей книге «Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе» (с 80-х гг. по 1903 г.) пишет о бакинской стачке 1903 г.: «Комитет не был в состоянии руководить этим небывалым до сих пор грандиозным движением».

В таком же духе высказывается и автор статьи «Июльская стачка 1903 года в Баку», помещенной в сборнике «Из прошлого». Он пишет об этой стачке: «Она вспыхнула стихийно, и местная социал-демократическая организация попала впросак».

Конечно в вышеприведенной картине, нарисованной очевидцем, есть элемент стихийности. Но в каком из массовых движений его нет? Даже в величайших движениях организованные и сознательные массы, зараженные энтузиазмом, ведут за собой наиболее отсталые слои, стихийно поднимающиеся на борьбу.

В Баку организация для руководства стачкой была создана немедленно.

Стачка возникла стихийно, но подготовлена она была всей предшествующей работой социал-демократии; во главе стачечного комитета стояли социал-демократы, фактически руководящие стачкой.

Наш комитет издавал листки, устраивал митинги, формулировал требования, посылал своих ораторов. При таком массовом движении происходили и стихийные выступления. Нехватало листков, недостаточно было организованности, не всюду поспевали социал-демократические агитаторы.

7 июля в Балахне было устроено грандиозное собрание с участием 15 тыс. чел., но из-за отсутствия хороших агитаторов этот митинг не дал положительных результатов.

Очевидец, автор корреспонденции в «Искре», говорит по этому поводу: «Едва ли мы ошибемся, если скажем, что неудача этого собрания была одной из главных причин дальнейших неудач»².

В город прибывают войска, и скоро численность солдат доходит до 6 тыс. Тогда и полиция начала разгонять собрания, производить аресты, избивать на улицах рабочих. Рабочих на опреснителе — единственном источнике питьевой воды — заставляют работать штыками и нагайками. С другой стороны, и капиталисты стали идти на уступки. Начались совещания капиталистов и их заигрывания с рабочими. Стаечный комитет и социал-демократическая организация формулировали требования рабочих, настаивая на освобождении арестованных, отмене произвольных обысков, 8-часовом рабочем дне, по крайней мере для сменных рабочих, и предоставлении здоровых жилищ.

Наиболее крупные фирмы, как Нобель, готовы были пойти на частичные уступки, но им противодействовали более мелкие предприниматели. После прибытия новых войск (их теперь было до 10 тыс.) и после телеграммы Плеве, запрещающей какие бы то ни было уступки рабочим, положение резко изменилось. Повсюду вывешивались объявления об увольнении тех, кто не явится на работу 14 мая. С 14 мая начались колебания, неуверенность. Стачка длилась больше недели, но это была уже не прежняя всеобщая стачка, а скорее стачка отдельных предприятий.

Бакинская стачка имела громадное влияние на развитие движения в 1903 г. Как электрический ток, она отозвалась по всему Кавказу. Не прошла бесследно стачка и для бакинских рабочих. Вот как формулирует свои выводы очевидец, корреспондент «Искры»: «По своим размерам и всеобщности стачка небывала и грандиозна. Самые низшие слои пролетариата приняли в ней участие. Впервые мусульманское рабочее население, в том числе жалкие и забитые персы, активно борется за улучшение своей участи. Местами они самые ярые забастовщики; как наименее сознательные, они проявляют наибольшую склонность к физическому воздействию»³.

² «Искра» № 45, стр. 7.

³ Там же.

¹ «Искра» № 45, стр. 7.

Митинг в Плугатаревой балке близ Ростова-на-Д.

В бакинской социал-демократической организации работали такие революционеры, как покойный Кецховелли, А. С. Енукидзе. Бакинский комитет находился в самой тесной связи с комитетами в Тифлисе, Батуме, Кутаисе, в Чиатурах. В Тифлисе и вообще на Кавказе в то время работал и т. И. В. Сталин. И хотя и Кецховелли, и т. Енукидзе, и затем т. Сталин попали в тюрьмы, однако их работа и работа их ближайших товарищей искровцев-большевиков имела огромное значение и сыграла решающую роль в деле проведения всеобщей политической забастовки в Батуме и Тифлисе, где движение носило уже более планомерный и сознательный характер и где оно всецело находилось под руководством нашей партии¹.

Всеобщая стачка на Кавказе

В Тифлисе, в Батуме и вообще там, где вслед за Баку вспыхивали стачки, движение носило вполне сознательный характер и находилось под руководством партии. В Тифлисе стачка началась по призыву Кавказско-

го союза партии, назначившего и день выступления.

Хотя приказчики начали забастовку еще 2 июля, мясники 11 июля и пурщики 12 июля и хотя все эти рабочие предъявили экономические требования, 14 июля началась всеобщая политическая забастовка. В ней приняли также участие рабочие железнодорожных мастерских и депо, мелкие мастерские, официанты и даже конки, которые затем пошли только потому, что солдаты заменяли кондукторов и кучеров, продавали билеты и охраняли вагоны штыками. Массовые митинги устраивать было невозможно, так как Тифлис был наполнен войсками. Солдаты в рабочих не стреляли, но зато полиция избивала всех до потери сознания, а казаки действовали нагайками, пропуская забастовщиков сквозь строй. Корреспондент «Искры» характеризует тифлисскую стачку как стачку сочувствия бакинцам. «Вообще стачка в Тифлисе, — пишет он, — была главным образом делом сочувствия бакинским стачечникам»².

Движение не остановилось в Тифлисе. Оно захватило все более или менее крупные пункты, где находились рабочие: Батум, Потти, Кутаис, Самтреди, Чиатурский горный округ и др.³.

¹ А. Енукидзе, «История организации и работа нелегальных типографий РСДРП на Кавказе за время от 1900 по 1906 гг.», «Пролетарская революция» № 14, 1923 г., а также его сборник «Двадцать пять лет бакинской организации большевиков», Баку, ст. «К 25-летию бакинской организации», 1921 г.

² «Искра» № 47.

³ Всего на Кавказе бастовало до 100.000 чел. См. «Архив истории труда в России», кн. 5, стр. 24—27.

В Батуме забастовка носила в высшей степени организованный и ярко выраженный политический характер. Началась она 16 июля и сразу стала всеобщей. Бастовали буквально все: железнодорожники, заводские рабочие, пекари, плотники, строители, приказчики, кондуктора, стрелочники, носильщики и даже служащие контор и учреждений.

Несмотря на то, что забастовка в Батуме продолжалась недолго, она носила характер организованного политического протеста. Батумская организация была одной из лучших организаций: здесь долго работал т. Сталин. В течение 1901—1902 гг. он был выдающимся организатором всего движения, одним из первых марксистов-литераторов и организатором революционной прессы и подпольной типографии.

Трагически окончилось выступление рабочих на ст. Михайловка, где в рабочих стреляли стражники, в результате чего оказались раненые и убитые (35 чел.).

Бурный характер носили забастовки и в Чиатурах, где не обошлось, по словам корреспондента «Искры», без разрушения и пожаров¹.

В некоторых уездах происходили и крестьянские волнения.

Подведем теперь некоторые итоги.

Стачка в Баку началась более стихийно, чем в других городах. Но и здесь руководство стачкой скоро перешло в руки социал-демократов-искровцев. Именно под их влиянием в движение вносятся планомерность и сознательность. Планы провокаторов пресекались рабочими, организовалась охрана рабочими промыслов, машин и т. п.

Всеобщая политическая стачка в Тифлисе, Батуме и других пунктах Кавказа началась уже совершенно сознательно по решению партийных организаций и по их призыву как ответ на бакинскую стачку. Партийные организации руководят движением, выпускают листовки, устраивают демонстрации, собрания, посылают своих ораторов, организуют отпор полиции. В с.-д. листках отчетливо подчеркивается политический характер движения. Так, тифлисский комитет в своей прокламации, характеризуя забастовку, пишет: «В первый раз в России всеобщая забастовка сразу охватила целый город. Этот день становится еще знаменательнее тем, что тифлисские рабочие объявили всеобщую забастовку главным образом для того, чтобы соединиться со своими бакинскими товарищами и общими силами сде-

лать натиск на общего врага». Лозунг борьбы с самодержавием давался ясно и отчетливо. Но в то же время не упускалась из виду и экономическая сторона движения.

Стачка поднимала на сознательную и организационную борьбу наиболее темные и отстающие элементы рабочих, идущих в нее сначала из чисто экономических побуждений и вырастающих в ходе борьбы до понимания политических требований партии.

Стачки на Кавказе носили наиболее ярко выраженный политический характер там, где социал-демократические организации были крепче, где они проделали большую предварительную работу, где в их рядах работали такие выдающиеся организаторы, как т. Сталин.

Кавказская стачка (вместе со стачкой в Одессе) явилась могучим толчком для развития всеобщей стачки на всем юге России.

Всеобщая стачка в Одессе

В Одессе стачечное движение начинается также в первых числах июля. Затем оно перекидывается в Киев (21 июля), Елисаветград (30 июля), Екатеринослав и Николаев (начало августа) и далее уже по другим менее значительным пунктам.

Причиной возникновения одесской стачки кроме общих экономических условий была и предварительная агитация социал-демократов, и стачка, что очень важно, протекала под их руководством.

«На большинстве фабрик и заводов,—говорится в деле одесского охранного отделения «О забастовках 1903 г.»,—имелись кружки сознательных революционных рабочих, которые вели широкую агитацию в пользу забастовки»².

Факты подтверждают это заявление охранных властей. Еще в апреле зубатовский «комитет независимой рабочей партии» Шаевича объявил забастовку на небольшом механическом заводе Рестеля. Стачка была длительная, рабочим помогала зубатовская касса Шаевича, а штрейкбрехерам—сам Рестель и полиция. Между штрейкбрехерами происходили столкновения, и когда выведенные из терпения независимцы обратились к Шаевичу, тот предложил искать новых мест. Это подорвало престиж Шаевича, а

² Цитирую по статье Д. Шлосберга и Б. Шульмана «Всеобщая забастовка в Одессе в 1903 году и «независимцы» в «Летописи революции» № 1, 1929 г., стр. 131. См. также Д. Шлосберг, «Загальний страйк 1903 р. і крах зубатовщини на Україні», Партвидав «Пролетар», 1932 г.

¹ «Искра» № 47, стр. 8.

тут как раз социал-демократами была блестяще проведена стачка (23 июня) на бумаго-джутовой фабрике Родоконаки. В это же время состоялась новая стачка у портных по инициативе экономической рабочедельческой организации «Рабочая воля». «Рабочей воле» стачку провести не удалось; не удалось ее провести и одесскому комитету.

Вскоре рабочие-железнодорожники в количестве 2.500 чел. тоже начали стачку (1 июля). Агитацию вели социал-демократы из комитета. Были выработаны экономические требования и политические лозунги. Независимцы однако повели довольно успешную борьбу с социал-демократами, и стачка была прекращена. Начальник дороги Немешаев и жандармы ликовали. Однако, когда рабочие увидели, что начальство и независимцы их обманули, престиж одесского комитета вновь поднялся. Речи и листки социал-демократов слушались теперь с огромным вниманием. 4 июля забастовали грузчики в порту, выдвинув требование уменьшения рабочего дня и увеличения заработной платы. С этого момента события развиваются с головокружительной быстротой. Стачка вспыхивает за стачкой, захватывая рабочих разных категорий. Когда же до Одессы доходят сведения о кавказской стачке, здесь тоже начинается всеобщая политическая забастовка.

Вот как развивались события после стачки портовых рабочих. 6 июля к ним примкнули моряки, кочегары, матросы и угольщики прибывающих в Одессу пароходов. Все попытки независимцев сорвать забастовку не удались. Одесский комитет твердо взял дело в свои руки. Его листки читались нарасхват, ораторов его слушали, приглашали повсюду и даже угощали в трактирах. 13 июля началось брожение среди конюшников; на другой день конка частично прекратила движение. 16 июля вышли листки комитета к кондукторам. Попытки заменить бастовавших матросов военными матросами были безуспешны, так как листок одесского комитета «К морякам-солдатам» производил и на них огромное действие. В этот же день, 16 июля, присоединились к забастовке заводы Жако, Вальтуха, Родоконаки, Арбеда и др. С этого же дня начинаются многочисленные митинги, устраиваемые по инициативе одесского комитета партии.

Тысячная толпа направилась утром 16 июля к Михайловскому участку, требуя освобождения арестованных. Полиция разогнала толпу. В 2 часа дня собралась новая толпа тысяч в восемь в Рубовом саду; здесь уже

были слышны чисто политические речи комитетских агитаторов, раздавались тоже чисто политические прокламации комитета и «Искры».

На другой день, 17 июля, был собран митинг опять в Рубовом саду. Здесь комитетские ораторы, несмотря на протесты независимцев, держали ярко политические речи. Настроение масс поднималось. Происходили настоящие стычки независимцев и социал-демократов.

Из Рубового сада рабочие двинулись к пробочному заводу Юлиуса, по дороге к ним присоединялись все новые и новые группы товарищей. Призыв двинуться к заводу Юлиуса «был дружно подхвачен толпою, которая, сплотившись, грозной лавиной двинулась из сада. Казаки за нею. По дороге затягивали «Марсельезу» и другие песни, но из толпы кричали: «Не надо песен!». И началось прямо величественное шествие 8—10-тысячной толпы с завода на завод, из мастерской в мастерскую. Рабочие, где с радостными, где с угрюмыми лицами, покидали душные мастерские и присоединялись к забастовщикам. Как катящийся ком снега, толпа все росла да росла. От завода Енни пошли на Пересыпь. Во главе шествия все время были организованные рабочие и интеллигенты — социал-демократы. До станции Хаджибеевского лимана толпу конвоировали казаки; на Пересыпи их не было уже ни одного. На многочисленных остановках рабочие ораторствовали на политические темы. Обыватели сочувственно встречали толпу и нередко ее сопровождали. Около мельницы Вайнштейна были распространены прокламации одесского комитета о «Златоустовской бойне». Остановив все заводы на Пересыпи, стачечники, увеличившись до 40 — 50 тыс., направились в порт, срывали флаги, звали с собой матросов, а военных моряков призывали к пассивному сопротивлению. Около подъема на Николаевский бульвар толпа разделилась. Главное ядро шествия направилось по Николаевскому бульвару. Здесь толпа остановилась, и оратор опять заговорил о борьбе, о необходимости политической свободы. С бульвара толпа направилась на вокзал. Другая, значительная часть пошла через Карантин и по Канатной улице. Толпа не знала, что вокзал уже забастовал с обеда, и шла его останавливать. Другие группы стачечников расползлись по всему городу, останавливая на своем пути все, даже самые мелкие мастерские. Вся Одесса забастовала. Как-то непривычен был для русского глаза вид этой сво-

бодно шествующей толпы: всем казалось, что вот-вот из-за угла, из засады выскочит встревоженный, насторожившийся враг»¹.

В этом рассказе очевидца чувствуются весь динамизм движения, вся его грандиозность, все его величие.

День 17 июля был кульминационным пунктом движения. Уже в этот день независимцы попрежнему продолжали бороться с социал-демократами, пытаясь совлечь движение с политического пути. Хотя социал-демократы овладевали собраниями, однако всюду независимцы противодействовали активизации политической борьбы.

На другой день стали замечаться признаки ослабления движения. Независимцы действовали уже с большим успехом. Хотя социал-демократические ораторы еще выступали ярко и при одобрении рабочих, однако и независимцы действовали решительнее и смелее.

18 июля социал-демократам удалось устроить несколько демонстраций с пением революционных песен, с красными знаменами, с ярко политическими речами, с разбрасыванием прокламаций. Крики «Долой самодержавие!» и «Да здравствует политическая свобода!» носились в воздухе. Полиция действовала решительно, разгоняя демонстрантов. Полиции помогали казаки, избивая рабочих нагайками.

Девятнадцатого началась жестокая расправа казаков и полиции с забастовщиками. Забастовка пошла на убыль и 23 июля прекратилась.

Как видно из официальных документов, забастовка не привела к победе рабочих в экономической области. Только очень небольшое число фабрик после стачки стало работать на новых условиях: с сокращенным рабочим днем (от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ часа) и с ничтожным повышением заработной платы на 3—15 к. в день (из 247 фабрик с 12.788 рабочими только на 17 рабочие добились сокращения рабочего дня на полчаса—час и повышения платы на 10—20 коп. в день)².

Зато в политическом отношении результаты были огромны: прежде всего сама социал-демократическая организация окончательно изжила прежние свои экономические идеи и перешла твердо на позиции большевистской «Искры». Ведя борьбу за руковод-

ство забастовкой, комитет своей деятельностью и пропагандой разъяснял массе рабочих провокаторскую деятельность зубатовцев-независимцев. Благодаря этому самые широкие рабочие массы увидели предательскую, охранническую природу союза Шаявича и стали отходить от независимых. Комитет и передовые рабочие-большевики вырастали вместе с развитием забастовки и вели широкую и действительно революционно-политическую агитацию. Комитет, хотя и не сразу, овладел таким образом стихийно возникшим движением и взял руководство стачкой, насколько это было возможно, в свои руки.

Всеобщая стачка в Николаеве

Под влиянием одесских событий произошла стачка в Николаеве. И здесь очень большое значение в событиях играл комитет партии. Хотя по предположениям комитета стачку предполагалось начать позже, однако она началась 21 июля, в день выпуска комитетской прокламации, призывавшей вообще к политической борьбе. События в Баку, Батуме, Тифлисе и, главное, в Одессе, связанной тесными и многочисленными узами с Николаевом, создали боевые настроения и среди николаевских рабочих. Забастовал котельный цех Французского завода, а за ним к трем часам стал и весь завод. Рабочие на вопросы директора, что им нужно, кричали: «Нам нужен восьмичасовой рабочий день, нам нужна политическая свобода!».

Остановив свой завод, рабочие бросились к соседнему, Черноморскому заводу, но их встретили полиция и войска. Разломав стену, рабочие ворвались на завод и вместе с черноморцами двинулись дальше. Столкновение с войсками было предотвращено умелым и тактичным поведением руководителей. Остановив по дороге спиртоочистительный завод, рабочие вместе с работницами под пение рабочей «Марсельезы» с красными знаменами двинулись в город. В городе эта демонстрация достигла внушительных размеров. Проходя по улицам, демонстранты останавливали конку, закрывали магазины и мелкие мастерские.

Когда демонстрация уже прошла версты полторы, войска и полиция напали на толпу, произошло избиение, и только тогда демонстрация закончилась.

На другой день в роще пытались устроить

¹ «Искра» № 46, стр. 6.

² Д. Шлосберг и Б. Шульман, «Летопись революции» № 1(34), 1929 г., стр. 141.

Группа участников ростовской демонстрации 1903 г.

митинг, но полиция разогнала его. На третий день подле Французского завода, где начался расчет рабочих, собрался огромный митинг, где говорил комитетский оратор и распространялись комитетские прокламации. Толпа после митинга двинулась в Коммерческий порт, остановила мастерские министерства путей сообщения и элеватор. В этот момент налетели казаки и появились солдаты. Был дан залп: убит один и много рабочих ранено.

Это и был кульминационный момент движения. Увольнения на Французском заводе сыграли свою роль, и стачка была приостановлена. Во время стачки комитет выпустил 7 листов по поводу событий стачки (в том числе 2 листка к рабочим Французского завода).

Всеобщая стачка в Киеве

Всеобщая политическая стачка¹, происшедшая в Киеве, носила такой же организованный характер, как в Батуме, заранее была подготовлена и началась в назначенное комитетом время. На заседании киевского

комитета было решено начать всеобщую политическую стачку 21 июля. Рабочие призывали к стачке листками: одним — общеполитическим и другим — с требованиями рабочих. Сначала забастовали Южнорусский машиностроительный завод и железнодорожные мастерские, всего около 4 тыс. чел. Предполагавшийся митинг не удался. На следующий день к забастовке присоединились типографщики в количестве 1.400 ч., а в ответ на прокламации с призывом к всеобщей политической стачке на третий день стали заводы Греттера, Арсенал и мелкие мастерские. Стачка стала всеобщей. В этот же день на большом митинге на вокзале (около 2.500 чел.) выступал комитетский оратор. Здесь же солдаты стреляли в толпу, в результате чего 15 чел. было убито и около 200 ранено. Это еще более усилило протест рабочих, и на четвертый день забастовка приняла грандиозные размеры: бастовали железнодорожные мастерские, трамваи, все заводы, булочники, все ремесленники, корсетницы, папиросницы, табачные и мебельные фабрики, портовые рабочие, матросы. Движение пароходов по Днепру прекратилось.

На пятый день к стачке примкнули двадцать телеграфистов управления Юго-Запад-

¹ В акар. Всеобщая политическая забастовка 1903 г. в Киеве.

ных ж. д. и наконец строители, плотники, каменщики и штукатуры.

Движение носило политический характер, и когда рабочих спрашивали, почему они бастуют, они отвечали: «Да вот вчера стреляли на вокзале, а сегодня мы не будем работать».

На четвертый день произошла демонстрация на Сенном базаре, на пятый — на Еврейском базаре. В результате столкновений с войсками были жертвы — убитые и раненые. Демонстрации эти возникли стихийно.

Учитывая такие настроения, комитет назначил общую демонстрацию на 27 июля на Крещатике. Демонстрация хотя и состоялась, но не носила внушительного характера, так как полиция и войска разгоняли ее.

Стачка была закончена 1 августа, после 10 дней борьбы. Экономические результаты стачки для некоторой категории рабочих оказались весьма значительными. В течение

всей забастовки выходили листки комитета (9 листов — около 24 тыс. оттисков) ¹.

Всеобщая стачка в Екатеринославе

В Екатеринославе всеобщая политическая стачка началась 7 и закончилась 11 августа. И здесь так же, как и в Киеве, забастовка была начата по призыву стачечного комитета, в который вошли по 3 чел. от комитета партии и от оппозиционной группы, называвшей себя также комитетом и оппозицией. Социалисты-революционеры в стачечный комитет не входили ².

К стачке начали готовиться еще в июле. После выяснения экономического положения и экономических требований рабочих решено было, выставив вместе с политическими лозунгами повышение заработной

² См. приложение к № 52 «Искры» «Отчет Екатеринославского комитета об августовских событиях этого года», а также «Искру» №№ 47, 48, 80, 81 и 106.

¹ «Искра» № 47, стр. 6.

Группа участников екатеринославской всеобщей стачки

платы и уменьшение рабочего дня, начать стачку 7 августа. Социалисты-революционеры наметили начало стачки на 5 августа, но рабочие бросили работу по призыву комитета в назначенный им день — 7 августа.

Начали стачку железнодорожные мастерские. Остановив завод ЭЗАУ, рабочие двинулись к Брянскому заводу.

Сняв рабочих с ряда заводов, многотысячная толпа двинулась дальше, разделившись на две части. Одна часть толпы при входе в фабричный поселок встретила войска, произошло столкновение. Вот как описывает его очевидец:

«... Одна женщина стояла на насыпи, и казачий офицер, подскочив к ней, ударил ее нагайкой; она оторвала конец нагайки, в котором, как всегда, был вделан внутри ремня кусок железного стержня в палец длины и толщины. «Смотрите, чем бьет вас, ваших детей, ваших жен и старых матерей. Ведь мы скотины не ударили бы этим». И она схватила кирпич, подбежала к офицеру, ударившему ее, и ударила его в голову. Офицер зашатался. Казаки с нагайками набросились на женщину. Рабочие кинулись защищать ее, схватили камни и начали бросать в казаков. Те было бросились к толпе, но град камней обратил их в бегство. Тогда офицер отделил человек 40 солдат и, выстроив в два ряда, без малейшего предупреждения скомандовал «на прицел». «У нас боевые» — докладывал фельдфебель. Офицер молча кивает головой и командует «пли» и сам первый стреляет из револьвера. Упал один, другой, и вот уже около трех десятков на земле. Раздались стоны, крики, а рабочие еще не верят, что это боевые заряды: не могут же их убивать за то лишь, что они хотят улучшить свою долю, что они защищают своих жен. Но факт налицо, и, уверившись в нем, мрачные, полные негодования, рабочие разбрелись по домам, убедившись, что войско готовят к продолжению бойни. Женщины с полотенцами и воем в руках бросились к раненым, чтобы оказать посильную помощь, но казаки разгоняли женщин...»¹.

На другой день бастовали все крупные заводы и все мастерские. На митинге выступали ораторы от комитета и выдвигали политические лозунги. Полиция и войска окружали толпу, но никого не трогали.

На третий день стачечная комиссия организовала похороны убитых. Огромная толпа рабочих провожала погибших за рабочее

дело героев. У гробов произносились негодующие, бичующие убийц речи. Рабочие призывались к дальнейшей борьбе. Однако представителей комитета на похоронах не было, и это вызывало укоры со стороны рабочих.

На Чечелевке (предмесье Екатеринослава) после похорон собралась огромная толпа и направилась в город. Останавливая по дороге мастерские, лесопилки и трамвай, демонстранты вышли на главную улицу города. Здесь толпу встретили войска и казаки и разгоняли ее, но стреляли только холостыми.

В течение следующих дней, когда стачка стала в полном смысле всеобщей, происходили многочисленные митинги во многих местах. Везде выступали ораторы социал-демократы. Бывали моменты, когда собрания происходили сразу в четырех пунктах, и пришлось выпустить двенадцать ораторов, не считая трех социалистов-революционеров. Ораторы касались экономических требований рабочих, но главной темой их речей являлась политическая агитация.

Несмотря однако на все усилия комитета, стачечной комиссии и их организаторов, долго удержать рабочих в боевом настроении не удалось. Власти кроме прямого насилия и действия оружием, кроме давления на хозяев с требованием рассчитывать рабочих, объявили, что продолжающих участвовать в стачке полиция будет высылать на родину.

Это и создало перелом в настроении массы: 11 августа к работе приступила часть рабочих, а 12-го работы и в Екатеринославе и на Брянском заводе были уже на полном ходу; 13 августа стачка закончилась всюду.

Отмечая образцовое поведение рабочих во время стачки, особенно организованной и политически сознательной части их, комитет в следующих словах подводил итоги забастовки: «Подводя итоги августовским событиям, комитет имеет полное право признать, что в сражении, которое организованные екатеринославские рабочие дали правительству, победа всецело осталась на стороне социал-демократии. О поражении здесь не может быть и речи. Поражение было бы только в том случае, если бы часть организованных рабочих разочаровалась в своих чаяниях и надеждах, если бы она сознательно вышла из состава организации. Но ничего подобного не было. Наоборот, после забастовки число активных сторонников комитета стало возрастать с небывалой

раньше быстротой»¹. К этой оценке нужно прибавить, что кроме убитых и раненых екатеринославские рабочие заплатили за эту стачку и приговором по суду, которому было предано 56 чел. И все это не разочаровало и не испугало их.

Комитет отмечает и присоединение крестьян к забастовке в деревне Чаплях, в 13 верстах от Екатеринослава (на лесопилке), и огромное влияние ее на солдат.

Под влиянием событий в Одессе и Киеве происходила забастовка и в Елисаветграде с 28 по 30 июля, но здесь она носила значительно менее организованный характер. Стачка вспыхнула стихийно среди строительных рабочих, довольно быстро захватила значительную часть пролетариата и, как и всюду, сопровождалась собраниями и демонстративными шествиями, столкновениями с полицией и выступлениями социал-демократических ораторов.

Общие итоги стачечной борьбы летом 1903 года

Подведем теперь итоги этого замечательного движения летом 1903 г. на юге России.

Прежде всего поражает массовый характер этого движения. Во всех этих забастовках принимало участие не менее 200 тыс. человек.

Движение охватило восемь крупнейших промышленных центров, не считая менее значительных пунктов. Два промышленных центра — Баку и Одесса — являются исходными точками забастовки. На двух противоположных концах обширной территории, превосходящей территорию любого европейского государства, накапливаются искры пожара, охватившего весь юг России.

В забастовке действительно участвуют широкие массы рабочих и не только высококвалифицированных металлистов, но и самых отсталых, вплоть до строительных рабочих и женщин-работниц табачных фабрик, спиртоочистительных заводов и даже ремесленников и женщин-ремесленниц. В забастовке принимают участие даже приказчики, матросы и телеграфисты.

Второе характерное явление — это быстрота распространения стачки: в Баку стачка начинается 2 июля, Тифлис поднимается 14-го, а Батум уже через два дня, 16 июля; в Одессе начало стачки

4 июля, в Николаеве 21 июля, в Киеве тоже 21 июля, в Елисаветграде 28 июля и наконец в Екатеринославе 7 августа. Не успевает закончиться стачка в одном городе, как она возникает в другом. Широчайшее массовое движение продолжается больше месяца: начавшись в Баку 2 июля, оно заканчивается 14 августа в Екатеринославе.

Следующим признаком этого движения является боевое настроение рабочих. Это не спокойная экономическая стачка мирных тред-юнионистов, это бурное политическое движение боевых масс, хотя и не вооруженных, но готовых на вооруженную борьбу.

В ответ на выступления полиции и войск — нагайки, избиения и даже выстрелы и человеческие жертвы — толпа отвечает градом камней, вступает в рукопашный бой с солдатами, отбивает своих вожakov и ораторов. Демонстрация — это обычная форма протеста бастующих.

Нельзя не отметить еще одну черту этой забастовки — осуществления путем борьбы полной свободы слова на митингах и собраниях.

Таким образом несомненен политический характер движения. Несмотря на то, что во многих местах стачки начинаются как обычные экономические стачки, они быстро приобретают ярко выраженный политический характер. Ораторы, даже самые обычные рабочие из толпы, выступают с политическими речами; массы охотно слушают такие речи и поддерживают лозунги, призывающие к борьбе с самодержавием и капиталом.

Июльское движение находит отклик во всей России, захватывая самые отсталые и отдаленные углы нашей страны.

Но самым важным явлением летнего движения 1903 г. следует признать огромную руководящую роль нашей большевистской партии и ее организаций. В таких городах, как Тифлис и особенно Батум и Киев, где забастовка является чисто политической стачкой сочувствия и солидарности, она назначается большевистским комитетом в определенный им день и находится все время под его руководством. В тех городах, где, как в Одессе или Баку, против социал-демократии выступают полицейские организации Шавевича или Шендрикова, где были сильны экономические группы, в конце концов руководство также переходит в руки большевиков. Таким образом июльские

¹ «Искра» № 52, «Отчет».

стачки сыграли огромную роль в деле изжития рабочими зубатовщины и экономизма¹.

Наши комитеты дают организаторов, ораторов, печатают и распространяют революционную литературу, одобряющую требования рабочих и призывающую к работе.

Высокий уровень, организованность и политическая сознательность июльских стачек на Кавказе объясняются работой Кавказского союза, где работал т. Сталин.

В таких городах, как Киев, также работали выдающиеся работники-большевики². Ни одна партия, ни одна группа, кроме большевиков, не стояла во главе июльских массовых стачек.

Такие имена, как С. И. Гусев, Р. С. Землячка, Шаумян, П. А. Красиков, И. Х. Лала-янц (тогда непримиримый большевик), Кнуньянц, Л. Б. Красин, А. С. Енукидзе, Топуридзе, Бауман, М. Н. Мандельштам и сотни других подобных им большевиков, стоявших во главе движения, обеспечили то обстоятельство, что июльские события проходили под лозунгами, выдвинутыми старой «Искрой», восторжествовавшими вскоре на II съезде партии.

Оценки июльского движения и его значения

Как же оценили июльское движение и как отнеслись к нему разные партии и классы в России и за границей?

«Стаечное движение, охватившее юг России, — писал Струве в своем органе «Освобождение», — не есть простая серия забастовок. Это крупное политическое движение, знаменующее собой напряженное, чисто революционное настроение трудящихся народных масс, выливающееся сегодня в форму стачек, завтра могущее получить совсем другую форму».

Эту другую форму Струве называет «переворотом». «Когда он придет, мы не знаем и определить не можем, но мы знаем, что власть имущие могут остановить революцию только одним способом: они должны сделать ее сами, став на путь смелых и коренных реформ. Но они этого не хотят сделать и не сделают»³.

¹ См. об этом у Д. Шльосберга «Загальний страйк 1903 р. і крах зубатовщини на Україні».

² П. Н. Лепешинский, «От кружковщины к партии», вводная ст. к «Протоколам Второго сезда РК ДРП». М.—Л., 1925 г., стр. 125. Кстати в этой работе июльскому движению уделено всего несколько строк, а в перечне организаций Юга пропущен Кавказ.

Струве забывал только одно, что люди, имеющие власть, никогда не хотят революции, главное, никогда не могут сделать ее, потому что новые задачи разрешает новый класс, выдвигаемый историей.

Умирающее самодержавие сделало один только вывод из июльских дней, а именно, что стачки произошли вследствие отсутствия должного надзора жандармской полиции за агитаторами-революционерами. «Это ясно доказывается тем, — писали «Московские ведомости», — что все эти беспорядки возникли не на какой-либо тяжелой экономической почве, какою явились бы например продолжительная массовая безработица или невыносимая голодовка вследствие неурожая; а на почве, искусственно созданной агитаторами, сбившими рабочий народ с толку всевозможными средствами преступной пропаганды».

«Искра» и большевики были единственной партией, которая понимала, что это движение есть предвестник революции.

Правда, «Искра», правильно оценивая движение, полагала, что западноевропейские социал-демократы не смогут понять всей огромной важности июльских стачек. «После блестящих побед, одержанных германской социал-демократией на последних выборах в рейхстаге, — писала «Искра» в передовой № 46, — самым крупным и самым замечательным явлением в жизни европейского пролетариата был ряд «всеобщих» стачек в разных городах российского юга». Сказав затем, что наши стачки совершенно не вызвали волнения в умах европейцев, хотя немного напоминающих волнения, вызванные победами социал-демократов на выборах, «Искра» добавляет: «Мы знаем, что для европейского общественного мнения Россия до сих пор остается малоинтересным «незнакомцем», и то, что происходит в ее пределах, редко находит себе правильную оценку со стороны Западной Европы».

Огромное значение наших стачек сумел среди немногих в Европе оценить вождь германских довоенных социал-демократов, Август Бебель. Именно он в одной из своих речей сказал: «В 1903 г. международный пролетариат одержал две славные победы: выборы в рейхстаг в Германии — одна, и всеобщая забастовка в Баку — другая».

Как оценили стачку и какие выводы из нее сделали оппортунисты социал-демократы?

³ «Освобождение» 4(28) от 2(15) августа 1903 г.

Новая «Искра», оппортунистического крыла партии, в № 53, где было напечатано извещение о II съезде, поместила статью под заглавием «О чем говорят нам июльские дни?».

Автор статьи писал по вопросу о вооружении рабочих и методах массовой пролетарской борьбы: «Вооружиться надо — это несомненно, — надо и при демонстрациях, массовых митингах, протестах, уже хотя бы для завершения спасительного действия камней на казаков и полицию. Но сила далеко не в одном оружии. Как бы ни была хорошо вооружена народная масса, войска всегда будут вооружены лучше. Оружием массы, побеждающим войска, может быть лишь страстное упорство в достижении определенной цели»¹.

Всякий знакомый с меньшевистской постановкой вопроса о вооруженном восстании в эпоху революции 1905 года легко увидит, что эта постановка, как две капли воды, похожа на решение, даваемое автором статьи. Меньшевики в 1905 г. решили этот вопрос в том смысле, что не в вооруженной борьбе с самодержавием основная практическая проблема, а в том, чтобы рабочие были исполнены «жгучей потребностью» низвергнуть самодержавие.

Таким образом в 1903 г. в связи с июльским движением в меньшевистских кругах новой «Искры» созревала та идея, которая в словах Плеханова приобрела всем известную формулировку: «Не нужно было браться за оружие».

Нечего говорить о том, что и все выдающиеся вожди и теоретики II интернационала не поняли и не оценили всего огромного значения летнего массового рабочего движения в России в 1903 году.

Каутский шел значительно дальше даже Плеханова, считавшего всеобщую массовую политическую забастовку суррогатом восстания: он просто отрицал ее целесообразность и необходимость. Так, в своей работе «Социальная революция» он развивал мысль, что всеобщая политическая стачка предполагает такую высокую степень организованности и сознательности пролетариата, что, когда он достигнет такой высоты развития, то незачем будет и браться за такое оружие. Но Каутский, как известно, и будущую борьбу в социальной революции представлял себе не в виде вооруженного восстания, а в каких-то мирных формах без баррикад и оружия.

Роза Люксембург, вслед за Плехановым и Каутским, тоже чисто по-оппортунистически рассуждала о всеобщей политической стачке. В специальной брошюре о всеобщей забастовке она, высказав мысль, что нет никакой разницы между всеобщей политической стачкой и большими экономическими забастовками, писала, что будущее вооруженное восстание нельзя мыслить себе, как кровопролитие, и что вместе с тем всеобщая политическая стачка противоположна восстанию.

В противовес меньшевикам большевики в связи с теми же июльскими стачками ставили вопрос о вооруженной борьбе совершенно иначе.

Большевики не отрицали огромного значения агитационно-пропагандистской работы в массах для подготовки вооруженного восстания. В отчете большевиков Амстердамскому международному конгрессу как раз по поводу событий 1902 и 1903 гг. говорилось:

«...Члены социал-демократического комитета выступили с рядом агитационных речей и организовали решительный отпор попыткам казаков разогнать демонстрацию. Демонстрация в Ростове была первой ласточкой. Приблизительно полгода спустя, летом 1903 г., с политическими протестами выступили рабочие всего Юга. После грандиозной демонстрации на Кавказе рабочее волнение широко разлилось по всему Югу и достигло отдаленнейших захолустных уголков вроде Костромы и Красноярска. Демонстрации эти приняли настолько серьезный характер, что правительство не решилось допустить вооруженного выступления против демонстрантов крупных промышленных городов Юга раньше, чем доставило туда значительные военные подкрепления со стороны»².

Ленин еще в 1901 г. писал о возможности и необходимости вооруженной борьбы рабочих с войсками:

«...Уличная борьба возможна, безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода»³.

В 1905 г., когда наконец произошло массовое выступление рабочих против самодержавия, именно большевики характеризовали эти массовые выступления как политические

² «Большевизм на международной арене». Доклад большевиков Амстердамскому конгрессу в 1904 г., изд. «Старый большевик», М., 1904 г., стр. 41.

³ В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 15, 3-е изд.

¹ «Искра» № 53, стр. 4.

стачки, носящие характер восстания, и как восстания, носящие характер политической стачки.

Одной из предшествующих форм такой стачки и были июльские стачки 1903 г. Они являлись таким образом предвестником более грандиозных событий первой русской революции.

На улицах городов, в душных заводских предместьях, на площадях, на митингах, во время многотысячных демонстраций учились рабочие великому искусству восстания.

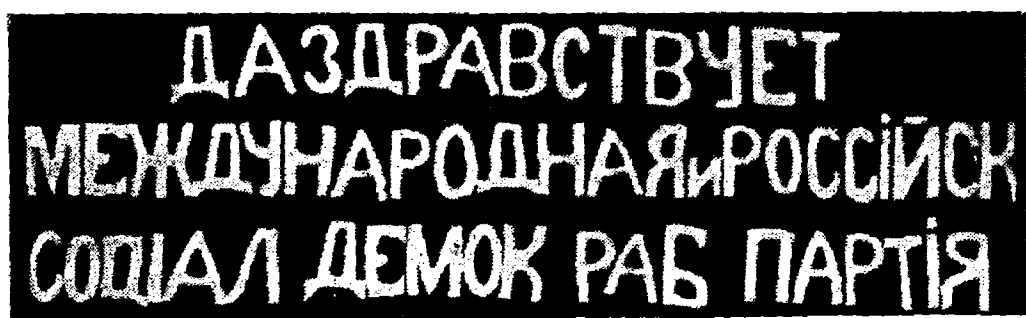
Это была подготовительная практическая школа, поднимавшая сотни тысяч еще темных, несознательных рабочих, просвещавшая их, доказывавшая им в борьбе с царскими войсками, что только массовым во-

оруженным восстанием можно добиться победы.

В этом великое значение июльского движения 1903 года.

Гигантски толкнув движение во всей России вперед, послужив образцом и примером для рабочих всей страны, июльское движение подтвердило и еще один факт огромного исторического значения, правильность и железную революционную логику нашей большевистской партии—учение Ленина, его тактику и стратегию.

II съезд нашей партии, где Лениным были формулированы задачи момента, основы нашей программы и тактики, дышал пафосом революционной борьбы рабочих в эти июльские дни 1903 года.

ДАЗДРАВСТВУЕТ
МЕЖДУНАРОДНАЯ И РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛ ДЕМОК РАБ ПАРТИЯ

Знамя, отобранное у знаменосца-рабочего В. В. Устинова во время первой-ской демонстрации в Сормове в 1903 г.

Л. Шипилин

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

(30 лет партийной организации
завода „Динамо“)

„Заводские кружки для нас особенно важны: ведь, вся главная сила движения — в организованности рабочих на крупных заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть всего рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью“ (В. И. Ленин).

Симоновка и героические дни 1905 года

Когда-то здесь густо цвела сирень. Симоновка утопала в зелени барских усадеб, огородов и садов козюховских молочников. От Симонова монастыря вдоль реки Москвы тянулась усадьба вдовы генерала Митькова. Мрачные готические башни и стены древнего монастыря, пышные сады и густозеленые луга слободы привлекли в свое время внимание Н. М. Карамзина, дворянского писателя и историографа государства российского. Слезливо писал Карамзин в сильно чувствительной повести своей «Бедная Лиза»:

«Всего чаще привлекает меня к стенам Симонова монастыря воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы... Саженьях в семидесяти от монастырской стены, подле березовой рощицы, среди зеленого луга, стоит пустая хижина, без дверей, без окончин, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В сей хижине, лет за тридцать перед сим, жила прекрасная, любезная Лиза со старушкой, матерью своею».

Прошли годы. Зачах пруд, где утопалась от несчастной любви нежная Лиза. В его зеленоватой воде сейчас сияют отражения большой громады фабзавуча «Динамо». Высоко к голубеющему небу поднялись — все из стекла и бетона — корпуса завода

«Динамо». Пустынную территорию старой Тюфелевой рощи заняли теперь новые корпуса автомобильного гиганта им. Сталина, десятки каменных многоэтажных домов для рабочих и второй в мире бассейн для зимнего плавания.

В этих когда-то пышных зеленых местах в конце 90-х годов генеральша Митькова продала свою усадьбу Бельгийскому акционерному обществу. Трещали вековые дубы, сметались с лица земли густые кустарники белой сирени. Среди зеленеющей дубравы проползли и застыли в серебряном сиянии шпалеры железных дорог. Выросли и загудели монотонным жужжанием станков заводы Бари, Гана, Бельгийского акционерного общества. В Симоновку вторгся и крепко окопался российский и иностранный капитал.

Во всей слободе было 14 домов — жалких халуп, где ютились первые пролетарии Симоновки: рязанские, тверские, владимирские крестьяне, вышибаемые из разоренных хозяйств «раскрестьяниванием».

Это была тяжелая, мучительная жизнь: 10 — 12-часовой рабочий день, штрафы, издевательства мастеров, низкая оплата труда, большая рабочая семья с одним в ней работником, чуть какое неповиновение начальству или робкое недовольство — расчет...

В воскресные дни рабочие отводили душу в кабаках, смотрели в столовой хозяина завода Бари или в Симоновском монастыре туманные картины из жизни святых.

Но как только ожили заводские корпуса Бельгийского акционерного общества и несколько сотен пролетариев стали гнуть спины для создания прибыли своим предпринимателям, раскаты революционного движения начали потрясать эти серые заводские здания. В 1900 г. заработал завод, а уже в 1901 г. по мастерским прокатилась первая забастовочная волна.

Против царящего духовного мрака и физического закабаления восстали первые динамовцы. Они бастовали пока против штрафов и снижения расценок. Первое выступление рабочих кончилось неудачей. Но через год забастовка вспыхнула снова, и затем, не было такого года, чтобы динамовцы не пускали против эксплуататоров этого испытанного в классовых битвах оружия. Стачкой били динамовцы по карману предпринимателей, стачкой били они по самодержавию, по капитализму, не давая ему ни отдыха, ни срока.

Эти первые стачки приносили рабочим только поражения. На заводе не было еще организующей и направляющей силы. Начало такой организации положил в июне 1903 г. слесарь-большевик Михаил Николаев.

Он быстро подобрал вокруг себя революционно настроенных рабочих, организовал из них кружок, возглавивший в скором времени революционную борьбу рабочих, направляя все растущее недовольство масс существующим экономическим положением в русло открытой борьбы против самодержавия и капитализма.

Первого мая 1904 г. в еще робкой весенней зелени Тюфелевой рощи сквозь сочную свежесть расцветающих кустарников, в тени вековых лип мечется мятежная речь ораторов-большевиков. Мелькают, как белые платки, листки подпольной динамовской организации и прокламации Московского комитета. Как багровые языки огня, пламенеют красные полотнища. Небольшой отряд партии большевиков—маленькая, в 8—10 человек ячейка,—поднимает на открытые битвы с самодержавием и капитализмом сотни пролетариев завода «Динамо», Бари, Гана. Симоновцы требовали 8-часового рабочего дня. Самодержавие ответило посылкой жандармов и казаков. Разгоном демон-

Тюфелева роща—место собраний подпольщиков в 1902—1904 гг.

страции, арестом ряда рабочих—участников первой маевки.

В следующем году маевка повторилась с еще большим размахом и результатами. Ей предшествовали события 9 января 1905 года, когда царское правительство расстреляло в Петербурге безоружную толпу, шедшую со священником Гапоном к царю искать «защиты и справедливости». В ответ на расстрел рабочих 9 января Московский комитет большевиков призывал рабочих: «Товарищи, бросайте и вы все работу и на улицу с криком: жить в свободе или умереть в борьбе!»

10 января забастовали крупнейшие предприятия Москвы. 11 января остановился и завод «Динамо». Динамовцы толпами повалили на улицы, остановили баревцев, гановцев, сняли с работы гужоновцев. У мастерских Перенуда пешие и конные жандармы разогнали бастовавших динамовцев. Многие из них пострадали. «Кое-кому из нас голову шашкой проломили,—вспоминает т. Макаров.—У кого потом рука висела на полотне, кое-кого избили нагайками».

Забастовка динамовцев длилась пять дней. На шестой день рабочие вышли на работу. Но администрация отказалась уплатить за дни стачки, отказалась и от выполнения 22 предложений, выставленных ячейкой и поддержанных всеми рабочими. В числе требований рабочие выставляли предложение о создании в Симоновке родильного приюта. Администрация нагло отвечала: «У нас мужики не рожают, а когда будут—устроим приют». Рабочие забастовали снова. Революци-

онное настроение росло. Перепуганная дирекция завода вызвала в цехи казаков и жандармов. Но заводская ячейка большевиков не только не приостановила, но, наоборот, усилила работу среди рабочих, развернув ее также и среди казаков.

Тов. Миронов вспоминает такой эпизод:

«Один из казаков свертывает себе цыгарку. Мимо проходящий офицер спрашивает его:

— Откуда у тебя прокламация?

— А бис их знает, у нас у каждого их по целой пачке в карманах.

Казаки ходили по корпусам, разговаривали с рабочими, а в это время члены кружка давали им прокламации (Дербер и Офман). Офицер собрал несколько прокламаций, показал их Федорову, помощнику пристава, со словами:

— Вы что, хотите моих казаков развратить?

— Чем?!

— Да у каждого из них по целой пачке таких прокламаций.

— Кто же их раздавал?

— Неизвестно».

Забастовка расширялась. Бастующие не уступали и потребовали губернатора. На завод приехал генерал Джунковский со своей охраной и прошел прямо в контору. Рабочие, узнав, что Джунковский прошел в контору, а не в мастерские, уговорились устроить ему «кошачий концерт». Двое рабочих пошли в контору к Джунковскому и сказали: «Мы просим вас на завод». Джунковский явился в мастерскую. Выбранные товарищи (руководители забастовки Дербер и Шишков) стали говорить с ним по поводу требований рабочих. Генерал настойчиво и резко потребовал прекращения забастовки. Дербер не менее настойчиво заявил: «Бастовать не прекратим до тех пор, пока нам не уплатят за первые дни забастовки».

Переговоры ни к чему не приводили. Начался «концерт». Рабочие свистели, мяукали. Взбешенный генерал уехал ни с чем. В ту же ночь Дербер был арестован. Руководителем забастовки остался Шишков. Рабочие наутро, придя на завод, узнали об аресте Дербера. Решили забастовку не кончать и требовать освобождения Дербера.

Администрация обещала справиться и через некоторое время сообщила: «К вечеру Дербер будет на заводе».

Рабочие приступили к работе. Наутро однако Дербера на заводе не было. Рабочие забастовали снова. Администрация тянула переговоры, заявляя, что Дербер «будет к

обеду», «будет к вечеру». Наконец в 4 часа дня Дербера привезли на казенном автомобиле. Рабочие встретили его криками «ура». Дербер стал держать речь, разъясняя положение. Рабочие, бросив работу, пошли провожать его до квартиры. В ту же ночь Дербер при помощи рабочих скрылся.

А 1 мая проснувшаяся Симоновка была поражена. Прокламации динамовской ячейки, листовки Московского комитета пестрели на всех заборах, в коридорах и на лестницах рабочих домов. Ячейка мобилизовала на подготовку к 1 мая всю организацию, всех сочувствующих рабочих.

Погасла жизнь в цехах завода, замолкли станки, и с красными полотнищами, революционными песнями и лозунгами симоновцы вышли на улицы, останавливая фабрики и заводы других районов.

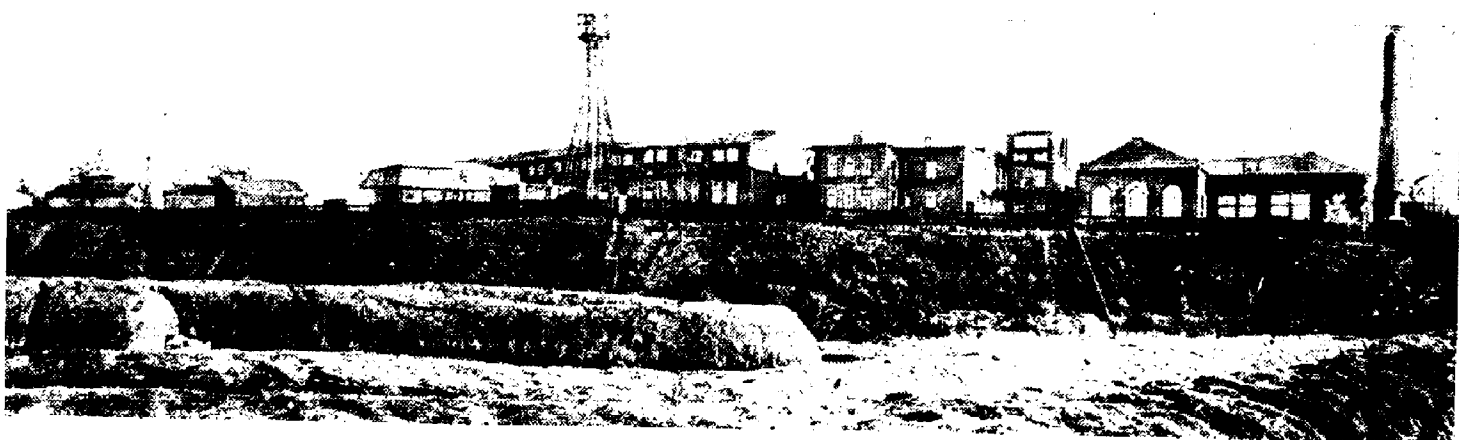
«...Симоновцы дошли до Плашкоутного моста через Москва-реку. Здесь на толпу налетел с диким криком отряд казаков. Рабочие побежали в разные стороны. Проклятия, стоны, визг нагаек стояли над рекой. Казаки, бросавшие удары направо и налево, начали охотиться за отдельными рабочими. Пропагандистка из центра Спиридонова скрылась в вагоне, но казаки нашли ее там и стали избивать нагайками. Несколько здоровенных казаков нещадно, зверски било беззащитную женщину. Отсекли ухо, но нагайки продолжали врезываться в тело истязуемой.

Вечером рабочие снова собрались в Тюфелевой роще. Но не успел закончить речь первый оратор, как появившаяся сотня казаков снова разогнала их» (из воспоминаний тт. Миронова, Пряничникова, Дм. Барканова).

Революционный шквал нарастал в стране. Партия во главе с Владимиром Ильичем ставила на повестку дня вооруженное восстание, и большевики «Динамо» стали к нему готовиться.

Осенью 1905 г. по боевому кличу Московского комитета вооруженная Симоновка с боевой дружиной динамовцев во главе поднялась на борьбу с царскими казаками и драгунами.

«В Москве слышны пушечные выстрелы,— вспоминает т. Паульман,— это приехали симоновцы; у нас организуется военный совет в Кошачьей слободке—ныне Швецова слобода,— собираемся в чайной и толкуем, как нам быть; руководит опять т. Васильев, формируются десятки, ставятся по Симоновке караулы, в караул идет

Завод «Динамо» в 1901 г.

с огнестрельным оружием, сменяясь с постов, идем в чайную, потом дежури́м целую ночь».

В эти дни разгоралось героическое восстание на Красной Пресне. На баррикадах ее во главе дружины прохоровцев сражался организатор ячейки большевиков «Динамо» — профессионал-революционер М. Николаев.

«Когда началось декабрьское восстание на Пресне,— вспоминает Д. Барканов,— мы организовали динамовскую боевую дружину. Призывая к вооруженному восстанию, мы вели большую агитационную работу среди отсталых слоев рабочих. Но эту работу приходилось вести очень осторожно. Среди рабочих были провокаторы, которые в любую минуту могли сорвать ту работу, которая создавалась колоссальным трудом.

Индивидуальная агитация нас удовлетворить не могла. Нужно было повести решительную пропаганду за немедленное прекращение работы на всех предприятиях района, за вооруженное восстание, за помощь восставшей Пресне.

Но как собрать рабочих? Мы решили это сделать следующим путем:

Перед концом работы на заводе Бари группа большевиков окружила пропагандиста из центра т. Седого, который влез на пенек и начал говорить речь, энергично размахивая руками.

Выходившие с завода рабочие останавливались, увидев кучку народа, и невольно прислушивались к словам оратора. Толпа все росла и росла. Тов. Седой сделал небольшую информацию о борьбе пресненских рабочих, после чего была организована новая боевая дружина, которая героически сражалась на баррикадах Москвы».

Генерал Дубасов расстреливал восставших из орудий. На помощь краснопреснен-

цам из Симоновки ушла боевая дружина кавказцев. После ее ухода направились туда и симоновцы, в одиночку, попарно, маленькими группами и разными путями. Многие из рабочих просочились через полицейские заставы и дрались на Пресне.

Восстание на Пресне было разгромлено. Царский сапог еще раз раздавил восстание рабочих.

«Восстание проиграно, спасайтесь» — пришла в Симоновку печальная вестъ. Симоновцы разбрелись, в рабочих каморках притихло. Рабочая слободка подобралась.

Между двумя революциями

Симоновка все время считалась в полиции и московской охранке «чортовым гнездом», «очагом крамолы». Завод находился под специальным наблюдением полиции, шпиков и провокаторов. Охранка не выпускала рабочих из поля своего наблюдения.

Революция сделала донесения филеров и приставов, эти многочисленные дела «о лицах, подлежащих обыску и аресту», достоинством трудящихся. Вот одно из таких секретных донесений:

«Вчера были получены сведения, что часть бастующих рабочих завода «Динамо» предполагает устроить собрание в профессиональном обществе металлистов «Единение» для обсуждения создавшегося в связи с забастовкой положения.

Установленным наблюдением был отмечен приход в названное общество до 20 лиц, почему в целях недопущения устройства незаконно собрания в 10 часов вечера в помещение общества был введен наряд полиции, заставший 20 человек рабочих различных фабрично-заводских предприятий. из коих с завода «Динамо» было только четверо»¹.

¹ Материалы московского охранного отделения. Московский облархив.

Партия в эти годы глухой реакции применяла всевозможные средства борьбы. На заводе стало революционной традицией ежегодно праздновать 1 мая и 9 января. Большевики возглавляли стачки рабочих в отдельных мастерских, распространяли листовки и прокламации.

В 1909 г. при помощи московской либерально настроенной интеллигенции вновь была открыта школа, так называемая лига образования. Лига вела культурно-просветительную работу, устраивала рабочие курсы, которые использовались большевиками для политических бесед.

Полая вода революционной весны снова подмывала Симоновку. Тов. Киселев вспоминает:

«Я примкнул к забастовочному движению в 1912 г., когда на заводе происходила стачка в связи с введением страхования рабочих. Эта стачка охватила все заводы как нашего, так и других районов. Все были против введения закона, устанавливающего страхование рабочих от потери трудоспособности не за счет хозяев, а за счет рабочих».

В те дни Симоновку потрясла весть о расстреле рабочих Ленских приисков. Большевистская «Звезда» призывала революционный пролетариат к протесту. Ячейка в уборных, трактирах, в Тюфелевой роще развертывает агитационную работу.

В это тревожное для царского правительства время, когда по всей стране поднималась новая революционная волна, охранка и полиция не дремали. Околоточный Симоновского участка Андреев спешно строчил срочное донесение:

«Что же касается настроения рабочих, то оно настолько возбуждено, что можно ожидать в недалеком будущем общей забастовки на заводе».

Дом в Рахмановском тупике, в котором на квартире Д. Барканова в 1903—1905 гг. были явочная квартира, склад оружия и нелегальной литературы.

На рабочих опять сыплются репрессии: полиция пытается разгромить работающую в глухом подполье организацию большевиков; аресты идут один за другим. Но несмотря на полицейский террор, весь 1912 год на заводе, как и по всей России, полыхает стачечный пожар. Эти забастовки бьют по карману хозяина завода. (В 1906 г. завод был куплен акционерным обществом Джорджа Вестингауза). Завод не выполняет заказов. Дирекция в смятении пытается оправдаться перед заказчиком и просит фабричного инспектора Московской губернии:

«Вышлите удостоверение о ряде забастовок, происшедших за последнее время на нашем заводе. Удостоверение это необходимо нам как доказательство клиентам причины задержки исполнения заказов».

Завод, это «чортово гнездо крамольников и бунтовщиков» (из заявления директора завода правлению общества), приносит Джорджу Вестингаузу сплошные убытки, и он в 1913 г. спешно продает его только что организованному в Петербурге русскому электрическому обществу «Динамо».

«Весь 1913 год был для рабочих бурным революционным годом,— вспоминает г. В. Перфильев.—Эта волна революционного движения началась после Ленских расстрелов. Революционный подъем все более увеличивался и в 1913 г. дошел до высшего своего предела. Однодневные и трехдневные политические стачки протеста против царской реакции и капиталистической эксплуатации прокатывались одна за другой. Из наиболее характерных стачек отмечу забастовку в знак солидарности с бастующими рабочими луганского завода Гартман, бастующими рабочими петербургского завода «Новый Лессер» (8 мая 1913 г.), требующими увольнения мастера Лауля за зверское обращение с рабочими, в результате чего один из них застрелился; протест против закрытия 29 августа московского профсоюза металлистов «Рабочая солидарность», протест против гонений и закрытия 29 сентября большевистской газеты «Наш путь» (за № 31 газеты) и т. д.».

Вспыхнула война. Завод начал работать на оборону, но забастовки на нем не прекращались, хотя это грозило забастовщикам, срывавшим заказы военного и морского ведомств, суровыми репрессиями.

Организация большевиков выступала против войны и даже вывела рабочих на антивоенную демонстрацию, которая была разогнана на Лубянке драгунами и полицией.

Молебен на заводе «Динамо» в 1915 г. по случаю пуска снарядной мастерской

Активный участник динамовской подпольной организации т. Антипов вспоминает:

«В 1915 г. на заводе «Динамо» собралась значительная группа старых партийцев, и благодаря этому партийная организация завода «Динамо» превратилась по существу в заперщика революционного движения в Москве. Работники завода «Динамо» были посланы в Московский комитет партии, в союз металлистов, в больничную кассу и другие организации.

Начиная с осени 1915 г. ячейке удалось провести решительный перелом в настроении рабочих и подчинить их своему руководству. Об этом переломе и руководстве со стороны ячейки рабочими «Динамо» свидетельствует проведение политических забастовок осенью 1916 года.

В это время в Симоновке было создано общество «Образование», через которое велась подготовка молодых кадров для партийной работы. Работу по подготовке молодых кадров удалось в весьма короткий срок провести большую, что, естественно, отражалось на политической активности всего завода и повышении политической роли завода «Динамо» в Москве.

Тов. А. Розенгольц, активный участник революционного подполья в июле—октябре 1915 г., пишет в своих воспоминаниях:

«Большевистская организация широко использовала симоновскую больничную кассу. Для выступления нами использовались открытые заседания уполномоченных боль-

ничной кассы. Так например под видом доклада о больничной кассе мной по поручению партийной организации был сделан доклад на тему о задачах рабочего класса и о текущем моменте. Тезисы этого доклада были предварительно обсуждены большевистской группой больничной кассы.

Здесь мы часто устраивали нелегальные собрания. На одном из таких собраний недавно приехавший из Петрограда т. Антипов сделал обширный доклад по вопросам текущего момента.

В помещении больничной кассы нами также была организована дискуссия с оборонцами при участии «самого Чхеидзе». Маленький зал был переполнен, собралось человек 100. Длинное выступление председателя социал-демократической фракции III государственной думы никого не убедило. Рядовые члены большевистской ячейки завода «Динамо» дали горячую отповедь Чхеидзе. Чем дальше тянулось заседание, тем больше на него нападали. Как и всегда бывает, наряду с серьезными и важными моментами вспоминаются и курьезы. Одним из курьезов этого момента, вызвавшим в свое время много веселых шуток, было паническое бегство Чхеидзе. Во время жестокой критики его выступления вбежал один из дежурных и сообщил, что появилась полиция. Чхеидзе так быстро убежал, что не успел даже одеть одной галоши.

Для работы ячейки — для организации денежных сборов, размножения литерату-

ры, использования для партийной работы служащих больничной кассы и т. д.—нами широко использовался аппарат больничной кассы, контролером которой был и т. Антипов.

Наибольшим влиянием на заводе в то время пользовались тт. Владимир Стернин, Воробьев-Гагарин и Белкин. Аленин в тот период выполнял преимущественно технические функции: сбор денег, раздачу литературы и т. д. Антипов, один из самых молодых в организации по возрасту, уже тогда отличался своим развитием, выдержанностью линии и пользовался большим влиянием в партийной организации. В правлении больничной кассы работал рабочий завода «Динамо» В. В. Жуков, не вступавший в организацию и занимавший тогда осторожную, выжидательную позицию.

Группа большевиков в симоновской больничной кассе была застрельщиком в страховом рабочем движении в Москве. По ее инициативе была создана общемосковская большевистская группа по страховому движению. Руководящий коллектив этой группы состоял из пяти товарищей, но в нее втерлись провокаторы Алексей Алексеевич Поскребухин и рабочий-типограф Николаев, которые и выдали эту группу.

Вспыхнувшая осенью 1915 г. трамвайная забастовка вызвала энтузиазм в рабочем классе Москвы. Первым откликнулся завод «Динамо». Как только получилось сообщение о трамвайной забастовке, в симонов-

ской кассе собрался актив организации и решил немедленно откликнуться и помочь трамвайщикам. Начали звонить по телефону, использовали все партийные связи, а также связи с легальными рабочими организациями, предлагали всем заводам выбрать представителей и послать в Московскую городскую думу для совместного обсуждения создавшегося положения.

Два часа лихорадочных телефонных разговоров, и наконец делегация от завода «Динамо» в составе человек десяти двинулась парходом (трамвай не работал) по Москва-реке к центру.

Белоусов, несмотря на то, что он тогда уже был пожилым человеком, при вести о трамвайной забастовке не выдержал и стал страстно звать рабочих на улицы: строить баррикады, и нам с трудом удалось его остановить.

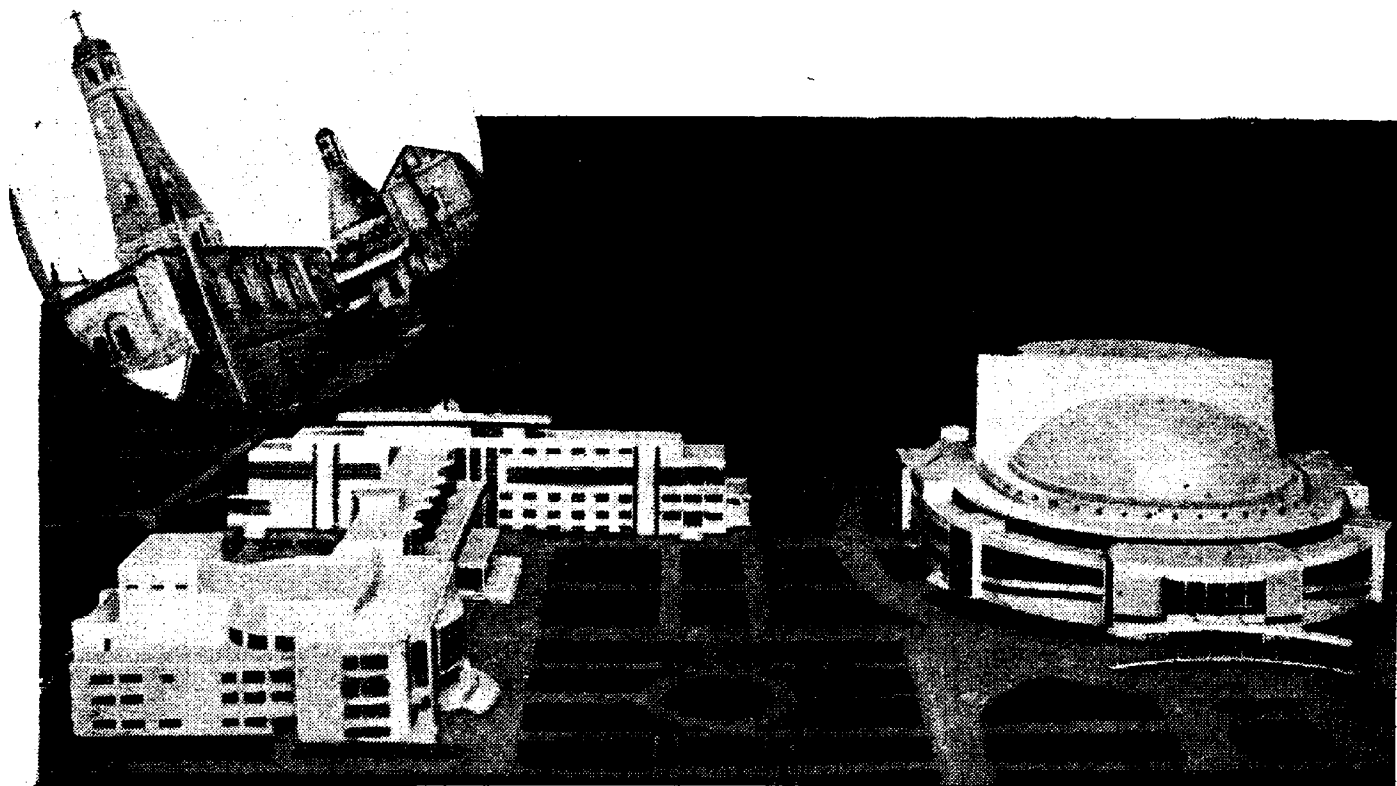
Поразительно, с какой быстротой откликнулись рабочие Москвы на горячий призыв завода «Динамо». Почти одновременно собрались рабочие представители в большом зале Городской думы, заполнили его и захватили в свои руки. Напрасно бесновался председатель Городской думы Челноков и гневно стучал палкой по полу, требуя, чтобы рабочие оставили зал.

Челноков бесился, но не вызвал сразу полицию, боясь, что забастовочное движение может охватить всю Москву.

Это собрание выбрало представителей, предъявивших требования Московскому го-

Завод «Динамо» в 1908 г.

Вверху в кругу: б. Симоновский монастырь, внизу — макет строящегося на месте Симоновского монастыря дворца культуры

родскому управлению об удовлетворении претензий трамвайщиков. Забастовка была вскоре прекращена, но требования трамвайщиков были частично удовлетворены.

Такой победе рабочих способствовало в значительной мере то революционное движение, которое в это время охватило рабочие массы Москвы.

Вскоре начались репрессии. Ряд товарищей был выслан из Москвы: секретарь кассы типографов Павлуновский, ряд товарищей с завода «Динамо», в числе которых был и я.

После отъезда я узнал, что завод «Динамо» в связи с высылкой ряда товарищей объявил забастовку».

От разрухи к реконструкции завода

На стене небольшого фокинского дома висела прокламация:

«Товарищи!

С начала войны предприниматели открыли усиленный поход против рабочих. Рабочие терпели, а предприниматели больше нагнали, прикрывая различные притеснения защитой родины. Цены же на продукты поднимались теми же предпринимателями и купцами.

Наконец терпение рабочих лопнуло, и начался ряд стачек сначала в Питере и в других городах, а теперь и в Москве.

Была стачка кондукторов, которые опять ее возобновили, кроме них бастуют заводы «Динамо», «Гном», Пальмсон, Люберецкий, целый ряд мануфактурных и других заводов; нам говорят, что мы, бастуя, изменяем родине. Не мы, а предприниматели сами вызывают стачки, вызывая нас на жертвы, сами же наживаются на этой защите отечества.

Предприниматели совместно с полицией и военным ведомством принимают везде один и тот же метод борьбы с рабочими — запугивают расчетом, закрытием завода, а товарищей военнообязанных — передовыми позициями.

Последнее постановление динамовцев: «Если расчет выставлен в книжках полностью, то брать и в то же время требовать выдачи паспортов и удостоверений; если расчет в книжке не выставлен, то требовать выдачу расчета полностью. После расчета ни один рабочий не имеет права входить в завод на переговоры с администрацией: переговоры должны вестись советом уполномоченных.

Места будут объявлены под бойкот».

Так расценивала большевистская организация положение рабочих на заводе. Под руководством же большевиков были проведены забастовки 9 января, 13 и 20 февраля 1917 года.

В дни Февральской революции динамовцы во главе с Костей Ухановым вышли на демонстрацию. У Яузского моста выстрелом пристава был убит рабочий завода Гу-

Участники революционного подполья завода «Динамо». Сверху, слева направо: тт. М. Николаев, Д. Барканов, Уханов и Антипов.

жона Астахов, несущий красное знамя. Рабочие тогда разбежались. А осенью 1917 г. уже сотни боевых рабочих дружин динамовцев и амовцев готовились к вооруженному перевороту. В октябре 1917 г. динамовцы были в первых рядах московских вооруженных пролетариев.

Страна билась в горячке классовых битв. Завод отдавал своих лучших сынов на фронт гражданской войны. У динамовцев есть скорбный список погибших на фронтах от рук озверелых белогвардейцев. Вся семья Алешиных, активные большевики-подпольщики братья Александр и Михаил Шаплыгины, Воробцов, Коломенский, Смирнов, Алексей Катков, Иван Лебедев, Николай Карманов—это далеко не полный список славных героев гражданской войны.

Разруха крепко била по заводу. Голод сжимал в тисках всю страну. Одни не выдержали, дезертировали в деревню, отсиживаться до лучших времен. Другие делали зажигалки и «буржуйки» и загоняли их на Спасском рынке. Но ячейка вместе с лучшей частью рабочих решительно и беспо-

щадно боролась со шкурниками и мародерами.

Отгремели бои. Партия, страна залечивали раны, оживала хозяйственная деятельность страны. Подтянулся, помолодел «Динамо». Засверкала электрическими сияниями обновленная Симоновка, завод начал идти в гору, а вместе с ним крепла ячейка, росло ее влияние в массах.

Если в период военного коммунизма заводе было около 400 рабочих, то уже в октябре 1921 г. насчитывалось 569 чел., а в декабре — 770 чел. Росли и ряды партийной организации: с 10 — 15 чел. она выросла к концу 1921 г. до 43 членов партии и 6 кандидатов, причем во всей парторганизации было только 4 служащих.

1921 год памятен динамовцам. На празднование четвертой годовщины Октябрьской революции на завод приехал Ленин. К сожалению, доклад его не стенографировался, сохранилась только очень краткая запись.

«Речь на праздновании четвертой годовщины Октябрьской революции на собрании рабочих завода «Электросила» № 3 (бывш. «Динамо») 7 ноября 1921 г.».

На ряде ярких примеров Ленин показывает, что советская власть с каждым днем приобретает в сознании трудящихся все большее значение, ибо это подлинная власть самих трудящихся.

«Человек с ружьем—страшный в прошлом в сознании трудящихся масс,— говорит Ленин,— не страшен теперь, как представитель Красной армии, является их защитником» («Правда» № 254, 11 ноября 1921 г.).

Вот как описывает приезд Ленина на завод динамовский рабочий, ставший впоследствии директором завода, т. Александр Барканов.

«Очень сильно вспоминается 1921 г., когда Ильич приехал на завод «Динамо» в день годовщины Октября.

Ровно в 6 часов дверь контрольной открылась. Народ хлынул залпом: бежали бегом, лишь бы скорей попасть наверх. В 6 часов зал был полон, но рабочие все шли и шли.

В кабинете т. Уханова находилась в это время группа активных товарищей, которые ждали Ильича с минуты на минуту. То и дело звонит звонок телефона. Выехал? Выехал? Это он звонил? — все обращаются к товарищу, который подходил к телефону, но ответное слово — нет, и у всех изменилось выражение лиц. Вдруг звонок телефона и опять все насторожились, послышался на-

вопрос ответ: «Тов. Ленин выехал на завод—попросили встретить, как бы не запутался и не сбил с дороги». Было 8 часов. Мы послали старика Карнеева и еще одного товарища, фамилии не помню, к трамвайной остановке. Через несколько минут показалась машина и остановилась на площади. К ней подбежал т. Карнеев, сел в нее и стал показывать дорогу.

Мы все стояли около ворот, сторож побежал открывать ворота, но у него что-то не ладилось. Машина остановилась, мы попросили т. Ленина немного обождать, ибо машина войдет во двор. Но дверка автомобиля открылась, вышел оттуда т. Ленин в простом теплом пальто и в шапке, быстро сказал: «Здравствуйте, где у вас собрание и куда идти?» Некоторые товарищи подбежали к контрольной и открыли дверь.

Ильич совместно с нами прошел в кабинет т. Уханова, разделся, чтобы согреться, и тут же начал забрасывать вопросами наших хозяйственников — т. Уханова и главного инженера. Спрашивал о состоянии завода, о топливе, о сырье, говорил о смычке с крестьянством, обещал помощь заводу.

Нужно отметить, что хозяйственники едва поспевали отвечать на вопросы Ильича. Их было так много, стольким интересовался Ильич за эти несколько минут, поглядывая иногда на свои часы, ибо у него было так мало свободного времени.

Через несколько минут все направились в корпус малых моторов. Никто не знал, что Ильич, наш Ильич, был на заводе; он шел впереди всех быстрой походкой и все спрашивал про завод, про выпуск завода и много-много других вопросов. Подошли к подъемнику. Тов. Выжгина подняла всех наверх и очень волновалась, когда узнала, что среди присутствующих был Ленин. Когда вышли из подъемника, т. Выжгина не выдержала и заплакала от радости и волнения, которые она переживала, видя Ильича.

Ильич на сцене. Собрание открыто. «Слово имеет т. Ленин». И гром аплодисментов потряс весь зал. Аплодисменты не умолкали.

«Товарищи!»—начинает т. Ленин, но ему не давали говорить и все хлопали. «Да здравствует наш Ильич, ура!»—кричали все. И так минут десять. Кидали шапками, кричали «ура», хлопали, все стояли, каждому хотелось посмотреть Ильича, все были рады, все торжествовали. Тов. Ленин опять и опять начинал говорить, но его все приветствовали сильнее и сильнее. Кое-как т. Уханов успокоил зал. Все притихли не

Внизу в кругу: старая электромеханическая мастерская,верху—новый электровозный цех «Динамо».

было ни одного шороха, все впились в Ильича. Все переживали очень сильное ощущение. У каждого так и рвалось крикнуть: «Да здравствует наш Ильич». Каждое слово Ильича впитывалось всеми присутствующими. Он говорил очень много, отчеканивая каждое слово, говорил о смычке рабочих и крестьян, об укреплении нашей промышленности, о кооперации, о Красной армии, говорил о международном положении. «Мы приведем к освобождению всех угнетенных земного шара. Крепче сжимайте ряды и мы победим!»—закончил товарищ Ленин. Гром аплодисментов заключил его речь.

Когда он говорил, лица всех были напряжены, и хотелось его слушать еще и еще, без конца.

Когда он уехал, и здесь на вечере и долго потом на заводе говорили о нем, о его выступлении. Каждый обсуждал черты его лица, его движения. Его речь обсуждалась везде и всюду. Долго вспоминала о нем работница Выжгина; она говорила о нем: «Вот кого пришлось мне на старости лет поднимать на под'емнике».

Владимир Ильич оказал большое содействие заводу. Завод собирались закрыть. Не было ни средств, ни материалов. При активном участии Ильича завод получил необходимое сырье. Тов. Ленин рассматривал завод как одно из предприятий, которое должно помочь партии осуществить идею электрификации всей страны.

Седьмого ноября 1924 г. завод посетил т. Сталин. В «Красной книге» завода он оставил следующую запись:

«Желаю рабочим «Динамо», как и рабочим всей России, того, чтобы промышленность пошла в гору, чтобы число пролетариев в России поднялось в ближайший период до 20—30 миллионов, чтобы коллективное хозяйство в деревне расцвело и подчинило своему влиянию частное хозяйство, чтобы высокая индустрия и коллективное хозяйство в деревне спаяли окончательно пролетариев фабрик и тружеников земли в одну социалистическую армию...»

Первый советский электровоз

Первая пятилетка коренным образом изменила лицо завода. К 1928—1929 гг. «Динамо» по своим размерам и значимости занимает одно из первых мест в шеренге заводов электромашиностроения. Он уже тогда насчитывал 1.500 производственных рабочих; на механических участках работало 750 станков разного типа. Партия и

правительство возложили на завод ответственную задачу: обеспечить коренную реконструкцию городского транспорта, начать производство электрооборудования для электрифицирования дорог пригородного сообщения. Завод должен выпустить продукции на десять с лишним миллионов рублей. Развертывая соцсоревнование и ударничество, обеспечивая ведущую роль коммунистов на производстве, ячейка выполняет это задание. В следующем году промфинплан завода рассчитан на выпуск продукции на 15 млн. руб., причем тридцать с лишним процентов программы занимают новые производства.

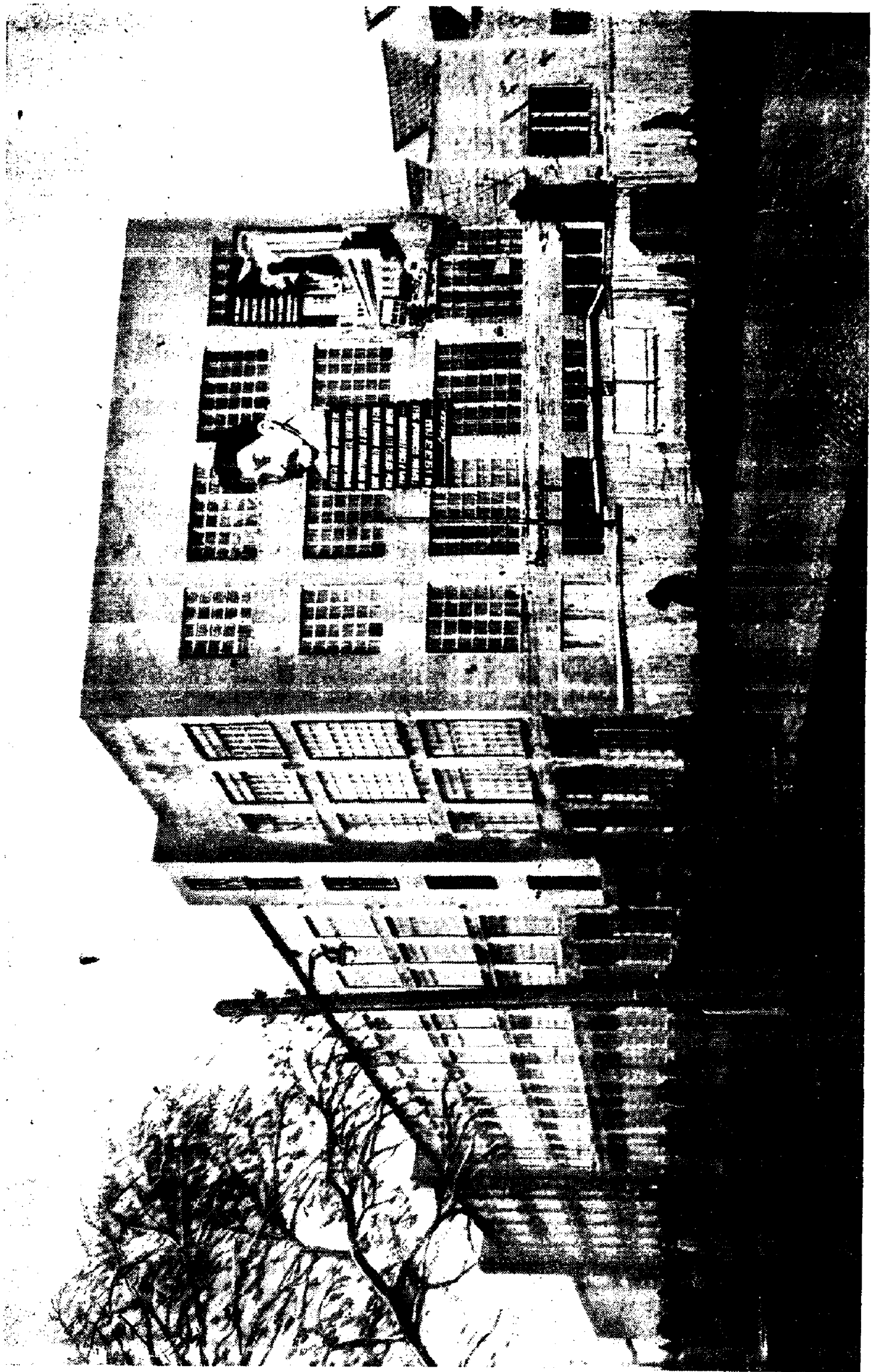
Для строящихся новых гигантов социалистической промышленности завод дает краповые моторы переменного и постоянного тока, для бурно развивающегося госпароходства, новостроек, вокзального и внутризаводского транспорта — электролебедки.

1930—1931 годы знаменуют собой дальнейшие победы «Динамо». Завод выпускает продукции на 25 млн. руб. В программу включаются первые советские электровозы — сложное и совершенно новое для Советского союза производство.

Партийная организация возглавила борьбу за советский электровоз. Была создана специальная партийно-техническая конференция. Профессора и работники научно-исследовательских институтов, инженеры, техники и лучшие ударники завода обсуждали вопросы практической постановки на «Динамо» всех процессов производства электровозов. В первом полугодии 1932 г. основной двигатель электровоза — мотор буквы ДПЭ-340 — выходит на стенд завода. Он блестяще выдерживает все испытания и идет на склад в ожидании остальных деталей, которых должно быть больше 10 тысяч.

Тернист путь создания первого электровоза. Оборудование завода еще не приспособлено к точнейшему производству. В цехах тесно, нет нужных инструментов, кадров, опыта. Но крепка воля к победе, велик энтузиазм ударников, богата инициатива рабочих — трудности преодолеваются.

Ударники сутками не выходят с завода. Кирсанов, Саков, Никифоров и десятки других на практике осуществляют лозунг догнать и перегнать Америку. В тяжелейших условиях они добиваются сокращения нормы расточки остова с 18 до 13 часов. А монтажники буквально показывают чудеса. Монтаж первых двух электровозов идет бешеными темпами.

Вспоминая об этих волнующих днях, молодой советский инженер т. Резник говорит:

«Это возможно только в СССР. Я спустился в монтажный цех из своего конструкторского бюро для разрешения ряда вопросов и пробыл в нем, как и многие другие, не уходя домой, до 6 ноября. В эти три дня стерлась грань между цеховым инженером, инженером бюро и рабочим. В эти дни инженеры бюро сами устанавливали по своим чертежам недоукомплектованную аппаратуру. Семьи беспокоились об их многодневном отсутствии...»

Монтаж первых двух электровозов был закончен на 8 дней раньше американских норм. И к XV годовщине Октября два электровоза: 132-тонный, точная копия американского, и 114-тонный нашей советской конструкции, принятые НКПС для всех линий, кроме горных, вышли с завода «Динамо», чтобы затем в сиянии электрических огней, в блеске зеркальных стекол помчатся по горным перевалам Сурама.

На далеком Сураме шли испытания двух мощных электрических коней, и через несколько месяцев телеграф победно выстукивал: «Впервые электровозом советского производства сегодня блестяще спущен с Сурамского перевала пассажирский поезд. Обрато из Хашури взят пассажирский весо-м в 450 тонн, скорость выше американских электровозов, без буксовки».

Там, где еще совсем недавно два мощных паровоза с большим трудом брали пассажирский состав, один динамовский электровоз легко помчал длинные составы поездов.

Магистральный электровоз советской конструкции носит имя Ильича. На его серо-стальном борту ярко блестит лозунг: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация».

К дальнейшим победам

Завод по сравнению с довоенным периодом стал неузнаваемым. Выпуск продукции увеличился в 25 раз: с 2.348 тыс. руб. в 1914 г. до 48 млн. руб. в 1932 г. Вместо маленьких трехфазных моторов со сборки завода выходят мощные магистральные электровозы. Около завода вырос огромный новый электровозный корпус—весь из стекла и бетона. Он будет выпускать в год 24 электровоза.

И вместе с ростом завода неузнаваемой стала окружающая его Симоновка. Прежней Симоновки уже нет. Есть Ленинская слобо-

да — новый рабочий городок. Всюду асфальтовые мостовые; по ним бегут трамваи и автобусы вместо прежних линеек, развозивших привилегированную администрацию. Кругом электрические фонари, сменившие тьму, царившую прежде с вечера. Вечером и ночью здесь светло, как и в центре Москвы. Вокруг поднялись 5—6-этажные рабочие дома. Построен большой бассейн для зимнего плавания. Там, где раньше был Симоновский монастырь, растут корпуса грандиозного дворца культуры.

Неузнаваем и быт рабочего. Вместо изнурительного 13—14-часового рабочего дня—7 часов работы на производстве, 6 столовых, 9 буфетов и 5 прекрасно оборудованных рабочих кафе и красных уголков обслуживают динамовцев. Больше 2 тыс. рабочих получили хорошие квартиры во вновь отстроенных каменных домах.

Завод имеет собственную крепкую продовольственную базу. Динамовский совхоз насчитывает 6.500 га земли. Две молочных фермы, большое кролиководческое хозяйство и свинарники дают значительное количество дополнительных продуктов рабочему. В магазины ОРС поступают десятки вагонов рыбы собственного рыбного хозяйства, организованного заводом в Волго-Каспийском бассейне.

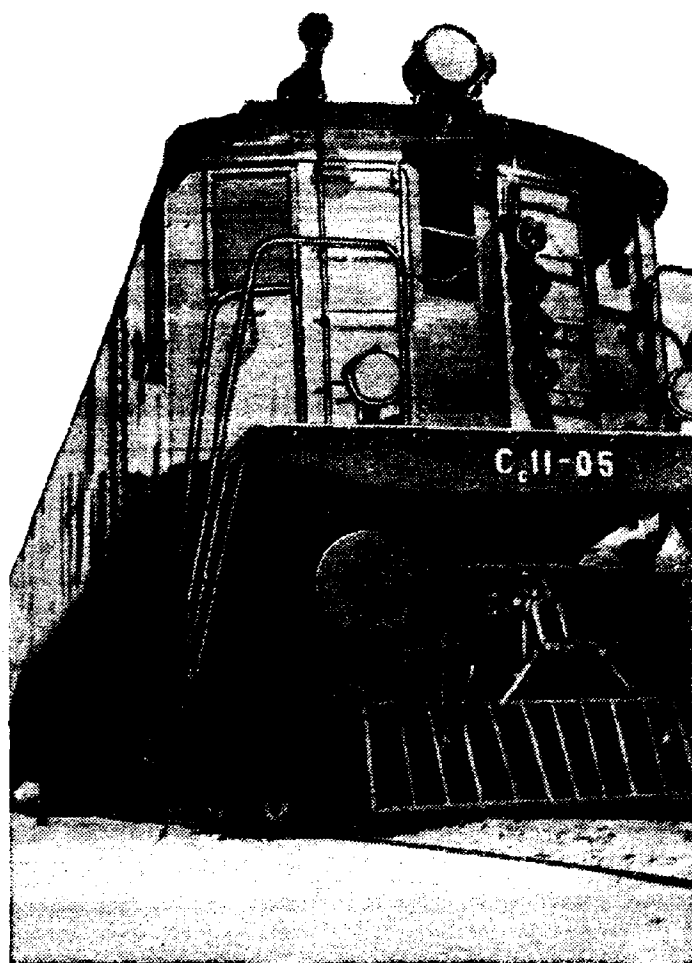
В июле ячейка «Динамо» празднует свой 30-летний юбилей. Этот юбилей совпадает с 30-летием нашей партии. История завода «Динамо»—это кусок истории нашей большевистской партии, страница революционного движения рабочего класса нашей страны. Крупнейшие победы «Динамо» и его старейшей партийной организации—это торжество генеральной линии партии, руководимой ленинским ЦК во главе с вождем мирового пролетариата т. Сталиным.

В 1928 г. по поводу празднования 25-летия ячейки завода «Динамо» «Правда» писала: «В комнате партийной ячейки 6 лет бережно хранится «Красная книга». На ее страницы занесены приветия, пожелания и наказания, с которыми обращались к рабочим завода вожди и рядовые солдаты мировой пролетарской революции в дни своих посещений старой большевистской крепости «Динамо»... Много славных имен вписано в «Красную книгу». Но первая запись сделана Лениным, путем которого шел, не сбиваясь ни вправо, ни влево, боевой большевистский отряд динамовцев, прочно связанный с рабочей массой завода

Динамовская ячейка всегда была твердой опорой ленинского ЦК. Коммунисты «Динамо» в 1903 г. пошли за партией Ленина, не поддавшись на «революционные» фразы эсеров, отбросив в сторону меньшевиков, пытавшихся свести всю борьбу рабочего класса к экономическим требованиям. И в решительной борьбе с меньшевиками, отзовистами и ликвидаторами пришла ячейка «Динамо» к Октябрьской революции.

Большевики «Динамо» беспощадно боролись с троцкизмом, правым и «левым» оппортунизмом. Когда троцкисты в дни яростных атак на партию и ленинский ЦК пытались пригласить Троцкого на завод, рабочие сказали коротко: «Не надо, шутов гороховых нам не надо». Когда правые оппортуни-

сты пытались окопаться в московской парторганизации и правооппортунистическое руководство Пролетарского райкома (секретарем которого был Пеньков) пыталось завоевать крупнейшие заводы, динамовцы дали решительный отпор. Секретарь ячейки Печерников, заколебавшийся в эти дни решительной борьбы всей партии с правыми оппортунистами, был немедленно по требованию коммунистов снят с работы секретаря. Теперь, в горячие дни второй пятилетки, динамовская парторганизация, выросшая с 5 до 1.500 коммунистов, попрежнему является верной большевистской крепостью. Парторганизация смело идет вперед к новым победам. Она знает, что «партия непобедима, если она знает, куда вести дело» (Сталин).

Советский электровоз производства завода „Динамо“

А. Эйхенгольц

ОБЗОР

ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

о II съезде партии

О том периоде жизни партии, который вошел в историю под названием периода «Искры», сыгравшей выдающуюся роль в подготовке и проведении II съезда, о самом съезде и о дальнейшем организационном оформлении большевизма под непосредственным руководством Ленина имеется обширная литература. И несмотря на это, до сих пор издано еще мало работ, а тем более популярных, которые обобщали бы огромную документальную, мемуарную и научно-исследовательскую литературу, разбросанную на страницах историко-партийных журналов, в общих очерках по истории партии и в специальных работах, посвященных этому периоду.

Основным источником по истории интересующего нас периода являются произведения Ленина, собранные теперь в тт. IV—VI, XXVIII сочинений, изд. 2-е или 3-е. Важнейшие из этих произведений: «Как чуть не потухла «Искра», «Что делать?», «Материалы к вопросу о выработке программы», «К деревенской бедноте», «К вопросу о докладах комитетов и групп Рос.-Соц.-Дем. Раб. партии общепартийному съезду», «Рассказ о II съезде СДРП», выступления на II съезде, «Шаг вперед, два шага назад» и многочисленные статьи Ленина, посвященные выяснению основных вопросов тактики строительства партии, борьбы с экономистами и социал-революционерами, переписке с партийными деятелями и т. д. Значительная часть этих произведений Ленина включена в том I «Избранных сочинений».

В ряде «Ленинских сборников», в которых Институт Маркса — Энгельса — Ленина

впервые публикует материалы из литературного наследия Ленина, а именно в сборниках I, II, III, IV, VI, VII, VIII, X, XI, XIII, XV, XIX, напечатаны работы Ленина по периоду «Искры» и II съезда партии. Записи Лениным прений на съезде и другие материалы, относящиеся непосредственно к самому съезду, опубликованы в VI Лен. сборнике.

Исчерпывающую картину борьбы, происходившей на II съезде с представителями экономизма (см. популярную брошюру П. Лепешинского «Экономисты», «Молодая гвардия», 1930 г.) и Бунда, а также между будущими большевиками и меньшевиками вокруг наиболее существенных вопросов строительства партии, дают протоколы съезда.

Полный текст протоколов был издан еще в 1904 г. в Женеве и переиздан в 1924 г. Истпартом ЦК ВКП(б). В настоящее время ИМЭЛ издал новый, проверенный текст протоколов с приложением множества документов, характеризующих борьбу на II съезде («II съезд РСДРП». Июль — август 1903 г., под ред. С. И. Гусева, П. Н. Лепешинского. Партиздат, 1932 г.).

Для изучения периода подготовки II съезда исключительный по своему интересу материал дает газета «Искра» («Искра» №№ 1—51, декабрь 1900 г. — ноябрь 1903 г. Вып. 1—7. Л., «Прибой», 1925 г.), сыгравшая огромную роль в создании боевой пролетарской партии. На страницах этой газеты, бывшей, по словам Н. Крупской, «детисем Ильича», нашли освещение все основные тактические вопросы борьбы за идейную очистку партии от всякого накопившегося в ней мусора в форме буржуазных уклонов легального марксизма, скрытого и явного оппортунизма «экономистов», бундовского национал-сепаратизма, кустарничества практиков социал-демократов старого закала и т. д. Роль «Искры» в борьбе против самодержавия, жестоко расправлявшегося с возрастающим рабочим движением, была огромна.

Революционная работа партии и борьба масс в России нашли исчерпывающее отражение в газете, играющей до сих пор роль наилучшего источника для восстановления прошлого партии и рабочего движения. Об «Искре» имеется обширная литература. Ука-

жем здесь на популярные брошюры: Лепешинский П., «Историческая роль и значение старой «Искры» (Харьков, «Пролетарий», 1925 г.); Владимирский Н., «Ленинская искра» — первая большевистская газета (Жургазобъединение, 1932 г.); Енукидзе А., «Большевистские нелегальные типографии» (М., «Молодая гвардия», 1932 г.); «Техника большевистского подполья» (сборник статей и воспоминаний, изд. 2-е, М., Госиздат, 1925 г.). Две последние книги характеризуют условия печатания и распространения «Искры» и подпольных большевистских изданий того периода.

Важнейшим документальным первоисточником является книга «Доклады социал-демократических комитетов II съезду РСДРП» (с предисловием и под общей редакцией Н. Ангарского. М.—Л., Госиздат, 1930 г.). В ней кроме доклада «Искры», написанного Н. К. Крупской и опубликованного еще в 1928 г. в журнале «Пролетарская революция» (№ 1 (72), стр. 147—167, 1928 г.), помещены доклады одиннадцати местных партийных организаций из четырнадцати представленных съезду (доклады Екатеринославского, Саратовского и Бакинского комитетов до настоящего времени не найдены), дающие ценнейший материал для характеристики предсъездовских настроений и партийных группировок и отражающие местное революционное движение и работу партийных комитетов.

Документы из эпохи раскола собраны в книге «Как рождалась партия большевиков» («Литературная полемика 1903 — 1904 гг.», Л., «Прибой», 1925 г.), где перепечатаны основные большевистские издания того периода: Павлович-Красиков, «Письмо к товарищам о II съезде РСДРП», «Комментарий к протоколам II съезда заграничной Лиги РСД», Шахов—Малинин Н., «Борьба за съезд» и др.

Очерк развития партии до II съезда и после раскола на нем содержит книга «Большевизм на международной арене» («Доклад большевиков Амстердамскому конгрессу в 1904 г.», М., «Старый большевик», 1932 г.). Доклад был составлен М. Лядовым при непосредственном участии Ленина.

Задачу популяризации основных партийных документов периода «Искры» и II съезда поставил перед собой ряд хрестоматий. Среди них в первую очередь следует отметить книгу «Революция и ВКП в материалах и документах» (т. II, изд.

2-е, испр. и значительно дополненное. М.—Л., Госиздат, 1927 г.). До известной степени может быть использована книга «Ленин и старая «Искра», под ред. П. Ф. Куделли (М.—Л., Госиздат, 1926 г.), в которой даны некоторые статьи Ленина периода «Искры», а также статьи П. Лепешинского, Н. Батурина, И. Волковичера и других по истории подготовки II съезда и ряд воспоминаний о Ленине. Но подбор этих воспоминаний недостаточен для освещения роли Ленина в этот период. Второй выпуск сборника «От подпольного кружка к пролетарской диктатуре», изданного «Молодой гвардией» при участии О-ва старых большевиков (М.—Л., 1931 г.), включает ряд воспоминаний о заграничных и местных партийных организациях и рабочем движении в России периода «Искры» и II съезда.

Воспоминания непосредственных участников и организаторов II съезда, а также агентов «Искры», как назывались тогда представители «Искры» в России, занимают существенное место в литературе по нашей теме. Среди этой литературы особенно должна быть рекомендована книга Н. К. Крупской «Воспоминания о Ленине», многократно переиздававшаяся (последнее издание вышло в 1932 г. в Партиздате), в которой наряду с характеристикой роли Ленина как организатора партии дана картина роста и развития партии в наиболее важных моментах ее истории. Книга П. Н. Лепешинского «На повороте» (от конца 80-х годов к 1905 г. Изд. 2-е, Л., «Прибой», 1925 г.) характеризует работу псковской организации «Искры» и Организационного комитета по подготовке съезда. Значительная часть воспоминаний посвящена описанию периода раскола.

Воспоминания А. Стопани «Накануне и после II съезда партии» («Пролетарская революция» № 1, 1926 г.) характеризуют подготовку съезда (автор был членом Организационного комитета), съезд и период после съезда в ярославской организации.

Воспоминания делегата Донского комитета С. И. Гусева «II съезд» («Пролетарская революция» № 6—7 (77—78), стр. 39—58, 1928 г.) дают картину самого съезда. Съезд и послесъездовский раскол отражены в воспоминаниях И. Лалаянца «У истоков большевизма» (вып. 2-й, М., Госиздат, 1931 г.).

Обстановку работы агентов «Искры» в России по налаживанию транспорта литературы, а впоследствии и переправку деле-

готов съезда через границу освещают сборник «Товарищ Бауман» (изд. 2-е, доп. и испр., М., «Московский рабочий», 1930 г.), а также воспоминания О. Пятницкого «Записки большевика» (изд. 2-е, М.—Л., «Московский рабочий», 1931 г.). О. Пятницкий был в числе одиннадцати «искровцев», бежавших из киевской тюрьмы. Дополняют картину этого исторического побега воспоминания Вл. Бобровского, перепечатанные в сборнике «Товарищ Бауман» (М., «Московский рабочий», 1930 г.), а также брошюра И. Мошинского (Юз. Конарского) «Побег одиннадцати искровцев» (изд. 2-е, М., 1931 г.).

Картину работы местных партийных комитетов к моменту II съезда и в последующий период раскола партии дают воспоминания: Ц. Зеликсон-Бобровской «За первые 20 лет. Записки рядового подпольщика» (изд. 3-е, доп. и изм. М., «Старый большевик», 1932 г.) (тверская и московская организации, «Северный рабочий союз»); О. А. Варенцовой «Северный рабочий союз» (1900—1903 гг.). (Ив.-Вознесенск., «Основа», 1925 г.); А. С. Шаповалова «В подпольи» (изд. 2-е, М. Гос. соц.-экон. изд., 1931 г.). Тверской комитет); А. Шотмана «Записки старого большевика» (М., «Старый большевик», 1932 г.). (Петербургский комитет).

К непосредственно мемуарной литературе о работе местных комитетов в период II съезда примыкает пока еще немногочисленная книжная литература, посвященная истории местных организаций в период II съезда. Среди этой литературы прежде всего следует отметить книгу по истории московской партийной организации «Искровский период в Москве», под ред. О. Пятницкого, Ц. Бобровской, М. Владимирского (М.—Л., «Московский рабочий», 1928 г.). В этой книге собраны наряду с такими документами, как материалы из доклада о московском социал-демократическом движении на II съезде и доклад представителя Московского комитета на II съезде, переписка с редакцией «Искры» В. Кожевниковой, Г. Окуловой, прокламации и документы московской организации периода 1902—1903 гг., воспоминания и автобиографии И. Теодоровича, Г. Окуловой, биографическая справка о Н. Баумане.

Книга Д. Русинова «Казань в эпоху II съезда партии» (краткий очерк) (Казань, 1928 г.) так же, как и книга З. С. Пет-

рова «Саратовская организация РСДРП от I до II съезда» (по материалам охраны) (Саратов, 1928 г.), дает некоторый материал для обрисовки периода II съезда.

Из обширной журнальной литературы, до сих пор не выпущенной еще отдельным изданием, укажем на статьи: И. Волковичера «В. И. Ленин и собирание партии вокруг старой «Искры»» («Пролетарская революция» № 3 (26), стр. 62—91, 1924 г.), написанную на основании документов Женевского партийного архива; «Из переписки «Искры» с местными организациями», подготовленную к печати Ц. Бобровской («Пролетарская революция» № 6—7 (77—78), стр. 93—178 и № 8 (79), стр. 50—63, 1928 г.), в которой содержится переписка с Организационным комитетом по созыву съезда, Самарским комитетом и «Южным рабочим»; А. Ильина-Женевского «II съезд партии и петербургская социал-демократическая организация» («Красная летопись» № 2, стр. 5—32, 1928 г.); его же, «Как «Искра» завоевала Петербург» («Красная летопись» № 4 (15), стр. 216—243, 1925 г.).

Произведения Ленина, статьи и хроника в «Искре» дают богатейший материал для истории рабочего движения за период 1900—1903 гг. В нашем обзоре мы считаем нелишним отметить основные брошюры, посвященные важнейшим событиям рабочего движения, сыгравшим роль поворотных этапов в нарастании и подготовке революции 1905 г. В значительной мере эти книги являются перепечаткой тех массовых изданий, которые издавались «Искрой» в агитационно-пропагандистских целях под руководством Ленина непосредственно вслед за событиями. Эту роль «Искры» как коллективного организатора рабочего революционного движения выясняют книга Н. Рубинштейна и Г. Стопалова «Искра» 1900—1903 гг.» (М., Госиздат, 1926 г.) и отчасти статья А. Гайстера «Искра и крестьянское движение 1900 г.» («Пролетарская революция» № 1 (48), стр. 77—86, 1926 г.).

В серии массовых изданий о рабочем движении первой следует указать брошюру «Майские дни 1900 г. в Харькове» (К тридцатилетию годовщины. 1900—1930 гг.) (Харьков, «Пролетарий», 1930 г.). Брошюра была составлена Харьковским комитетом РСДРП на основании описания событий рабочими и издана «Искрой» с пред-

словием В. И. Ленина. В приложении к изданию 1930 г. напечатаны первомайские прокламации Харьковского комитета 1900 года.

Сборник «Обуховская оборона в 1901 г.» (К двадцатипятилетию обуховской обороны, сост. П. Ф. Куделли. М.—Л., Госиздат, 1926 г.) посвящен описанию забастовки на Обуховском заводе в Петербурге в 1901 г., приведшей к вооруженному сопротивлению царизму, организовавшему знаменитое побоище рабочих на Александровском проспекте. В этом сборнике перепечатаны нелегальная брошюра «Обуховская оборона», изданная заграничной лигой революционной социал-демократии, ряд воспоминаний непосредственных участников обороны, рабочих, судебный приговор и другие материалы. Обуховской обороне посвящена также книга «От обуховской обороны к ударному «Большевику» (сборник материалов о прошлом и настоящем завода «Большевик». Л., «Прибой», 1931 г.).

Ростовской стачке 1902 г. посвящен сборник «Пролетарская революция на Дону» (сборник III, под ред. А. Станчинского. Ростов н/Д., Госиздат, 1922 г.), в котором перепечатаны брошюра А. М. Врося (Мочалова) «Правда о ростовских событиях», изданная с предисловием Плеханова, напечатанным предварительно в «Искре», ряд корреспонденций из «Искры», «Красного знамени», документы о стачке

и воспоминания участников ростовской стачки и тихорецких событий. В форме художественного очерка написаны воспоминания двух участников ростовской стачки С. Васильченко и Ив. Ставского «Первый бой» (М., «Московский рабочий», 1922 г.).

Киевской стачке в июле 1903 г. посвящена брошюра В. Вакара В. Правдин «Накануне 1905 г. в Киеве» (июльская стачка 1903 г.). (Киев, «Книгоспилка», 1925 г.). В этой книге перепечатана его нелегальная брошюра «Революционные дни в Киеве», составленная при непосредственном участии Ленина, но изданная в 1904 г. уже после раскола партии меньшевиками, в руки которых перешло издание и редакция «Искры». Брошюра в ее новом издании дополнена воспоминаниями Вакара о работе Киевского комитета.

Общий ход рабочего и крестьянского движения дан в книге «1905 г.» (том I. «Предпосылки революции», М.—Л., 1926 г.), в статьях А. Панкратовой «Рабочий класс и рабочее движение накануне революции 1905 г.» и С. Дубровского и Б. Граве «Крестьянское движение накануне революции». Указанными статьями отнюдь не исчерпывается богатейшая литература по истории рабочего движения, разбросанная на страницах наших историко-партийных журналов, но останавливаться на них в этом кратком обзоре нет возможности.

В. Н.

Д. ШЛОСБЕРГ, Загальний страйк 1903 р. и крах зубатовщини на Україні. Інститут історії партії та Жовтневої революції на Україні при ЦК КП(б)У (Істпарт). Партвидав, «Пролетар» 1932 г. (Д. ШЛОСБЕРГ, Всеобщая забастовка 1903 года и крах зубатовщини на Украине. Институт Истории партии и Октябрьской революции на Украине при ЦК КП(б)У (Истпарт). Партийное издательство «Пролетарий». 1932 г.).

Работа т. Д. Шлосберга несомненно заслуживает серьезного внимания. Как известно, историк в своем исследовании проходит три стадии работы — собирает материал, критически анализирует его и в конце своей работы облекает в определенную форму. Все эти три

элемента мы находим и в работе т. Д. Шлосберга. Материал, собранный им, довольно богат и, главное, во многих отношениях нов и свеж. Он использовал не только опубликованные статьи, исследования, воспоминания, корреспонденции в «Искре», но и большое количество архивных документов из дел охранных отделений и жандармских управлений, донесений местных жандармских властей в центр, из переписки властей и т. п. Нечего говорить, что такие материалы, как статьи В. И. Ленина, прокламации комитетов, а также работы Р. Люксембург, Каутского и других виднейших деятелей II интернационала, также использованы автором.

Весь этот материал взвешен и рассмотрен с точки зрения революционной теории Маркса

словием В. И. Ленина. В приложении к изданию 1930 г. напечатаны первомайские прокламации Харьковского комитета 1900 года.

Сборник «Обуховская оборона в 1901 г.» (К двадцатипятилетию обуховской обороны, сост. П. Ф. Куделли. М.—Л., Госиздат, 1926 г.) посвящен описанию забастовки на Обуховском заводе в Петербурге в 1901 г., приведшей к вооруженному сопротивлению царизму, организовавшему знаменитое побоище рабочих на Александровском проспекте. В этом сборнике перепечатаны нелегальная брошюра «Обуховская оборона», изданная заграничной лигой революционной социал-демократии, ряд воспоминаний непосредственных участников обороны, рабочих, судебный приговор и другие материалы. Обуховской обороне посвящена также книга «От обуховской обороны к ударному «Большевику» (сборник материалов о прошлом и настоящем завода «Большевик». Л., «Прибой», 1931 г.).

Ростовской стачке 1902 г. посвящен сборник «Пролетарская революция на Дону» (сборник III, под ред. А. Станчинского. Ростов н/Д., Госиздат, 1922 г.), в котором перепечатаны брошюра А. М. Врося (Мочалова) «Правда о ростовских событиях», изданная с предисловием Плеханова, напечатанным предварительно в «Искре», ряд корреспонденций из «Искры», «Красного знамени», документы о стачке

и воспоминания участников ростовской стачки и тихорецких событий. В форме художественного очерка написаны воспоминания двух участников ростовской стачки С. Васильченко и Ив. Ставского «Первый бой» (М., «Московский рабочий», 1922 г.).

Киевской стачке в июле 1903 г. посвящена брошюра В. Вакара В. Правдин «Накануне 1905 г. в Киеве» (июльская стачка 1903 г.). (Киев, «Книгоспилка», 1925 г.). В этой книге перепечатана его нелегальная брошюра «Революционные дни в Киеве», составленная при непосредственном участии Ленина, но изданная в 1904 г. уже после раскола партии меньшевиками, в руки которых перешло издание и редакция «Искры». Брошюра в ее новом издании дополнена воспоминаниями Вакара о работе Киевского комитета.

Общий ход рабочего и крестьянского движения дан в книге «1905 г.» (том I. «Предпосылки революции», М.—Л., 1926 г.), в статьях А. Панкратовой «Рабочий класс и рабочее движение накануне революции 1905 г.» и С. Дубровского и Б. Граве «Крестьянское движение накануне революции». Указанными статьями отнюдь не исчерпывается богатейшая литература по истории рабочего движения, разбросанная на страницах наших историко-партийных журналов, но останавливаться на них в этом кратком обзоре нет возможности.

В. Н.

Д. ШЛОСБЕРГ, Загальний страйк 1903 р. и крах зубатовщини на Україні. Інститут історії партії та Жовтневої революції на Україні при ЦК КП(б)У (Істпарт). Партвидав, «Пролетар» 1932 г. (Д. ШЛОСБЕРГ, Всеобщая забастовка 1903 года и крах зубатовщини на Украине. Институт Истории партии и Октябрьской революции на Украине при ЦК КП(б)У (Истпарт). Партийное издательство «Пролетарий». 1932 г.).

Работа т. Д. Шлосберга несомненно заслуживает серьезного внимания. Как известно, историк в своем исследовании проходит три стадии работы — собирает материал, критически анализирует его и в конце своей работы облекает в определенную форму. Все эти три

элемента мы находим и в работе т. Д. Шлосберга. Материал, собранный им, довольно богат и, главное, во многих отношениях нов и свеж. Он использовал не только опубликованные статьи, исследования, воспоминания, корреспонденции в «Искре», но и большое количество архивных документов из дел охранных отделений и жандармских управлений, донесений местных жандармских властей в центр, из переписки властей и т. п. Нечего говорить, что такие материалы, как статьи В. И. Ленина, прокламации комитетов, а также работы Р. Люксембург, Каутского и других виднейших деятелей II интернационала, также использованы автором.

Весь этот материал взвешен и рассмотрен с точки зрения революционной теории Маркса

Ленина—Сталина и использован для выяснения как основных черт огромного массового движения, так и для того, чтобы нарисовать ясную, подробную и яркую картину исторического события.

В небольшом предисловии («Вместо предисловия») автор рассматривает взгляды вождей II интернационала на значение и характер всеобщей стачки — Каутского, Р. Люксембург и Плеханова — и, противопоставляя им точку зрения Ленина и Сталина на этот вопрос, вскрывает оппортунизм теоретиков западноевропейской социал-демократии. Он указывает на смешение Р. Люксембург политической и экономической стачки, на противопоставление всеобщей стачки вооруженному восстанию — мысль, присущая как Р. Люксембург, так Плеханову и Каутскому, в противоположность Ленину, подчеркивавшего, что всеобщая стачка, например 1905 г., — это стачка, носящая форму восстания, и восстание, имеющее форму стачки. Автор подчеркивает мысль Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую, и наконец он выявляет роль оппортунизма в стачках 1903 г. как агента буржуазии.

В довольно большой главе о предпосылках стачки 1903 г. (стр. 17—41) т. Шлосберг рассказывает подробно об экономических и социальных условиях, вызывавших стачечное движение 70—80-х и 90-х годов. Это глава быть может наименее интересная в книге, так как и данные по экономике и данные о стачках за эти годы общеизвестны, картина экономического развития и пролетарского движения уже обследована и здесь ничего нового, своего автор не дает.

Главы об «экономизме» и зубатовщине уже более интересны, так как хотя и здесь факты общеизвестны и взяты по большей части из известных источников, но наряду с этим имеются и новые данные, почерпнутые из архивных дел.

Далее следует большая глава о ходе забастовки в Одессе, Киеве, Екатеринославе, Николаеве, Елизаветграде и Бердичеве. Здесь автор пользовался новым интересным материалом из архивных дел. Картина стачки описана хорошо, так что, несмотря на множество деталей и подробностей, общий ход грандиозного движения

не затемняется. Очень жаль только, что толчку, развязавшему невиданное до того движение, — забастовкам на Кавказе — уделено мало внимания, а между тем сравнение этих кавказских стачек с украинскими еще более подчеркнуло бы выводы, данные автором в конце книги.

Требованиям, выдвинутым рабочими, т. Шлосберг уделяет целую главу. Выводы, к которым приходит т. Шлосберг, следующие: большая часть требований была экономического порядка, но вместе с тем вся стачка носила характер грандиозного политического выступления, предвещавшего перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую, что особенно заметно на борьбе екатеринославских металлистов, выставивших и наиболее четкую экономическую и политическую программу.

Глава о крахе зубатовщины в результате всеобщих стачек на Украине написана на основании свежего архивного материала, иллюстрирующего мысль автора, что, будучи огромной практической-политической школой классовой борьбы пролетариата, стачка вылечила рабочих от болезни того времени — зубатовщины.

Подчеркнув главную и исключительную роль искровских (будущих большевистских) организаций в деле руководства стачкой, т. Шлосберг переходит к выводам. Не принеся никаких заметных материальных улучшений пролетариату, стачка 1903 г. имела все же огромное политическое значение: всколыхнув сотни тысяч рабочих, стачка разбила веру некоторых слоев рабочих в зубатовщину и тем самым подготовила ее крах. Руководство стачкой (так же, как и подготовка) находилось всецело в руках наших искровских организаций, и с этой точки зрения стачку 1903 г. необходимо рассматривать как один из этапов подготовительной борьбы к грядущей революции.

Таким образом довольно обьемистая книжка т. Шлосберга — одна из лучших работ по данному вопросу и пожалуй первая лучшая сводная работа о всеобщих стачках на Украине в 1903 году.

О стиле не беремся судить, так как недостаточно компетентны в области украинского языка, но насколько нам представляется, язык прост и понятен.

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ

В Институте истории Комкадемии

Работа Института в 1933 г. перестроена в сторону изучения наиболее актуальной проблематики по разным разделам исторической науки и максимального использования всех научных сотрудников.

Поэтому значительно изменилась тематика, над которой работает небольшой научно-исследовательский коллектив. Поскольку партия мобилизовала в МТС большинство из окончивших ИКП истории, пополнения Института в последний год почти не было. Кроме того Институт пересмотрел свои кадры, передав в соответствующие организации ряд работников. Все эти обстоятельства вынудили Институт сузить свою тематику и составить план из тех работ, которые дадут сотрудники Института.

Практика показала, что только незначительная часть историков, работающих не в штате, выполнила свои обязательства. Организационно перестроившись и поставив правильный учет работы, дирекция регулирует работу сотрудников и обеспечивает ее своевременную сдачу. Ячейка партии и местком оказывают активную помощь в выполнении плана 1933 г. как со стороны качественных, так и количественных показателей.

Все внимание дирекции и ячейки устремлено на своевременную сдачу монографических работ. Это — главное звено Института в 1933 г.

Институтом сданы в печать и находятся в стадии подготовки следующие работы:

По истории России и СССР

М. Н. ПОКРОВСКИЙ. История России (четырехтомник).

М. Н. ПОКРОВСКИЙ. Сборник историографических работ.

О. ЧААДАЕВА. Фронт в 1917 г. 20 п. л.

Б. ФРЕЙДЛИН. От рабочего контроля к рабочему управлению. 15 п. л.

История пролетариата СССР

М. НЕЧКИНА. История освобождения крепостных рабочих. 20 п. л.

М. НЕЧКИНА. Последний председатель Тульчинской управы. 20 п. л.

П. ПАРАДИЗОВ. Мальцевские заводы XVIII и XIX вв. (К истории промышленного капитализма в России). 15 п. л.

П. АНАТОЛЬЕВ. Предистория марксизма в России. 12 п. л.

В. ЗЕЛЫЦЕР. Промышленный переворот в России. 10 п. л.

БУХИНА. Гончаровская мануфактура в эпоху крепостного хозяйства (I глава). 5 п. л.

П. ПАРАДИЗОВ, В. ЗЕЛЫЦЕР, АНТОШКИН. История Трехгорной мануфактуры. 25 п. л. (Сдана в печать).

Архивная картотека по истории пролетариата. (Сдана в печать.)

История отдельных народов СССР

Н. ТОКИН. История Кабарды (ч. I-я, дооктябрьский период). 10 п. л.

Проблемы рабочего и революционного движения на Западе

Хроника международного рабочего и революционного движения в период мировой войны: во Франции—ГОРЕВ, НАГЛИС, ИОТОВИЧ; в Германии—Ф. ГЛЮБИК, М. ГЛЮБИК, М. МОРИЦ, Ф. ПОЛШТЕЙН; в Польше—ЯСИНСКИЙ, ТЕНЕНБАУМ.

Восемитомник по истории Коминтерна: Н. ЛУКИН. Основные черты и особенности классовой борьбы в эпоху довоенного империализма. 2 п. л. Х. ЛУРЬЕ. Классовая борьба в Англии с 70-х гг. до империалистической войны. 5 п. л.

ДАЛИН. Франция эпохи империализма. 6 н. л.
А. ПАНКРАТОВА. Амстердамский интернационал. 8 н. л.

Сборник «История французского рабочего движения довоенного периода» (Милицына — Алеманисты, Э. Бернштейн—Поссибилисты, Бантке—Циммервальдское движение во Франции, Далин—Две тенденции в довоенном рабочем движении, Николаев — О расколе в социалистической партии). 20 н. л.

Р. АВЕРБУХ. Царская интервенция в венгерскую революцию 1848 г. 13 н. л.

ДАЛИН. Массовое рабочее движение во Франции. 8 н. л.

МИЛИЦЫНА. Борьба течений во всеобщей конфедерации труда во Франции 90-х и 900-х гг. 15 н. л.

Н. ЛУКИН. Библиография германской революции 1918—1928 гг. 10 н. л.

История промышленного капитализма в Западной Европе и САСШ

А. ЕФИМОВ. Развитие капитализма в САСШ. 15 н. л.

Проблемы внешней политики эпохи империализма

ХВОСТОВ. История внешней политики Германии (до 1904 г.). 6 н. л.

НОТОВИЧ. Участие в работах комиссии по изданию документов империалистической войны.

НОТОВИЧ. Популярное издание документов империалистической войны.

Журналы

«История пролетариата СССР», под ред. А. Панкратовой и О. Чаадаевой, №№ 13—16.

«Историк-марксист», под ред. Н. Лукина, С. Сефа, №№ 1—4.

Кроме того подготавливается к печати статистический отчет сессии Института истории, посвященной 50-летию со дня смерти Маркса

Массовая работа

В настоящее время дирекция совместно с партийной организацией наметила план научной и научно-популяризаторской работы, которую предполагается проводить как в районах Московской области, так и по всему СССР.

Намечен выезд в ближайшее время 4 групп с тематикой своих научно-исследовательских работ, а также цикл лекций по основным вопро-

сам курса в помощь преподавателям и студентам местных вузов.

Партийная организация Института, проделавшая значительную работу по обслуживанию докладами района Московской области, перекладывает всех своих членов на подготовку научно-популярных докладов к 16-летию Октября и 10-летию смерти Ленина. Эти доклады будут читаться по определенному плану, утвержденному Фрунзенским райкомом и МК партии.

В ИКП истории

15 июля в ИКП истории закончился учебный год.

Каковы же были результаты истекшего года?

Дирекция Ин-та, строя план для первого курса, взяла решительный курс на изучение конкретной истории с древнейших времен. С этой целью был введен ряд специальных и общих лекционных курсов, дополняющих семинарские занятия. В течение истекшего года наряду с семинарскими работами были прочитаны циклы лекций (для I и II курсов): по истории России и СССР — 10 лекций, по Западу — 15 и по Востоку — 11.

Впервые в Ин-те были созданы семинары по истории большевизма и истории Коминтерна. Слушатели обоих семинаров писали доклады на основе разработки не только русских, но и иностранных материалов. Многие из этих докладов признаны годными к печати.

Хорошо работал семинар по истории Октября и гражданской войны в национальных районах. Все доклады этого семинара написаны на основе неопубликованных архивных материалов.

Доклады о гражданской войне в Донбассе, о красной гвардии на Украине, Октябрь на Дону, Октябрь в Мордовии также признаны годными к печати.

III курс Восточного отделения дал ряд доброкачественных докладов по истории Турции.

Итоги экзаменационной сессии дают следующие цифровые показатели.

Из 85 слушателей I и II курсов переведено на следующий курс 57 чел., отложены испытания на осень по болезни 8 чел., оставлено на второй год по болезни и другим причинам 8 чел., предоставлена возможность переэкзаменоваться 10 чел., отчислено 2 чел.

По отд. Ист. России и СССР 55 проц. слушателей получили оценки хорошо или вполне удовлетворительно, по Западному отд. — 63 проц., по Восточному — 62 проц., по проф. отд. — 75 проц.

Несмотря на то, что основная часть работы II курса была перенесена на второе полугодие и даже на последнюю треть, учебный план Ин-та выполнен полностью. Общий итог учебной работы в текущем году несомненно положительнее и выше предыдущего по всем показателям.

Начавшаяся публичная защита диссертационных работ слушателей III курса (Красин — «В Гоминдановском стане», Габидулин — «История кемализма», Самрусский — «Турция от полуколоний к национальной независимости») показала высокий теоретический и идейно-политический уровень работ. Все три работы рекомендованы к печати.

Сданы уже, но еще не подверглись публичной защите работы т. Пенчанской «Место рабочего контроля в ленинском плане социалистического строительства» и т. Костомарова «Московский совет в борьбе за строительство социализма в годы военного коммунизма».

В ближайшее время заканчивают свои работы Соловьев «Разрыв англо-советских отношений в 1927 г.» и Добротвор «Рабочие продотряды в годы гражданской войны».

Дирекция Ин-та сейчас проводит ряд мероприятий для подготовки будущего учебного года.

Слушателям розданы программы с указанием литературы по всем основным дисциплинам, уже произведена разбивка по семинарам всех перешедших на II курс.

Окончательно разработаны и закреплены за каждым слушателем III курса темы диссертационных работ.

В помощь педагогической работе слушателей организован педагогический кабинет.

Подготовлены к печати следующие работы слушателей ИКП истории: 1) История большевизма на международной арене (сб.), 2) История Октября и гражданской войны в национальных районах, 3) Сборник по истории Турции.

В обществе старых большевиков

С 28 июня по 1 июля в Москве состоялась II всесоюзная конференция Общества старых большевиков, подводящая итоги работы за 3 года.

За период с 1930 по 1933 г. президиум проделал огромную массовую работу на подшефных предприятиях (Кузнецк, Магнитогорск и др.) и колхозах, помогая выполнять производственные планы, поднимая энтузиазм рабочих и колхозников в социалистическом строительстве.

Значительно расширился состав ВОСБ. Как в Москве, так и в отделениях создан актив членов, а также близких к обществу подпольщиков нечленов ВОСБ, который выдвинул кадр пропагандистов, докладчиков, агитаторов, беседчиков. Этот кадр обслуживает более молодых членов партии, комсомольцев, пионеров, беспартийных рабочих и т. д., передавая им свой старобольшевистский опыт.

Важным начинанием ВОСБ явилось создание секций научно-теоретического характера (история ВКП(б), философия, экономика, техника, критика литературы и искусства и т. д.), развивающих свою работу на основе общественной самостоятельности членов ВОСБ и борющихся за классовую бдительность на идеологическом фронте.

Одним из серьезных достижений ВОСБ является расширение шефской работы над красноармейскими частями, которые получают систематическую помощь в деле политического воспитания.

Проводится большая работа по подготовке выставки к 10-летию со дня смерти Ленина. Одновременно готовится выставка, посвященная памяти Ольминского.

Литсектором ВОСБ проделана значительная работа по сплачиванию старобольшевистских литературных сил, по собиранию и обработке историко-мемуарного, биографического материала. Секция историко-биографического справочника подготовила к печати 1.500 биографий членов общества.

К 30-летию юбилея партии организована чрезвычайно интересная выставка «Борьба партии за диктатуру пролетариата», предназначенная обслуживать не только членов общества и экскурсии, но также предприятия и периферию.

Члены О-ва обслужили докладами подшефные предприятия, районы и военные части.

Около 18 докладов было организовано в помещении О-ва.

В целях улучшения информации наших читателей о новинках исторической литературы в каждом номере Борьбы классов будут помещаться списки только что вышедшей и в ближайшее время выходящей литературы исторического содержания.

Полка книжных новинок не ставит своей целью давать рекомендательные списки или какие бы то ни было оценки. Рецензии будут помещаться в разделе критики и библиографии. Редакция просит все местные и особенно национальные издательства присылать информацию о вышедших и подготовляемых исторических работах, а также присылать последние для помещения о них отзывов и рецензий в нашем журнале.

К тридцатилетию II съезда партии

ЛЕНИН. Рассказ о II съезде. Партиздат.

ЛЕНИН. Избранные сочинения. Партиздат.

ЛЕНИН. Шаг вперед, два шага назад. Партиздат.

ЛЕНИН. II съезд и раскол в партии. Институт им. Сталина при ЦК КП(б) Грузии.

С. ГУСЕВ. Исторический поворот в международном рабочем движении. Партиздат.

С. ГУСЕВ. 30 лет большевистской партии. Партиздат.

С. ГУСЕВ. Борьба за партию (сборник). Партиздат.

КОЛЕСНИКОВА. Возникновение и оформление большевизма. Партиздат.

КРАСИКОВ. II съезд. Партиздат.

П. ЛЕПЕШИНСКИЙ. Как возникла ленинская партия. Партиздат.

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ. Организационные принципы большевизма. Партиздат.

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ. 30 лет большевистской партии и наши задачи. Партиздат.

История партии

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ. История ВКП(б), ч. I. Партиздат.

Н. ПОПОВ. Очерк истории ВКП(б). Партиздат, вып. 1-й (допечатка).

ПРОТОКОЛЫ X СЪЕЗДА РКП(б). ИМЭЛ. Партиздат. 954 стр., ц. 8 р. 50 к.

«ИСТОРИЯ ВКП(б)». Хрестоматия из произведений Ленина и Сталина и из партдокумен-

тов, под ред. М. Волина, вып. 1-й. Партиздат. 490 стр., ц. 3 р. 50 к.

М. ГАЙСИНСКИЙ. Борьба большевиков за крестьянство в 1917 г. Всероссийские съезды советов крестьянских депутатов. Партиздат, 296 стр., ц. 2 р. 50 к.

А. ХВИЛЯ. КП(б)У в борьбе за ленинскую национальную политику. Партвидав «Пролетар». 1933 г., 106 стр., ц. 1 р. 50 к.

Массовая книга партийцу

Н. КРУПСКАЯ. Каким должен быть коммунист. Партиздат.

Н. КРУПСКАЯ. Ленин как пропагандист и агитатор. 1½ л. Партиздат.

История народов СССР

М. Н. ПОКРОВСКИЙ. Борьба классов и историческая наука (двухтомник). Соцэкгиз.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ. Русская история с древнейших времен в 4 томах. Соцэкгиз.

«История Татарии в материалах и документах», под ред. ЭЛЬВОВА. Татарский институт марксизма и ленинизма.

С. КИСЕЛЕВ. Разложение рода и феодализм на Енисее. Ленсоцэкгиз, 34 стр., ц. 1 р. 75 к.

В. М. ПОДОРОВ. Очерки по истории коми (зырян и пермяков), т. I. Коммунистический педагогический институт. Комгиз, 1933 г., 20 п. л., тир. 3.000.

Проф. П. С. РЫКОВ. Очерк по истории мордвы по археологическим материалам. Москва. Учпедгиз, 1933 г., 7 п. л., тир. 5.000.

История социализма и революционного движения

«ПАРИЖСКАЯ КОММУНА». Сб. документов, подготовлен к печати Центроархивом. Соцэкгиз.

«ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛИЗМА ВО ФРАНЦИИ». Сб. под ред. академ. Н. Лукина, подготовленный авторским коллективом научных сотрудников Комкадемии в составе: Милициной, Э. Бернштейн, Далина, Бантке, Николаева. Содержание: аллемансты, POSSIBILISTЫ, бланкизм, гедизм, циммервальдское движение во Франции. Партиздат.

С. МОНОСОВ. Очерки истории революционного движения. 2-е переработанное издание, Партиздат.

«СПАРТАК ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ». Сб. документов с введением Рихтера и предисловием Кнорина. 20 п. л. Партиздат.

ФОЛЬКМАН. Вихрь революции над Германией. Перев. с немецкого с предисловием Г. Зинovieва. Соцэкгиз.

Из революционного прошлого

О. ПЯТНИЦКИЙ. Записки большевика (1898—1917 гг.), 13 п. л. Партиздат.

ШЕБАЛИН. Воспоминания. Изд-во Политкаторжан.

Ф. КОН. Из революционного прошлого (3 тома). Воспоминания за 50 лет революционной работы. Изд-во Политкаторжан.

ПОПОВ И. И. Минувшее и пережитое. Изд. «Академия».

НИКИФОРОВ П. М., Муравьи революции (большевики на каторге). «Молодая гвардия», 140 стр., ц. 1 р. 80 к.

М. Р. ПОПОВ. Записки землевольца. Изд. Политкаторжан, 466 стр., ц. 8 р. 50 к.

Ф. ЮРКОВСКИЙ. Булгаков. Роман, написанный в Шлиссельбурге. Изд. «Академия», 304 стр., ц. 5 р. 50 к.

Памятники по истории революционной мысли в России

М. БАКУНИН. Собрание сочинений в 12 томах под ред. Ю. Стеклова. Изд-во Политкаторжан.

П. ЛАВРОВ. Избранные сочинения в 6 томах, подготов. Книжник Ветров, под ред. И. Теодоровича.

П. ТКАЧЕВ. Соч., т. III, с предисловием Б. Козьмина.

Документы по истории революционного движения в России

«ВОЕННЫЕ ВОССТАНИЯ В БАЛТИКЕ 1905—1906 гг.». Документы Центроархива с предисловием В. Невского. Примечания и предметный указатель составили тт. Дрезен, Петров, Ахун. 942 стр., ц. 3 руб.

Журналы

«РАБОТНИК» за 1875 г. со вступит. статьей В. Невского. Изд-во Политкаторжан.

«КОЛОКОЛ» Нечаева за 1870 г. со вступит. статьей В. Невского.

«КОЛОКОЛ» Герцена с комментариями и предисловием Л. Б. Каменева. Соцэкгиз.

Октябрьская революция и гражданская война

«Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке». Истпарт Дальневост. крайкома ВКП(б). Хроника событий 1917—1923 гг. Сост. С. Цыпкин, А. Шурыгин, С. Булыгин. Дальгиз. Москва, Хабаровск, 1933 г. 19¼ п. л., тир. 7.000.

«Октябрьская революция и гражданская война на севере». Северо-Двинское и Вельско-Шенкурское направления. Сб. воспоминаний, вып. 1-й. Истпарт Сев. крайкома ВКП(б). Сост. А. И. Потилицин, под ред. В. Р. Ферица. Партиздат.

«Октябрьская революция и гражданская война на Севере». Вып. 2-й. Онежское железнодорожное направление. Воспоминания участников гражданской войны. Истпарт Сев. крайкома ВКП(б). Партиздат. Архангельск, 1933 г., 5,75 п. л., тир. 3.000.

«Четырнадцать дней». Сб. очерков и статей о гражданской войне в январские дни 1918 г. в Астрахани, под ред. И. Юдина и В. Осьминина. Астрахань, 1933 г., 42 стр., тир. 2.000.

Г. РЫЧКОВ. Красная гвардия на Урале. Под ред. С. С. Моисеева. Урал. обл. ком. содействия изданию «Истории гражданской войны». Серия «Октябрь и гражданская война на Урале». Свердловск, Москва, 10¼ п. л., тир. 5.000.

П. И. ДЕТКИН. Очерк партизанского движения в Чернушинском и прилегающих к нему районах Предуралья Уральской области 1917—1932 гг. Изд. Чернушинского район. ком. ВКП(б), 76 стр., тир. 2.000.

ГИРЧЕНКО. Революционная деятельность иностранных интернационалистов военнопленных в Вост. Сибири. Бургосиздат. 32 стр., 65 коп.

«Интервенция на Севере» (1918 г.). Сб. документов Центрархива, с пред. и прим. И. Минца. 96 стр., ц. 90 коп.

С. РАБИНОВИЧ. История гражданской войны. Партиздат.

М. ФРУНЗЕ. Избранные произведения (в 1 томе), состав. Голубев. Партиздат.

Национально-колониальный вопрос

С. ДИМАНШТЕЙН. Борьба ленинизма с люксембургизмом. Изд. «Старый большевик». 86 стр., ц. 1 р. 20 к.

САФАРОВ. Очерки по истории Китая. Соцэкгиз.

Сборник «СОВЕТСКИЙ КИТАЙ». Документы по истории сов. движения в Китае. Партиздат.

«ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ» № 12. Содержание: Ван-Мин, Экономическая политика советских районов Китая; Кучумов, О некоторых особенностях китайской революции; Аркуст, Экономическое наступление японского империализма в Манчжурии; Гамберг, Экономический кризис в Китае (1931—33 гг.); Аварин, К вопросу о классовой структуре манчжурской деревни.

«ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ». Сб., перев. с испанск. Содержание: Классы и партии в исп. револ. Ход событий после декабря 1931 г. Испанская с.-д. партия—главная опора буржуазн. контрреволюц.; анархисты и анархо-синдикалисты; ренегаты коммунизма. Мауринисты и троцкисты. Компартия Испании и ее основные задачи. Прогнозы в испанской революции; аграрный вопрос и крестьянское движение в Испании. Национальный вопрос и национально-революционное движение в Испании; к вопросу о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Партиздат.

Сборник «КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ» № 1, подготовлен колониальным сектором Института мирового хоз-ва Комкадемии. Ст. Терентьева, Александрова, Столярова, Сафарова, Ренбджер и др.

В. ГАВРИЛЮК. Основоположники марксизма про національні питання. Партвидав. «Пролетар», 112 стр., ц. 1 р. 60 к.

Мировое хозяйство и мировая политика

ИВАНОВ и СМІРНОВ. Англо-американское морское соперничество. ИМХ, 21 л.

Сборник «ИНФЛЯЦИЯ В САСШ». Выступления Иоэльсона, Гурвича, Варги, Трахтенберга и др. на дискуссии в Комкадемии. ИМХ.

ПЯТНИЦКИЙ. О современном положении Германии. Партиздат, 4 л.

ЮЖНЫЙ. Япония. Военно-полит. очерк, 11 л.

А. ШИПОВ. САСШ. Военно-полит. очерк—1, готов к печ. Партиздат.

ИВАНОВ и ЗВАВИЧ. Англия. Военно-полит. очерк, готов к печати. Партиздат.

ВУОРИ. Финляндия. Военно-полит. очерк, готов к печати. Партиздат.

КОРЕЦКИЙ. Польша. Военно-полит. очерк, готов к печати. Партиздат.

Сб. документов «РЕПАРАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ И ВОЕННЫЕ ДОЛГИ». Подготовили к печати А. Ерусалимский и Иванов, предисловие Варги. Партиздат. 13½ п. л.

ФЕЙ. Происхождение мировой войны. Перев. с англ., т. 1 (до сараевского убийства). Пред. А. Л. Попова. Соцэкгиз, 30 п. л.

Учебники

А. ГУКОВСКИЙ и ТРАХТЕНБЕРГ. Эпоха феодализма. Учпедгиз, 17 п. л.

А. ЕФИМОВ, Н. ФРЕЙБЕРГ. Эпоха промышленного капитализма. Учпедгиз, 258 стр., ц. 2 р.

КОЗЛОВ, ПИОНТКОВСКИЙ и другие. Эпоха империализма. Учпедгиз, 20 п. л.

МИШУЛИН, ЖАКОВ, СЕРГЕЕВ. Учебник по истории для средней школы. Доклассовое общество, древний Восток, античный мир. Учпедгиз.

«Хрестоматия по эпохе промышленного капитализма на Западе». Под ред. Н. Лукина. Партиздат.

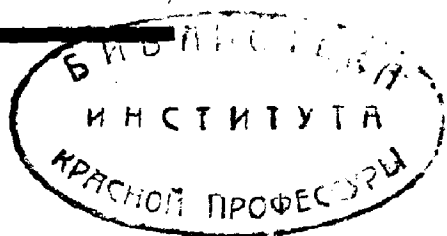
История фабрик и заводов

ИЛЬИН, ГАЛИН, ЦИТОВИЧ, ВИГИЛЯНСКИЙ. Сталинградский тракторный завод. 30 п. л.

ПАЯЛИН. Невский-машиностроительный завод им. Ленина (б. Семяниковский).

«ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ». Сб., вып. 6-й.

«ЗА СТВОРЕННЯ БІЛЬШОВЦЬКОЇ ІСТОРІЇ ЗАВОДІВ». Всеукр. ред. «Історії заводів». 1933 г., 104 стр., ц. 2 руб.

СОДЕРЖАНИЕ

Зав. редакцией Н. М. Одицова. Художник журнала Я. Янош.
Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 4-95-62. Прием в редакции с 12 до 3 ч. дня.

	Стр.
Тридцать лет большевистской партии (1903—1933)	1
В. И. Ленин. Рассказ о II съезде РСДРП	16
Н. К. Крупская. О II съезде партии	27
С. Гусев. Воспоминания о II съезде	32
Вл. Сорин. Первые шаги Ленина по созданию партии	43
И. Волковичер. Ленин и Плеханов в старой „Искре“	63
К. Розенблюм. Основные вопросы II съезда партии	71
Б. Коган. О диктатуре пролетариата на II съезде	85
И. Сольц. Борьба Ленина за большевистскую аграрную программу в период II съезда	95
С. Диманштейн. Бунд на II съезде партии	106
С. Кржижановский. Польская социал-демократия на II съезде РСДРП	113
М. Руденс. II съезд РСДРП и латышская социал-демократия	122

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ ЮЖНЫХ СТАЧЕК

В. Невский. Летние стачки 1903 года—предвестники 1905 года	130
--	-----

ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Л. Шипилин. Большевистская крепость (30 лет партийной организации завода „Динамо“)	144
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Эйхенгольц. Обзор основной литературы о II съезде партии	158
В. Н. Шлосберг. „Всеобщая забастовка 1903 г. и забастовщина на Украине“	161

ХРОНИКА

По историческим организациям и учреждениям.	163
---	-----

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Б. М. ВОЛИН. РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Т. М. ДУБЫНА, А. М. ПАНКРАТОВА (зам. отв. редактора), Л. Е. ФРУГ

Материалы сданы в набор 7/VII-33 г.—29/VII-33 г. Подписан к печати 14/VIII-33 г., 5^я бум. листа. 153904 экз. в бум. листе.
полномоченный Главлита № В—55241. Заказ № 1920. Издательский № 660 Тираж 20000 экз.

Гипография газеты „Правда“, Москва, ул. Горького, 48.